

5

2010

РОССИЯ XXI

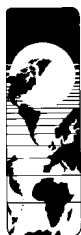
5.2010 сентябрь-октябрь

Теория и практика политических игр

Сергей Кургинян

Система координат _____ **6**

Геоглобалистика

Игорь Максимычев

Пост сдан. Последний год ГДР. Из дневниковых записей советника-посланника посольства СССР в Берлине (окончание) _____ **44**

Олег Гриневский

Саммит нереализованных возможностей ____ **64**

Пути духовных исканий

Андрей Щеглов

Толковая Палея. Легенда о падении Сатанаила _____ **88**

Страницы истории

Марк Стейнберг

Уродливая, падшая личность:
общественный дискурс о личности
и городской жизни в России
1906–1916 годов _____ **114**

Андрей Юрганов

Первый шаг в десталинизации
исторической науки _____ **146**

Актуальный архив

Владимир Печатнов

Большая стратегия СССР
после войны глазами британской
разведки _____ **160**

Редакционная почта

Натиг Алиев

Энергетическая политика
и дипломатия Азербайджанской
республики _____ **182**

Contents in English look at the page 200

РОССИЯ XXI

Редакционный совет

Председатель – **Дегоев В.В.**, доктор исторических наук, руководитель Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Гриневский О.А., доктор исторических наук, чрезвычайный и полномочный посол в отставке, руководитель Центра Европа–США, институт Европы РАН, профессор РГГУ и МГИМО;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России МГОУ, руководитель Центра по разработке и реализации программ документальных публикаций федеральных госархивов РГАСПИ, лауреат Государственной премии РФ;

Княнская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики Российского государственного гуманитарного университета;

Либих Андре, профессор истории, школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, руководитель научного Центра историко-теоретических исследований Института всеобщей истории РАН;

Милюков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

Панин В.И., доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой Международных отношений, связей с общественностью и журналистики Пятигорского Государственного Лингвистического Университета;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Розенталь И.С., доктор исторических наук, профессор, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории;

Фридман Л.А., доктор экономических наук, профессор, руководитель Лаборатории по комплексному изучению Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии и Африки при МГУ;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор кафедры истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ

Журнал «Россия XXI» включен
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Каравашкин А.В.;
Куриленкова А.А.;
Петрова И.Н.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, геополитики, отечественной и зарубежной истории, социологии, экономики, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России. Редколлегия оставляет за собой право отбора рукописей для публикации. Рукописи рецензируются Экспертным советом. Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи.

Аннотацию (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Справочный аппарат, оформленный в соответствии с требованиями ГОСТ.

Объем статьи, включая справочный аппарат, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в двух–трех номерах журнала.

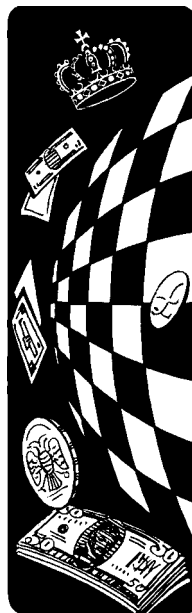
Статья представляется в редакцию на электронном (MS Word) и бумажном (1 экз., подписанный автором) носителях.

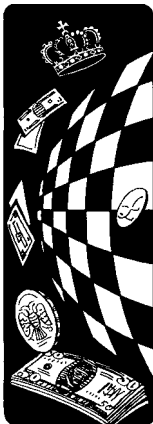
Стремление к объективности не исчерпывается критическим изучением документов, как считает ограниченный позитивизм: оно включает в себя и широкие обобщения; его специфический рационализм сродни тому рационализму, какой присущ современной физической науке... <...> Именно абсолютная реальность прошлой человеческой жизни стремится восстановить себя в более связном виде, в более дифференцированных и более упорядоченных аналитических обобщениях.

Поль Рикер

Деятельность по восстановлению целого должна начинаться только после анализа. Скажем даже: эта деятельность есть лишь продолжение анализа, его обоснование. Каким образом можно в первоначальном анализе, который является скорее деятельностью созерцания, нежели наблюдения, выделить связи, когда ничто еще не разделено?

Марк Блок

Сергей Кургинян

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИГР

СИСТЕМА КООРДИНАТ¹

УДК
32

The author deals with theoretical and practical aspects of the conceptual analytics and with its heuristic potential. The conceptual analytics is based not only on adequate description of a phenomenon but also on examination of geopolitical reality from the conceptual system of co-ordinates standpoint. The conceptual analytics is not fascinated with pseudo-theories and it is not inclined to primitive quasi-conceptualization. The conceptual analytics is quite compatible with sober positivism and has to supplement this positivism and not to oppose it. That said it is important to distinguish adequate notions as instruments of correct analysis from notions loaded with ideology. Within frameworks of genuine conceptualization not only models established by F.Fukuyama and S.Huntington but destinies of the Modern projects are discussed. At the turn of the 20th and 21st centuries this project's destiny has turned out to be open to question. However the very future of humankind and preservation of such urge sing as the 'life instinct' depend on ability to realize the alternative of Super Modern. For ultimately the point at issue is in what world we will live further.

Ключевые слова: радикальный ислам; глобальный террор; теория заговора; псевдотеории; модерн; постмодерн; контрмодерн.

Key words: Radical Islam; global terror; the theory of plot; the Modern; the post-Modern; the counter-Modern.

E-mail: ecc@ecc.ru

¹ Глава из сборника: «Радикальный ислам. Взгляд из Индии и России». М.: МОФ-ЭТЦ, 2010 (в печати).

**КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ
АНАЛИТИКА
НЕОБХОДИМА**

Есть два подхода к исследованию таких явлений, как радикальный исламизм, этнический радикализм, сепаратизм, глобальный террор, суицидальный террор.

Первый подход основан на позитивистском представлении о том, что для описания явления можно исходить лишь из параметров, которыми обладает само явление.

Было бы интересно проследить, как подобное представление переходило по наследству от средневековых номиналистов к сторонникам самодостаточной имманентности, применяющим один подход, но развивающим разные (собственно позитивистские, а также неопозитивистские, структуралистские и неструктуралистские) методы. Но правомочно ли тут говорить об одном подходе, объединяющем разные школы? И правомочно ли называть такой подход позитивистским?

Прежде чем ответить на этот вопрос, обсудим саму проблему приравнивания определенному подходу, объединяющему разные школы, того или иного названия.

Какое название надо дать подходу, сторонники которого категорически отказываются привносить в свою аналитику любые внешние по отношению к рассматриваемым явлениям понятия? Мы ведь знаем, что подобный отказ формирует сегодняшний аналитический мейнстрим.

Имеем ли мы право говорить об индуктивном подходе и противопоставлять ему дедуктивный? Но ведь и индукция, и дедукция оперируют как частным, так и общим. Просто индукция предполагает переход от частного («явления») к общему («понятию»). А дедукция – переход от общего («понятия») к частному («явлению»).

Для тех же, кто категорически отказывается привносить в свою аналитику любые понятия, не являющиеся по сути своей просто параметризацией рассматриваемых им явлений, вообще не существует общего, то есть подлинной понятийности, не сводящейся к такой параметризации.

Но, может быть, мы должны тогда называть их подход не позитивистским, а прагматическим? Категорически отвергаю эту возможность, поскольку тем самым мы отказываем альтернативной аналитике в праве на прагматичность, то есть практическую результативность. Между тем именно стремление к такой результативности требует, по нашему мнению, введения в анализ внешних по отношению к анализируемым явлениям систем понятийных координат.

Конечно, можно в погоне за точностью используемых дефиниций вводить новые термины. И называть аналитику, отказывающуюся вводить внешние по отношению к явлениям системы понятийных координат

нат, *имманентной*. А аналитику, основанную на введении таких систем координат, – *трансцендентной (трансцендентальной)*. Но неясно, приобретут ли при этом издержки. Ведь есть своя традиция использования слов «имманентное» и «трансцендентное». Она носит существенно религиозный характер. И, пытаясь нечто уточнить, можно, наоборот, запутать читателя.

Нет уж, лучше все же называть аналитику, отказывающуюся от использования внешних по отношению к изучаемым явлениям систем понятийных координат, именно *позитивистской*. Возможно, не все сторонники такого подхода являются кантианцами или неокантианцами. Но мы живем в эпоху, когда прямая связь между аналитическими и философскими школами не только не является обязательной, но в каком-то смысле уже становится чем-то вроде интеллектуального моветона.

Слишком многие стали называть спекулятивными любые попытки приписать явлению генезис, сопричастность тем или иным целостностям, а в конечном итоге даже и смысл. Это поветрие за последние десятилетия превратилось в устойчивую интеллектуальную моду, поддерживаемую многими людьми, принимающими политические решения или участвующими в их принятии.

Соответственно, констатация того, что эти люди исповедуют позитивистский подход, никак не является упреком. Напротив, сами эти люди, гордясь тем, что они являются позитивистами (в оговоренном мною выше условном смысле), склонны упрекать всех, кто их подход не разделяет, в приверженности умственным спекуляциям. А то и пресловутой теории заговора (конспирологии).

В пользу позитивистского подхода приводятся как гносеологические, так и иные доводы.

Что касается доводов гносеологических, то они сводятся к проблематизации необходимости вводить, к примеру, в аналитику такого предмета исследования, как морская вода, что-нибудь, кроме свойств этой воды – ее солёности, плотности, температуры и так далее.

Неужели, спрашивают иронически сторонники позитивистского подхода, так уж нужно, исследуя морскую воду, вовлекать в это исследование характеристики морского дна? Или речных потоков, впадающих в морской водоем? Этак ведь можно перейти от исследования любого конкретного явления к построению «всеобщей теории всего», ибо, в конечном счете, все со всем как-то связано.

Что же касается других, не гносеологических доводов, то они тоже достаточно весомы.

Во-первых, современный мир слишком сложен. А значит, в каком-то смысле непостижим для тех, кто принимает решения или сопровождает

их принятие. Многие делатели решений в силу этого предпочитают действовать чуть ли не в соответствии с бихевиористской схемой «стимул – реакция». Они лукаво называют такую схему принятия решений – «методом проб и ошибок». И категорически настаивают на том, что погрузиться в сложности современного мира – значит, занимаясь не своим делом, потерять много времени и сил, ничего в итоге не понять, запутаться, упустить время для принятия решений и так далее.

Во-вторых, многие попытки навязать современному миру те или иные интерпретационные схемы и впрямь попахивают «теорией заговора». Поскольку велик соблазн подменить невероятную сложность современного мира до крайности незатейливыми (а значит, доступными для искомого политического адресата) интерпретационными схемами.

Так есть ли другой, непозитивистский подход, несводимый при этом к оторванным от реальности спекуляциям, конспирологическим измышлениям и так далее?

Такой подход есть. И если отказаться от изобретения новых терминов, то его удобнее всего называть *концептуальным*.

Итак, есть позитивистская аналитика, отказывающаяся от введения внешних по отношению к явлению систем понятийных координат, и есть концептуальная аналитика, настаивающая на необходимости введения систем подобных координат... Уже само название статьи говорит о том, к какой именно аналитической школе относит себя ее автор.

Следы полемики между сторонниками двух рассматриваемых подходов (как философских, так и аналитических) уходят в давнее прошлое. Например, в диспуты между уже упомянутыми мною средневековыми номиналистами и средневековыми реалистами. Интересно было бы обсудить, как номинализм, превращаясь в кантианский и неокантианский позитивизм, противопоставлял себя гегельянству, унаследовавшему в совершенно новом качестве некие черты средневекового реализма. Но это увело бы нас далеко в сторону.

Ограничимся обоснованием используемых терминов (позитивистская и концептуальная аналитика) и указанием на свою приверженность именно концептуальной аналитике. Оговорив же это, двинемся дальше.

В концептуальной аналитике явления теряют статус «вещей в себе и для себя». При этом концептуальная аналитика не отрицает необходимости процедур, используемых позитивистами, – параметризации явлений, выявления их структурной и функциональной специфики и так далее. Она всего лишь настаивает на том, что окончательное понимание явлений возможно лишь тогда, когда они предстают не только в качестве явлений, но и в качестве проявлений, то есть своего рода «знамений» чего-то большего, чем они сами.

Конечно, вы поступаете определенным образом потому, что вы человек с таким-то характером, темпераментом и так далее. Но окончательное понимание вашего поведения требует анализа вашей сопричастности к крупным социальным общностям, к исторической преемственности и другим, внешним по отношению к вам как индивидууму, «вещам».

Ради выяснения этих сопричастностей и нужны системы понятийных координат, утверждает концептуальная аналитика, настаивая на том, что только с ее помощью можно раскрыть определенные – причем крайне важные с практической точки зрения – свойства тех или иных явлений.

Коль скоро речь идет о таких явлениях, как терроризм, экстремизм и сепаратизм, то раскрытие важных с практической точки зрения черт – это вопрос национальной безопасности. Только выявив и обсудив эти черты, мы можем не допустить, чтобы наши страны стали жертвами вышеназванных, весьма опасных, как всем понятно, явлений.

Завершая беглое рассмотрение общих методологических вопросов, значимых с точки зрения анализа рассматриваемых нами явлений, подчеркну, что любая адекватная концептуализация должна обладать несколькими чертами.

Во-первых, она должна быть умеренной. Потому что гиперконцептуализация и впрямь всегда сродни теории заговора.

Во-вторых, она должна не быть упрощенной. Слишком многим сейчас хотелось бы свести проблемы нашего невероятно сложного мира к примитивной концептуализации.

В-третьих, она должна быть профессиональной. Именно ложная концептуализация, гиперконцептуализация, концептуальный примитив привлекают дилетантов больше всего. Используя русское выражение, можно сказать, что они «салятся на такую концептуализацию, как мухи на мед».

В-четвертых, она должна быть совместимой с позитивистской аналитикой. Она должна дополнять ее, а не противостоять ей.

В-пятых, она должна оперировать адекватными сути происходящего понятиями. А не идеологемами, выдаваемыми за понятия. Именно в связи с тем, что концепты от идеологем отделяет очень тонкая грань, эту грань ни в коем случае нельзя размывать.

Оговорив такие общие условия применимости и результативности концептуальной аналитики, я перехожу к рассмотрению различных систем понятийных координат, которые концептуальная аналитика может использовать для понимания сути интересующих ее явлений.

На сегодняшний день можно говорить всерьез о нескольких – в существенной степени взаимоисключающих – системах понятийных координат. Только рассмотрев все эти системы (или хотя бы самые востребованные из них), можно сделать осознанный выбор в пользу той системы координат, которая наиболее адекватна реальности. К сожалению, самая очевидная (и очевидным образом близкая к реальности) система подобных координат по загадочным причинам не используется в подавляющем числе случаев.

Однако перед тем, как рассмотреть используемые в концептуальной аналитике системы понятийных координат, целесообразно дополнить общие методологические соображения и базовые методологические критерии основными аргументами в пользу применения концептуального метода. Таких аргументов два.

Первый аргумент заключается в возможном наличии у рассматриваемых явлений «первопричины» – не афиширующего свое присутствие «субъекта воздействий», использующего явления в соответствии со своими целями.

Советский поэт Маяковский писал: «Если звезды зажигают – значит – это кому-нибудь нужно». Беря на вооружение эту поэтическую метафору, можно сказать, что если террористы что-то взрывают, экстремисты кого-то на что-то провоцируют, сепаратисты рвут на части те или иные страны, то «это кому-нибудь нужно». Причем не только самим террористам, экстремистам и сепаратистам, но и неким силам (нетранспарентным субъектам), для которых террористы, экстремисты и сепаратисты – лишь средства, инструменты и не более того. Средства чего? Инструменты в чьих руках? Можем ли мы считать анализ средств и инструментов исчерпывающим, не дополнив этот анализ ответом на вопрос о субъектах, использующих средства и инструменты в определенных целях?

Да, существует ложная и незамысловатая теория заговора, творцы которой выдают за субъекты абстрактные злые силы. Но разве наличие ложных ответов на крайне актуальные вопросы должно быть препятствием для поиска ответов истинных? Порою начинает казаться, что ложные ответы даются именно для того, чтобы скомпрометировать саму идею аналитики субъектности, аналитики закрытых элитных групп.

Казалось бы, есть очевидное различие между дающей ложные ответы конспирологией, этой разновидностью псевдонаучного фэнтези, и ответственным исследованием элит. Элитных субъектов, элитных конфликтов, элитных проектов – всего того, что еще в эпоху Киплинга было названо «Большой Игрой».

Аналитика Игры не имеет ничего общего с конспирологией. Она, в отличие от конспирологии, предельно конкретна и доказательна. Рассматриваемые ею субъекты – как и проекты, которые эти субъекты реализуют, – предельно очевидны для специалистов по социологии и истории. Разного рода элитные игры, в которых террористы, сепаратисты, экстремисты являются лишь фигурами на великой шахматной доске (термин американского эксперта З.Бжезинского), изучены в сотнях серьезных, строго научных, объективных и конкретных исследований, не имеющих ничего общего с одиозной конспирологией.

Специалисты по играм, ведущимся с использованием террора, сепаратизма и экстремизма, знают не понаслышке о том, что за спиной террористов, сепаратистов и экстремистов стоят конкретные масштабные силы.

Эти специалисты понимают, что без анализа подобных сил нельзя дать прогноз действий тех антигероев, чье поведение, при всей его вызывающей дерзости, полностью лишено того, что называется «стратегической» или «проектной» субъектностью.

Но о какой практической полезности можно говорить, если аналитика не в состоянии обеспечить адекватный прогноз? Именно стремление к практической полезности диктует специалистам желание понять, кто стоит за спиной террористов, экстремистов и сепаратистов. Понять, в какой игре и с какими целями задействованы эти зловещие марионетки.

Но предположим даже, что нет никаких закрытых элитных групп, нет никаких нетранспарентных (или не до конца транспарентных) субъектов, стоящих за спиной террористов, сепаратистов и экстремистов.

То есть, конечно же, они есть, – и это понимает любой практик, обладающий достаточным опытом. Но для того, чтобы дополнить первый аргумент в пользу концептуальной аналитики вторым, полезно применить процедуру элиминации. То есть предположить, что никаких нетранспарентных субъектов нет. И спросить себя, нужна ли в этом случае концептуальная аналитика? Или же в этом случае достаточно аналитики позитивистской?

Оказывается, что и в случае отсутствия нетранспарентных субъектов концептуальная аналитика абсолютно необходима. Потому что есть процессы. И даже не будучи обусловлены интересами неких (предельно конкретных!) масштабных сил, интересующие нас явления не перестают быть обусловлены той или иной процессуальностью.

В этом и состоит второй аргумент в пользу необходимости концептуальной аналитики, а значит, и внешних по отношению к явлениям систем понятийных координат.

Предположим, что общество состоит из таких-то и таких-то структур (а оно ведь всегда состоит из каких-нибудь структур!).

Предположим, что между этими структурами возникает своего рода «социальное трение» (а как оно может не возникать, если структуры, будучи структурами общества как целого, находятся во взаимодействии?!).

Что если определенные явления, в том числе и явления, нас интересующие, являются продуктами подобного социального трения?

Что если нет никаких нетранспарентных субъектов, но есть трение, порождающее интересующие нас явления?

Можем ли мы тогда анализировать эти явления в отрыве от социального трения как того, что их порождает? Конечно, не можем. Точнее, можем, но с существенными издержками. Что-то мы поймем и не вводя в рассмотрение это самое социальное трение. Но что-то упустим. И наши упущения могут привести, коль скоро речь идет об оговоренном выше круге явлений, к трагическим последствиям.

Стоит ли оговаривать, что «социальное трение» – это не более чем поясняющая метафора? Интересующие нас террористы, экстремисты, сепаратисты живут в современном обществе, являются порождениями этого общества. Или, точнее, определенных процессов, протекающих в этом обществе.

Что же это за процессы?

Какова структура общества, порождающего эти процессы?

Что если именно определенные соотношения (конфликты, союзы и так далее) между элементами структуры общества порождают то, что позитивистский анализ будет рассматривать как «вещь в себе», то есть как нечто гносеологически самодостаточное?

Концептуальный анализ, вводя, в отличие от позитивистского, ту или иную систему понятийных координат, худо-бедно опишет структуру общества. Выявит в обществе опорные структурные элементы. Определит отношения между этими элементами. Найдет место для интересующих его явлений в рамках этих, зачастую очень непростых отношений.

Так каковы же эти элементы для концептуальных аналитиков, использующих разные системы понятийных координат? Каковы они, эти социальные «монады», говоря языком Лейбница?²

На протяжении всего XX века наиболее общепризнанным был марксистский концептуальный подход, в котором основными «монадами» считались так называемые «формации» (первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная и так далее).

² Учение о монадах было сформулировано Г.В.Лейбницем в книге «Монадология» (См.: Лейбниц Г.В. Монадология // Лейбниц Г.В. Сочинения в 4-х томах. М., 1982. Т.1).

Формации меняли друг друга в ходе исторического процесса. И в этом смысле задавали «диахрон». Но разные формации могли «уживаться» в пределах человечества, находящегося на определенном историческом этапе. А иногда даже в пределах отдельной страны, находящейся на этом этапе. В этом смысле спектр общественных формаций задавал не только диахрон, но и синхрон.

Формация, если следовать определению Маркса, ставшему классическим, – это «общество, находящееся на определенной ступени исторического развития»³. Периодизация ступеней исторического развития осуществлялась Марксом и его сторонниками в соответствии со степенью развития того, что они называли «производительными силами»⁴.

В соответствии со степенью развития производительных сил (а также производственными отношениями, задаваемыми для Маркса и его сторонников именно степенью развития производительных сил) формации делились на докапиталистические («первобытнообщинная», «рабовладельческая», «феодальная»), капиталистическую и посткапиталистические («социалистическая», «коммунистическая»).

При этом посткапиталистические формации носили для Маркса, да и многих марксистов, сугубо прогностический характер. Ряд далеких от Маркса сторонников формационного подхода вводил другой набор прогностических формаций (техноструктурных, менеджерских, меритократических, «сетевых», или нетократических, и так далее)⁵.

Выведа за скобки все прогностическое (и идеологизированное, какая прогностика без идеологизации?), получаем три докапиталистические социальные монады («первобытнообщинная», «рабовладельческая», «феодальная») и четвертую социальную монаду в виде капитализма. Чем не система понятийных координат?

В этом смысле вряд ли стоит ставить знак тождества между теорией формаций и марксизмом. Известные социологи вполне предметно обсуждали разницу между первобытнообщинным укладом и укладом рабовладельческим, укладом феодальным и капиталистическим. Никому из серьезных исследователей еще не удалось обнаружить существенные элементы капиталистического уклада в Древнем Вавилоне или

³ См., например: Маркс К. *Наемный труд и капитал* // Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. 2-е издание. Т.6.

⁴ См., например: Маркс К. *Экономическая рукопись 1861–1863* // Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. 2-е издание. Т.47.

⁵ См., например: Бард А., Зодерквист Я. *Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма*. СПб., 2004; Бэлл Д. *Грядущее постиндустриальное общество*. М., 1999; Гэлбрайт Д.К. *Новое индустриальное общество*. М., 2008.

Древнем Египте. И вряд ли у кого-то есть сомнения, что «общечеловеческий диахронизм» (или «исторический тренд») и впрямь определяется движением от таких архаических укладов, как первобытнообщинный и рабовладельческий, к укладу капиталистическому.

Вместе с тем на нашей планете и сейчас существуют анклавные архаические уклады. И в этом смысле спектр укладов задает как общечеловеческий синхронизм, так и «многоукладный» социум (социумы).

Многоукладные социумы – несомненная реальность многих стран мира. В том числе такой динамичной страны, как Индия. А значит, аналитика существующих формационных наслоений и переплетений не потеряла и не может потерять актуальности.

Это вовсе не означает безальтернативности рассматриваемой мною формационной теории и задаваемой ею системы понятийных координат. Оговорив черты одной из таких систем, формационной, я перехожу к другим, в чем-то даже более востребованным системам.

На протяжении всего XX века многие выдающиеся социологи пытались или заменить теорию формаций другой теорией, вводящей другие социальные монады, или существенно дополнить теорию формаций, оговорив, что соотношения между ведущим способом производства (который создатели формационной теории называли «базисом») и общественными отношениями (которые создатели этой теории называли «надстройкой») никак не могут быть сведены к сугубо служебному, вторичному положению надстройки по отношению к базису.

Конечно же, социологов и экономистов, разрабатывавших иные, неформационные модели структуризации общества, не устраивало не только слишком грубое выпячивание приоритета базиса над надстройкой, а значит, и материального над духовным. Ничуть не меньше их не устраивала идеологическая заданность, вытекающая из марксистского представления о том, что финалом истории является некий коммунистический строй.

Последний не устраивал оппонентов Маркса сначала (до 1917 года) избыточной абстрактностью, а затем (после 1917 года) избыточной конкретностью. Теория исторического процесса, в которой фаталистически запрограммирована победа одного государства – СССР, – не могла устраивать тех, кто стремился не к победе, а к поражению этого государства.

Сочетание вышеназванных претензий к формационной теории привело к тому, что параллельно с нею была выстроена знаменитая «теория модернизации». Согласно этой теории, общество делится не на сравнительно большое количество монад, именуемых «формации» и взаимодействующих друг с другом как синхронно, так и диахронно, а на две

«супермонады» – Премодерн (или традиционное общество) и Модерн (или индустриальное общество).

Впоследствии к диадам «премодерн – модерн», «доиндустриальное – индустриальное» был добавлен третий член. Возникшие в итоге триады («премодерн – модерн – постмодерн», «доиндустриальное – индустриальное – постиндустриальное») игнорировали колоссальные различия между первобытнообщинным, рабовладельческим и феодальным состоянием общества. Но позволяли тщательно описать как различия между феодальным и капиталистическим состояниями общества, так и закономерности перехода от феодального состояния к капиталистическому.

Кроме того, эти триады позволяли преодолеть абсолютизацию процессов, протекающих в материальной сфере человеческой жизни. И включить в аналитику социальных трансформаций многочисленные нематериальные слагаемые – религию, мораль, культуру, политику.

Оппонируя сторонникам формационной теории, предтечи теории модернизации (прежде всего, Макс Вебер) справедливо настаивали на том, что так называемая «надстройка» (то есть то, что для сторонников формационной теории полностью вытекает из состояния производительных сил) обладает на самом деле достаточной автономией по отношению к базису. А в каком-то смысле, и определяет последний. Тот же Макс Вебер, крупнейший из оппонентов Маркса, на которого и поныне опираются все сторонники теории модернизации, полагал, что изменение производительных сил, превратившее феодализм в капитализм, само порождено некими нематериальными факторами. Прежде всего, возникновением внутри христианства различных модификаций протестантизма⁶.

Как бы там ни было, представление об обществе Модерна и проекте «Модерн» постепенно завоевывало все больше сторонников. И в итоге стало (особенно после краха коммунизма и относительной дискредитации марксизма) достаточно общепринятым.

Не собираясь в данной статье подробно исследовать это представление, вновь подчеркну, что оно базируется на наличии двух основных укладов – традиционного (Премодерна) и современного (Модерна).

Традиционный уклад лежит в основе существовавшего на протяжении тысячелетий традиционного общества. Современный уклад лежит в основе общества Модерна, возникшего исторически совсем недавно и являющегося и на сегодня счастливым уделом меньшинства человечества.

Для того чтобы перейти от традиционного общества к современному (от Премодерна к Модерну), надо, согласно представлениям сторонни-

⁶ См. классическую работу: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М., 2003.

ков теории Модерна, качественно изменить все сразу: способ мышления, тип социальной идентификации, структуру социальных коммуникаций, культуру, политическую систему и так далее.

В основе всего этого лежит переход от ценностного, нерационального поведения, которое свойственно представителям традиционного общества и традиционному обществу как таковому, к поведению сугубо рациональному. А в чем-то даже рационалистическому. Человек Модерна – это, прежде всего, рациональный человек. Но и не только.

Для того чтобы перейти к Модерну, мало избавиться от мышления, обусловленного не до конца рационализируемыми ценностями. Нужно еще и избавиться от коллективизма, порождаемого в том числе и этими ценностями. То есть от укорененности (как социальной, так и аксиологической) в крестьянскую феодальную общину. Или – в феодальную цеховую структуру. Или – в феодальные системы аристократической и дворянской иерархии.

Нужно также избавиться от политической системы, закрепляющей пожизненные социальные роли («родился дворянином – им и умрешь, родился мещанином – им и умрешь» и так далее).

А еще нужно избавиться от того коммуникационного поля, которое порождено коллективизмом, пожизненными ролевыми функциями, укорененностью в те или иные системы наследуемых иерархий.

Человек Модерна, оторвавшись от всего этого, становится трагическим индивидуалистом. Широкая и постоянная система социальных коммуникаций заменяется системой узкой и изменчивой. Это порождает колоссальные культурные, социальные, психологические потрясения. Как компенсацию за это человек Модерна получает совершенно новую социальную вертикальную мобильность (термин известного русско-американского социолога Питирима Сорокина)⁷.

А также – свободу от религиозного и идеологического диктата. Впервые в истории человечества Модерн дает индивидууму право на светскость. Традиционное общество (Премодерн) категорически отвергало подобное право. Человек Модерна не обязан быть светским человеком, но он может им быть. И вся система социальных институтов построена таким способом, чтобы он мог реализовать это право. В частности, церковь должна быть категорически отделена от государства.

Это не значит, что церковь должна преследоваться. Последнее совершенно не обязательно. Но государство четко говорит о том, что совесть человеческая свободна. И реализует принцип свободы совести

⁷ См.: Сорокин П. *Социальная стратификация и мобильность* // Питирим Сорокин. *Человек. Цивилизация. Общество*. М., 1992 (Серия «Мыслители XX века»).

через это самое отделение церкви от государства. Вероисповедание – личное дело гражданина государства. Влиять на выбор гражданина в вопросе о вероисповедании государство не может и не должно. Такой запрет закрепляется в законодательстве, дополняется созданием целой системы социальных и политических институтов. Подчеркну, что наличие вышеуказанного запрета является одним из основных принципов рассматриваемого мною Модерна.

Но как тогда в условиях Модерна обеспечивать идентичность, единство индивида и общества? Все, что касается этого вопроса, надо обсудить детально, поскольку речь идет о вопросе, имеющем самое прямое отношение к исследуемой тематике.

На самых ранних этапах развития человечества единство социума, именуемого «родом», обеспечивалось мифом о наличии у всех членов рода общего праотца или общей праматери. Естественно, что даже на уровне ключевой мифологемы такой принцип идентификации мог эффективно работать лишь в совсем малых и совсем неразвитых общностях.

Увеличение общности и развитие ее членов требовало перехода от рода к племени. В русском языке, например, этот переход до сих пор маркируется сакраментальным вопросом: «Какого вы роду-племени?» Племя – это несколько родов, наладивших между собой обмен невестами. А также другие, вытекающие из этого обмена виды социальной коммуникации. Возникновение племени потребовало перехода от совсем примитивных идентификаций к идентификациям более сложным. Место общего праотца или общей праматери занял общий бог или общие боги племени.

Дальнейшее развитие человечества привело к формированию союзов племен, именуемых «народностями». Здесь место примитивных религий заняли религии несколько более сложные.

И, наконец, начиная с какого-то момента, возникновение универсалистских религий, обнажавших с невиданной доселе силой связь между локальной общностью и человечеством, превратило народности в народы.

Общая универсалистская вера породила другое качество исторического самосознания, востребовала понятие об историческом предназначении (миссии), изменила отношение к историческому времени и историческому пространству (хронотоп). Возникла история в полном смысле этого слова. Возникла направленность времени (пресловутая «стрела времени») ⁸. Именно возникновение всего этого (и прежде всего полно-

⁸ Выражение «стрела времени» введено физиком А.Эддингтоном в его книге: *The nature of the physical world*. N.Y., 1928. Представление об историческом «осевом времени» разработано Карлом Ясперсом (см. например: Ясперс К. *Смысл и назначение истории*. М., 1994).

ценных представлений об истории) создало народы как качественно новые человеческие общности.

В дальнейшем (здесь все это обсуждается для краткости применительно к Европе и Западу) народы обнаружили себя расколотыми в ходе так называемых «войн за веру». Француз, ранее строивший свою идентификацию на том, что он подданный короля Франции и католик, обнаружил рядом с собой такого же подданного короля, исповедующего протестантизм. К этому обнаружению, сокрушительному для имевшейся на то время социальной идентичности, добавилась проблематизация понятия «подданный». Потому что король Франции легитимен по-настоящему только в рамках определенного (католического вплоть до появления протестантизма) сакралитета. А за пределами этого сакралитета возникает много вопросов к статусу короля, к тому, почему, собственно говоря, он твой король, а ты его подданный. И никакие абсолютистские ухищрения окончательного ответа на такой вопрос не дают.

Последний удар по рассматриваемой идентификации (народ как историческая общность, опирающаяся на определенный сакралитет, придающий смысл и ценность истории) нанесло появление стремительно растущей массы светского населения.

Если с отдельными личностями и малыми группами светских еретиков могла как-то разбираться инквизиция, то быстрый рост количества светского населения проблематизировал любые охранительные действия, защищающие ту идентичность, которая сформировалась несколькими столетиями раньше. Сформировалась в условиях, когда светский человек был не эксцессом, не вызовом, а экзотикой.

Специалисты не могут не понимать, что развитая идентичность, приходя на смену неразвитой, лишь частично стирает ее «социокультурные коды». Отсюда – феномены полиидентичности, дополнительных идентичностей, спящих идентичностей и так далее.

Когда основная идентичность, самая новая и системообразующая, рушится, сознание индивида и общества начинает опираться на предыдущие – дополнительные, спящие, вытесненные, табуируемые – идентичности.

Француз-католик в условиях, когда для него поставлена под вопрос идентичность, согласно которой быть французом – это значит жить во Франции и исповедовать католицизм, может вдруг почувствовать себя не столько французом, сколько окситанцем или бретонцем. В силу этого эрозия основной идентичности, порожденная «войнами за веру» и Просвещением, была чревата (как и любая эрозия) распадением государств на те части, которые могли быть скреплены предыдущими (дополнительными, спящими, вытесненными и так далее) идентичностями. Эро-

зия историко-религиозной общности грозила превратить народы как социумы, обеспечивающие определенные скрепы определенному типу государственности, например, в народности. А то и в племена. То есть в социумы, способные обеспечить лишь иные, слабые и ущербные, скрепы для иной, слабой и ущербной, государственности.

В чем была альтернатива этому ужасу, нависшему над Европой уже к началу XVIII века? Позитивная альтернатива была только в конструировании (и именно конструировании!) принципиально новой идентичности, позволявшей создать совершенные и прочные скрепы для исторически преемственной государственности, претерпевающей, конечно же, глубокие и мучительные исторические трансформации, но при этом нераспадающейся.

Эту невероятно сложную задачу как раз и взялся решать Модерн, создав принципиально новую общность – нацию. Нация – это продукт Модерна и это субъект модернизации. Она оказалась окончательно сформирована в ходе великих буржуазных революций. Ключевую всемирно-историческую роль в том, что касается формирования наций, сыграла, конечно, Великая Французская буржуазная революция. Но, подчеркну еще раз, при всем значении буржуазных революций вообще и французской в особенности нация формировалась в лоне Модерна как такового. И, формируясь, оказывала огромное воздействие на характер того процесса, который называется модернизацией (или осуществлением проекта «Модерн»).

Что же нового порождает осуществление данного проекта? Ниже я перечислю лишь самые главные «инновации».

1. Возникает, по сути, новая наука, иначе осмысливающая свое соотношение с техникой. Именно Модерн привнес в мир прогресс как целеполагание и аксиологическое обоснование истории.

2. Возникает новый, «индустриальный» тип производства.

3. Возникают новые принципы идентификации и новые общности (нации), порожденные этими новыми принципами.

4. Возникают новые отношения между коллективом и индивидуумом.

5. Возникают качественно новые политические системы (светские диктатуры и светские демократии).

6. Возникают новые типы отношений между человеком и природой, человеком и историей (светский гуманизм, делегирующий человеку все прерогативы «становящегося бога»).

7. Возникает новая, свободная от религиозной детерминанты светская культура. И ее основополагающий жанр – большая литература, роман как «эпос эпохи Модерна».

Список ключевых черт Модерна можно было бы продолжить. Но в мою задачу не входит рассмотрение вопроса о Модерне в деталях. Я лишь очень кратко излагаю то, что позволяет задать масштаб перемен, требуемых для перехода от традиционного общества к обществу Модерна. Тех перемен, которые лежат в основе различных модернизаций, осуществившихся теми или иными народами при помощи тех или иных социальных и политических технологий.

При том, что наиболее часто (хотя не всегда) народами использовалась совокупность технологий, маркируемых словосочетанием «авторитарная модернизация». Подчеркивая, что авторитарность хотя и присуща модернизации, но не является ее неотъемлемым атрибутом, я, прежде всего, адресую читателя к опыту современной Индии, успешно сочетающей модернизацию с демократической политической системой.

Однако страны, подобные Индии, безусловно, в меньшинстве. Чаще всего для разрушения традиционного общества и высвобождения спящих в его недрах модернизационных энергий (культурных, социальных, политических и так далее) использовались очень жесткие социально-политические технологии. Это касалось не только стран относительно неразвитых, но и стран-лидеров. Ни французскую, ни английскую, ни американскую модернизацию (при всей специфичности последней) нельзя считать бескровными. Что же касается немецкой модернизации, то там принцип железа и крови как основ модернизации был заявлен главным модернизатором – Бисмарком⁹.

Не углубляясь в проблему специфики незападных модернизационных проектов (японского, китайского, тайваньского, сингапурского и так далее), перехожу к актуальной проблематике, возникшей в связи с проблемой модернизации в самое последнее время.

ФУКУЯМА И ХАНТИНГТОН

Распад СССР и крах коммунизма в его исторически обусловленном, советском так сказать, варианте породили на Западе весьма необоснованные, а главное, донельзя невнятные по своему содержанию надежды. Эти невнятные надежды Фрэнсис Фукуяма превратил, написав статью «Конец истории?», в нечто претендующее на концептуальность¹⁰.

⁹ Имеются в виду слова Бисмарка «Не словами, но кровью и железом будет объединена Германия» (*История дипломатии / Под ред. В.П.Потемкина. М., 1941. Т.1. С.482*).

¹⁰ Русское издание: Фукуяма Ф. *Конец истории? // Вопросы философии. 1990. №3. С.134–155.*

К сожалению, приходится говорить только о претензии на концептуальность (а значит, и на наличие какой-то системы понятийных координат, отличающейся от тех систем, которые предлагала формационная теория и концепция Модерна). Если бы не политическое значение осуществленной Фукуямой концептуализации, можно было бы просто позавидовать плечам. Но мы здесь обсуждаем не все возможные концептуализации, а только те, которые прочно укоренились в среде лиц, принимающих решения или сопровождающих принятие решений.

Концептуализация Фукуямы, безусловно, укоренилась в среде политиков и политических экспертов и потому должна быть обсуждена наряду с другими. В сущности, вся концепция изложена в названии статьи. Если крах СССР и конец коммунизма знаменуют собой конец истории, то они отменяют все теории, согласно которым история продолжает свое поступательное развитие. Но и для тех, кто ориентируется на теорию формаций, и для тех, кто ориентируется на проект «Модерн», история не может кончиться вообще, и уж тем более – в том смысле, в каком это описано Фукуямой. А значит, возникает проблема выбора: либо система понятийных координат, к которой адресует Фукуяма, либо две обсужденные выше системы подобных координат, использующие набор формаций или триаду «премодерн – модерн – постмодерн».

Но у Фукуямы нет собственной системы понятийных координат! Есть всего лишь смутная отсылка к неогегельянцу Кожеву, а значит, и к концу истории по Гегелю. Этот конец предполагает замену духа истории неким новым духом, весьма невнятно описанным и самим Гегелем, и его последователями. По ряду своих характеристик, царство нового духа (видимо, провозглашенного Фукуямой – иначе вообще неясно, в чем содержание его концептуализации) напоминает царство Постмодерна, построенное на обломках Модерна.

Однако данная моя констатация в существенной степени домысливает то, что изложено Фукуямой. И правомочна лишь постольку, поскольку Фукуяма в дальнейшем проявлял интерес к постмодернистской тематике, обсуждая темы трансгуманизма, постчеловека и так далее.

На поверхности же у Фукуямы лежит другое. А именно – окончательная победа либеральной демократии над всеми своими историческими конкурентами. Сразу же возникает вопрос: победила ли либеральная демократия в ее нынешнем, неолиберальном, варианте (а иных вариантов сегодня просто не существует) своего главного внутрисистемного консервативного (или неоконсервативного) оппонента? Если нет, то в чем конец истории? Даже в предельно огрубленном смысле этого слова. Если да, то что такое неолиберализм, не дополняемый неоконсерватизмом? Или – либерализм, не дополняемый консерватизмом?

Закон такого дополнения носит, по сути, неотменяемый характер. Ибо все мыслимые модификации либерализма (неолиберализм в том числе) требуют подобного дополнения. Как только оно исчезает, исчезает и либерализм во всех его модификациях. Чем он тогда заменяется? И чем чревато исчезновение консервативного дополнения к либеральному слагаемому проекта «Модерн»? А ведь только в рамках проекта «Модерн» сосуществуют нормальные модификации либерализма и нормальные модификации консерватизма. Если консерватизм преодолен, то преодолен и Модерн. Но что тогда находится по ту сторону преодоленного Модерна?

Мировая мысль, и западная мысль тем более, не предлагает никакой иной «потусторонности», кроме постмодернистской. В любом случае – преодоление Модерна означает еще и преодоление нации, а значит, и национального государства. В пользу чего? Конца истории? Люди, придерживающиеся разных взглядов на историю, считают, что ее конец – это прекращение конкуренции между историческими субъектами. При том, что именно эта конкуренция и обеспечивает историческую динамику.

На современном этапе субъектами истории являются по преимуществу национальные государства. Они отменяются вместе с историей и нациями? Как должна осуществиться, реализоваться в существующем мире такая отмена национального государства? И что должно заполнить создаваемый этой отменой вакуум? Мировое правительство? Всемирное сверхгосударство, на роль которого в момент написания Фукуямы его статьи могли претендовать только США?

Но как этот фантомный суперсубъект, отменив историю, превратит в моноидеологию либерализм за пределами Запада – в Африке, Латинской Америке, Азии? Непонятно, как он может осуществить эту моноидеологизацию (она же деидеологизация, если речь идет о конце истории) даже в пределах Запада.

Однако Фукуяме этого явно мало! В любом случае понятно, что преодоление национального государства предполагает превращение человечества в систему социальных микронад («регионов», «полисов»), вступающих друг с другом в отношения, весьма близкие к хаосу. А поскольку над этой системой микронад, по проекту Фукуямы, должна находиться транснациональная супербюрократия, насаждающая царство всеобщей либеральной постисторической скуки, то проект Фукуямы сильно напоминает проект управляемого хаоса, проект замены какого-либо мирового порядка (даже нового) тем, что все чаще называется, в противовес новому мировому порядку, «новым мировым беспорядком».

Вот вам и еще одна система понятийных координат, принятая на вооружение – кем? С определенной – и не слишком высокой – степенью огрубления можно утверждать, что концепция Фукуямы отвечала чаяниям либерально настроенных западных элит, американских в первую очередь. В каком-то смысле Фукуяма был как бы (тут я все время подчеркиваю – «в каком-то смысле» и «как бы») концептуалистом президента США Билла Клинтона и сил, ориентированных на стратегию демократической партии США в том ее варианте, который был принят на вооружение сразу после распада СССР и краха коммунизма.

Конечно, прописка концепции Фукуямы по столь конкретному «политическому адресу» является очень грубым приближением к истине. Но иногда такие грубые приближения позволяют уловить определенные реальные тенденции. И только в этом смысле можно говорить об их правомочности и полезности.

К концу правления Клинтона, совпавшему с концом миллениума, стало ясно, что упования на конец истории, оформленные Фукуямой в нечто наподобие концепции, рушатся. Новые политические силы, отодвигавшие на периферию не только Клинтона, но и определенную философско-историческую парадигму, задаваемую брендом «конец истории» (она же – концепция «триумфального шествия» некоей глобализации), нуждались в новой концепции и в новом, контрастном концептуалисте.

Таковым стал Сэмюэль Хантингтон, воскресивший как старые концепции так называемых «цивилизаций», так и вытекающие из этих теорий принципы взаимодействия «цивилизационных монад»¹¹. Мы имеем здесь дело с еще одной, четвертой по счету, системой понятийных координат.

Первая система задается формациями.

Вторая – триадой «премодерн – модерн – постмодерн».

Третья – хаосом микромонад и супермонадой, управляющей этим хаосом.

Четвертая – этими самыми «цивилизациями».

Принцип отношений между цивилизациями для Хантингтона полностью исчерпывался словом «конфликт». Что же касается самих монад, именуемых «цивилизациями», то они достались Сэмюэлю Хантингтону в наследство от Освальда Шпенглера, который не мог и не хотел сказать ничего серьезного по их поводу, и Арнольда Тойнби, который и мог, и

¹¹ См., например: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. 1994. №1.

хотел детально разобрать все на свете: типы цивилизаций, отношения между ними и так далее¹².

Необходимо оговорить, что понятие «цивилизация» используется по-разному разными авторами. Оно издревле и поныне используется, например, для противопоставления некоего общечеловеческого состояния, именуемого «цивилизация», другому общечеловеческому состоянию, именуемому «варварством».

Оно же используется как синоним словосочетания «исторически завершенная общность с определенной культурой» (античная цивилизация, эллинистическая цивилизация, древнеегипетская цивилизация и так далее).

Что именно вкладывали в понятие «цивилизация» Шпенглер и Тойнби, теперь не так уж и важно. Гораздо важнее, что в него вложил Хантингтон, ставший политическим концептуалистом так называемого «бушевского» периода.

Для Хантингтона ключевым моментом, легитимирующим апелляцию к цивилизационным монадам, была так называемая «смерть идеологий». То есть больших светских смысловых систем, господствовавших в XX веке (коммунизма, социализма, фашизма, либерализма, светского консерватизма etc).

Хантингтон, констатируя смерть всех этих смысловых систем, выводил из этой констатации обязательность и желательность религиозного ренессанса. А значит, и перехода человечества на забытый (спящий, дополнительный и так далее) идентификационный формат. Общности, лишённые светских идеологий, должны теперь, по Хантингтону, вновь формироваться, ориентируясь на религиозные смыслы, обладающие хоть какой-то привлекательностью. Ведь других нет! Без смыслов нельзя – Фукуяме кажется, что можно, а Хантингтон понимает – нельзя! А раз нельзя, то, значит, религиозный смысл обречен стать снова доминирующим.

Если общество, рассуждает Хантингтон, обречено вновь ориентироваться на эти религиозные смыслы, то в силу этой переориентации не могут не возникнуть религиозные макросоциальные общности, они же цивилизации. Хантингтоновское человечество должно в XXI веке состоять из таких структурных элементов, как христианская цивилизация (подразделенная на подтипы – православная, католическая и так далее), исламская цивилизация, индуистская цивилизация, буддистская или китайская цивилизация и так далее.

¹² См. классические работы Шпенглера и Тойнби: Тойнби А.Дж. *Постижение истории*. М., 1991; Шпенглер О. *Закат Европы*. М., 2009. Т.1–2.

Но для цементирования новых, хантингтоновских, монад, разрыхленных эпохой светскости, очевидным образом необходима достаточно накаленная религиозность. А поскольку накаленные религии способны к диалогу друг с другом в еще меньшей степени, чем светские идеологии, то основным отношением между новыми монадами будет конфликт.

Мои оппоненты могут правомочно упрекнуть меня в избыточном внимании к одной из теорий – теории Хантингтона. В оправдание могу сказать, что исследую в этой статье не теории как таковые, а теории в их соотношении с политической практикой. Как и Фукуяма – а на самом деле в гораздо большей степени, чем Фукуяма, – Хантингтон является не теоретиком, а практикующим концептуалистом.

Таковым он стал еще до прихода к власти в США республиканской администрации Джорджа Буша. Уже в 1999 году весьма влиятельные силы стали пропагандировать Хантингтона как нового интеллектуального мессию.

Автор этой статьи был свидетелем посещения Хантингтоном Москвы в 1999 году. В том числе и выступления Хантингтона в американском посольстве. Антураж визита Хантингтона в Москву, обставленного как явление невеждам нового долгожданного пророка, с полной определенностью говорил о наличии очень серьезного политического заказа, что только, вероятно, и оправдывает столь большое внимание к концептуальным изысканиям Хантингтона.

Казалось, масштабом этого заказа были удивлены не только московские слушатели Хантингтона, но и сам Хантингтон. Что же касается очевидности наличия заказа, то она была вопиющей. Для того чтобы ее зафиксировать, не нужно было быть глубоким психологом или даже просто наблюдательным человеком. Ибо все это было исполнено в грубом и достаточно навязчивом стиле, исключавшем какие-либо разночтения. Высокие лица, формировавшие этот стиль, как бы говорили: «Теперь будем жить при Хантингтоне!»

Имелся в виду, конечно, не сам скромный и казавшийся растерянным профессор, а нечто другое. И хочу еще раз подчеркнуть, что «хантингтонизация» интеллектуально-политического бомонда вообще и американского в особенности произошла не только до 11 сентября 2001 года, но и до избрания Джорджа Буша-мл. президентом США.

После 11 сентября 2001 года в политической элите многих стран мира стали говорить только о Хантингтоне и его «конflikте цивилизаций». Имелся в виду, конечно же, конфликт между Западом (с трудом подогнанным под формат христианской цивилизации) и исламским миром (который подогнать под формат исламской цивилизации было

все-таки проще). В момент максимального разогрева темы президент США Джордж Буш-мл. начал даже разрабатывать образ «крестового похода». И самого себя как реинкарнации Ричарда Львиное Сердце.

Однако это длилось недолго. Что же касается увлечения Хантингтоном и его «конфликтом цивилизаций», то это продолжалось намного дольше. И оказалось снято с повестки дня только с приходом Барака Обамы и политическим возвращением Демократической партии США. При том, что ни Обама, ни Демпартия в целом не выдвинули никакой новой концептуальной парадигмы. Политический бомонд оказался чем-то наподобие знаменитого Буриданова осла, стоящего между двумя охапками сена. Одна «охапка сена» именуется концепцией конца истории Фукуямы, а другая – концепцией конфликта цивилизаций Хантингтона.

Концептуальных книг написано очень много. Но по определенным, не лишенным загадочности причинам политически востребованных концепций и впрямь оказалось только две. Отказ же от этих двух концепций если и делается, то не ради третьей концепции, а ради своеобразной концептуальной паузы. Очень опасной в ситуации, когда все мировые процессы движутся к точкам разветвления, которые в теории нелинейных систем именуется «точками бифуркации».

Особо опасно даже не то, что одна концепция (Фукуямы) явно ориентирована на всемирный либеральный бомонд, а другая концепция (Хантингтона) столь же явно ориентирована на всемирный консервативный бомонд. Это, конечно, тоже очень опасно. И все же наиболее опасно то, что и концепция Фукуямы, и концепция Хантингтона одинаково игнорируют один принципиальный, основополагающий и абсолютно неопровержимый факт – глубочайшую вовлеченность большей части мира в тот самый Модерн, который одинаково не интересует ни Фукуяму, ни Хантингтона.

Значительная часть мира, вопреки Фукуяме и Хантингтону, живет в Модерне. В нем живут не только европейские страны, но и большинство азиатских стран. Стабильное существование Индии и Китая, например, полностью определяется жизнеспособностью индийского и китайского Модерна.

Ориентация на Модерн вышеназванных социумов не исчерпывается тем, что эти социумы стремительно двигаются по пути прогресса. Ничуть не менее важно, что эти социумы – не конгломераты племен, не народности, не народы даже и не цивилизации, а нации. То есть субъекты и продукты Модерна, существующие ровно до тех пор, пока существует сам Модерн.

Это касается даже Китая, в котором нет и не может быть альтернативы знаменитому принципу «пяти лучей», сформулированному Сун Ятсеном. В течение всего XX века Китай строил и отстаивал именно нацию. Достаточно отойти чуть-чуть в сторону от принципа «пяти лучей», как проснутся все претензии каждого из «лучей» к другим «лучам». Например, маньчжуров – к ханьцам и наоборот.

Великое китайское единение «да тун» рухнет. Начнется новая эпоха ненавидимого китайцами хаоса. Прекратится стремительное индустриальное развитие Китая. И все же – при всей мрачности подобной перспективы для Китая – развитие чего-то сходного в Индии приведет к неизмеримо более печальным последствиям.

Подвигом Индии – ее народов, ее политиков, ее интеллигенции – является формирование индийской нации, состоящей не из пяти «лучей», а из огромного количества сложно сопрягаемых элементов. Индийская нация, индийцы, это субъект и продукт индийского демократического Модерна.

Дисфункция Модерна приведет к распаду нации как на крупные конфессиональные элементы, такие как ислам и инду, так и на элементы мелкие – племена, народности и так далее. Ни о прогрессе, ни о рожденном им процветании, ни об элементарной стабильности государства в этом случае говорить не придется. Такова цена проблемы Модерна для двух крупнейших азиатских государств.

Если же говорить о России, то и ее правящая элита, и все крупные оппозиционные силы, и большая часть общества сделали очевидную ставку именно на модернизацию и Модерн. Если эта ставка будет проиграна (а именно этим чреваты как «проективный» демонтаж Модерна, так и его органическое исчерпание), то возникнет не политический кризис, а системное обрушение. Чреватое очень крупными бедами, а возможно, и концом российской истории. Конечно же, речь пойдет не о благом конце, рекламируемом Фукуямой. А о гибели нации как цементирующей государство общности и распылении государства. С соответствующими последствиями для всех населяющих его народов.

ИНСТИНКТ ЖИЗНИ. Сверхмодерн и развитие

Печальные сценарии, которые я изложил выше, должны быть преодоленными угрозами – и ничем другим. Но ради того, чтобы они были этим и только этим, нужно осуществить, в том числе, и глубокую концептуальную ревизию. И предложить концептуальную аналитику, основанную на игнорируемой очевидности. На том, что наш мир является миром Модерна и может

быть понят лишь как мир Модерна, который проблематизируется рядом других субъектов или акторов.

При этом каждый актор существует не сам по себе, а как нечто, находящееся с Модерном в тех или иных непростых отношениях.

Каковы же отношения других акторов с главным нынешним историческим героем, суперактором под названием «Модерн»?

Прежде всего, следует говорить о прямом антагонисте данного суперактора, который целесообразно называть «Контрмодерном».

На планете Земля и поныне существуют как крупные общности, так и консолидированные элитные группы, не принявшие Модерна и верящие в возможность его демонтажа. Последняя крупная попытка демонтировать Модерн, попытка, не скрывающая своей ориентации именно на такой демонтаж, была осуществлена Гитлером. Никаких сомнений по поводу того, что и этот политик, и его единомышленники в Германии, и другие сходные политики Европы и Азии (а также примыкающие к этим политикам элиты) хотели именно демонтажа Модерна, нет. Имеющийся на настоящий момент исторический материал это неопровержимо доказывает.

Попытки вывести Гитлера и все, что им порождено, из Модерна, попытки возложить вину за Гитлера на Модерн малоубедительны. Опыт фашизма и гитлеризма свидетельствует об одном: даже на Западе, в европейской цитадели западной цивилизации, существуют контрмодернистские силы. Причем достаточно мощные и поныне.

Разгром фашизма, нацизма и гитлеризма не привел к окончательному уничтожению этих сил. Заболевание оказалось лишь подавлено, хотя и в весьма существенной степени. Новые рецидивы этого заболевания, безусловно, будут носить качественно новый характер. Следует опасаться не прямого римейка 30-х годов XX века, а чего-то гораздо более сложного и лишь внутренне сходного с тогдашней трагедией. Внутреннее же сходство будет полностью задаваться рассматриваемым вектором Контрмодерна.

Однако в Европе и на Западе в целом открытые контрмодернистские силы – это, скорее, экзотика. Тут надо говорить о некрупных, хотя влиятельных и консолидированных, элитных сообществах, лишенных на сегодняшний момент широкой и страстной общественной поддержки.

Другое дело – мир радикального ислама, на который с надеждой смотрят все, кто ненавидит Модерн. Это накаленный мир, который никоим образом нельзя отождествлять с исламом как таковым. Для того чтобы разграничение ислама контрмодернистского и ислама как такового обрело научную, а не риторическую внятность, целесообразно вновь вернуться к теории Модерна. И оговорить, что Модерн не тождествен Просвещению, а последнее не тождественно воинствующему атеизму. К

сожалению, очень часто проводятся ложные отождествления, согласно которым каждый, кто поддерживает Модерн, – это атеист, стремящийся к тому, чтобы все люди на Земле тоже стали атеистами.

Подобные отождествления не выдерживают никакой критики, поскольку налицо вполне реальные тенденции, именуемые «христианский модернизм», «исламский модернизм» и так далее. В странах, где ислам является исторической религией для большинства населения, ни один политик никогда не сможет и не захочет бороться с исламом. Это невозможно ни в Турции, ни в Тунисе, ни в Узбекистане, ни в Египте. И тем не менее в каждой из этих стран существуют как откровенные сторонники Модерна и неразрывно связанного с ним национального государства (а значит, и нации – турецкой, тунисской, узбекской, египетской и так далее), так и сторонники Контрмодерна и неразрывно связанного с ним халифата, построить который, как все мы, надеемся, понимаем, можно только демонтировав национальное государство.

Радикальный контрмодернистский ислам носит намного более массовый и накаленный характер, чем западный элитный Контрмодернизм. Надо разобраться в том, кто, как и зачем возвращал именно это направление в исламе. Кто, как и зачем подавлял в исламе ростки реального исламского модернизма. И, как минимум, надо оговорить, что, во-первых, Модерну противостоит не ислам как таковой, а исламский Контрмодернизм. Что, во-вторых, именно понятие «исламский Контрмодернизм» позволяет что-то выявить и исследовать. Тогда как понятия «экстремизм», «радикализм» обладают скорее пропагандистской, нежели гносеологической, ценностью.

Надо, далее, исследовать все другие разновидности Контрмодернизма, каковых немало. В мире набирают обороты процессы вторичной архаизации. В мире еще немало анклавов и групп, не вовлеченных в Модерн и отказывающихся туда вовлекаться.

Надо, наконец, исследовать связи между различными модификациями Контрмодернизма – западной элитной модификацией, исламской (наиболее массовой и накаленной) модификацией, другими модификациями, в разной степени популярными в разных точках земного шара. Как реально строятся союзы, какие технологии планируют использовать союзники для демонтажа Модерна, какое место в совокупности этих технологий занимает террор, как отличить ситуативный террор от проактивного, контрмодернистского?

Нам нужны внятные ответы на все эти вопросы. Причем ответы, ломающие, зачастую весьма болезненным образом, сложившиеся стереотипы.

Но все, к сожалению, не исчерпывается вышеназванной повесткой дня.

Существует еще один крупный актер, противостоящий суперактору под названием Модерн. Речь идет о Постмодерне, который, конечно же, особо пышно произрастает в пределах Запада. Анатомия этого актора столь же необходима, как и затруднена. Поскольку инерция состоит в том, чтобы рассматривать Постмодерн не как крупный глобальный политический актер, а как культурное и философское явление. Есть-де, мол, постмодернистская культура с ее увлечением цитатами, ненормативной лексикой, ненормативной сюжетностью, эклектикой и так далее. И есть философия, причем такая, которая категорически противится классификации, обобщению, гносеологической рефлексии, а значит – и критике.

А больше якобы ничего нет! Нет претендента на роль мироустроительного актора, пользующегося философией постмодерна, культурой постмодерна, постмодернистскими средствами массовой информации и коммуникации, постмодернистским языком, постмодернистскими политическими технологиями.

Нет его якобы, этого актора, заявившего о необходимости «убить Модерн», отменить устаревший нарратив Модерна, отменить проект «гуманизм», проект «Человек».

Нет его якобы, этого актора, агрессивно проблематизирующего всяческую подлинность, историю как таковую и так далее.

На самом деле этот актер есть. Необходимы серьезные интеллектуальные усилия для того, чтобы его выявить и описать. Необходимы серьезные исследовательские программы для того, чтобы выявить формы его существования в различных культурах. А также те способы, с помощью которых он выстраивает связи между собой и Контрмодерном.

Казалось бы, ориентирующимся на религию сторонникам Контрмодерна должен быть ближе Модерн, поклоняющийся морали, долгу, чести, другим классическим ценностям. Однако зачастую происходит иначе. Для тех, кто наблюдает российские тенденции, это очевидно. Носители подобных тенденций не прячутся в потаенных пещерах. Они открыто излагают свои точки зрения. И стремятся к тому, чтобы эти точки зрения были зафиксированы и обсуждены членами российского экспертного и политического сообщества.

Крупные российские политические интеллектуалы, такие как Александр Дугин или Гейдар Джемаль, настойчиво говорят о том, что им, как принципиальным контрмодернистам, постмодернисты гораздо ближе, чем модернисты. Это подхватывает целый хор голосов. Речь идет не только о российском интеллектуальном, культурном и политическом

процессе. Налицо процесс общемировой, требующий самого внимательного изучения. А также нового интеллектуального инструментария, позволяющего адекватным образом изучать подобные тенденции. Потому что изучать эти постклассические тенденции с использованием сколь-нибудь классического аппарата означает обречь себя на абсолютное непонимание существа дела, то есть на интеллектуальный и политический проигрыш.

Итак, мы имеем дело с одним суперактором под названием «Модерн» и с двумя противостоящими ему акторами – «Контрмодерном» и «Постмодерном». А также с целой матрицей отношений, порождаемых наличием суперактора и двух акторов.

Как строятся союзы между различными контрмодернистами? Как строятся союзы между контрмодернистами и постмодернистами? В чем тут общность целей? На какое мироустройство делается ставка? Какие применяются информационные, культурные и политические технологии? Вопросов очень много. Ответы на них не могут и не должны быть оторванными от реальности. Более того – либо мы сумеем уловить черты вышеописанной коллизии в тех или иных живых процессах, либо сама коллизия носит сугубо умозрительный и потому спекулятивный характер.

Таковы явления, ради адекватного понимания которых нужно выстроить новую систему понятийных координат. Однако они не только предмет, ради исследования которого необходимо выстраивать адекватный методологический инструментарий, названный мною «системой понятийных координат». Нет, они являются еще и «методологическими полигонами».

Ведь если мы вместо того, чтобы формировать метод параллельно с живыми предметными изысканиями, начнем заниматься методом как таковым, то нам гарантировано бесплодие – и содержательное, и абстрактно-методологическое. Нельзя спекулятивно разрабатывать метод, ориентированный на адекватное понимание столь злободневных явлений, как конфессиональный и этнический радикализм, суицидальный терроризм и так далее.

Можно либо методологически капитулировать, либо заниматься методологическими изысканиями параллельно с исследованиями актуальных проблем. Не только терроризма и экстремизма, но и конфликтов в элите, неочевидных политических процессов, опасных глобальных тенденций. Все это – те конкретные «поляны», работая на которых надо и создавать инструментарий, и получать результат. Именно такой подход исповедует и осуществляет наш коллектив. Именно на нем основываются статьи моих коллег, предложенные вниманию читателей этой книги.

Я же хочу развеять правомочные сомнения читателей, для которых приведенные выше методологические соображения не являются, в отличие от моих коллег, чем-то многократно обсужденным и даже пережитым. И завершить свой краткий методологический экскурс обсуждением наиболее неочевидной части проблемы – телеологии и аксиологии союза противников проекта «Модерн».

В самом деле, предположим, что в борьбу за демонтаж проекта «Модерн» действительно вовлечены силы, соразмерные решению подобной амбициозной задачи. Что же эти силы намерены создать, демонтировав Модерн? Что и зачем? Каким конкретным мироустройством они хотят заменить все то, что порождено Модерном?

Западная цивилизация движется по рельсам проекта «Модерн» на протяжении нескольких веков. В течение двух веков (XIX-го и XX-го) проект «Модерн» является мейнстримом. Но еще до этого он существовал в качестве того, что созревало в недрах западного традиционного общества. Специалисты говорят о пятисотлетнем цикле, который сейчас завершается. Предпосылки же для осуществления проекта «Модерн» на Западе были заложены намного раньше.

Речь идет, прежде всего, о культурно-религиозных предпосылках.

О постепенном изменении соотношения между верой и разумом в рамках христианской религии.

О все большей эмансипации человека в рамках так называемого модернизированного христианства. Немалый вклад в этот процесс внесло знаменитое Возрождение.

Очень много написано о том, как повлияла на рост Модерна христианская Реформация. А также философия Просвещения.

Итак, мы имеем дело с очень долговременным историософским циклом, неким отдаленным аналогом циклов Кондратьева, которыми оперируют экономисты. Любые циклы зарождаются, достигают исторического апогея, сходят на нет. Исторический апогей Модерна – середина XIX столетия.

К 1830 году уже никто на Западе не сомневался в том, что именно принципы, заложенные в проекте «Модерн», должны реализовываться каждой страной западного мира. Если, конечно, эта страна хочет выстоять в исторической конкуренции.

Данная оговорка имеет принципиальное значение. Построенный по законам Модерна мир национальных государств не может отказаться от межгосударственной конкуренции. Государство, замедлившее темпы своего развития (а именно качество осуществления Модерна определяет эти темпы), становится легкой добычей для завоевателя, который обеспечил своей стране преимущества во всем, что касается темпов развития.

К концу XIX века европейские ученые все чаще стали говорить о том, что молодые капиталистические страны, то есть те страны, которые позже вошли в капитализм, обладают некоторыми системными преимуществами, позволяющими им догонять и перегонять старые капиталистические страны, вошедшие в капитализм задолго до этого.

В 1910 году в Вене вышло в свет сочинение Рудольфа Гильфердинга «Финансовый капитал»¹³, в котором автор указал на особенности так называемой «новейшей» стадии развития капитализма», то есть на то, что Ленин, опиравшийся на исследования Гильфердинга, в своей работе «Империализм как высшая стадия развития капитализма»¹⁴ назвал законом неравномерности развития в эпоху империализма. Не составляет труда отделить идеологические построения, которые Ленин осуществляет в этой работе, от построений аналитических. И установить, что аналитическая часть построений Ленина не потеряла научного значения вплоть до настоящего времени.

Конкуренция между западными государствами, вставшими на путь Модерна, ведется по законам Модерна, то есть по законам, согласно которым ценой неуспеха в том, что касается Модерна, является частичное или полное разрушение «государства-лузера». Франция проиграла Франко-Прусскую войну и отдала Германии Эльзас и Лотарингию. Германия проиграла Вторую мировую войну и оказалась расчлененной на части. Принцип наказания за неуспех в Модерне западный мир распространил и на захватываемые им колонии. Важно оговорить при этом, что западные колонизаторы легитимировали захват незападного мира именно идеей Модерна.

Проект «Модерн», при всех его многочисленных изъянах, обладает одной принципиально важной позитивной чертой: он хотя бы на словах, на уровне исповедуемой идеологии, является проектом общечеловеческим. То есть тем проектом, приняв который все страны мира раньше или позже должны развиваться до уровня стран-лидеров. Подчеркну еще раз, что хотя бы на уровне Послания, адресованного Западом всему незападному человечеству, это именно так.

Свирепо завоевывая колонии, используя свое технологическое преимущество для эксплуатации проживающих в этих колониях народов, Запад постоянно оправдывал свои неблагоприятные деяния тем, что дикарей, проживающих в этих колониях, надо приобщить к Модерну. И что в этом подлинное благо, оправдывающее творимые в колониях жестокости. «Не-

¹³ Гильфердинг Р. *Финансовый капитал*. М.: Политиздат, 1959.

¹⁴ Ленин В.И. *Империализм как высшая стадия развития капитализма* // Ленин В.И. *Полное собрание сочинений*. Т.27.

сите бремя белых», – писал Киплинг, воспевавший британский колониализм. Под «бременем белых» подразумевалось именно постепенное приобщение незападного человечества к проекту «Модерн».

Таким образом, Модерн был не только основополагающим принципом существования западной цивилизации, но и основополагающим способом легитимации претензий этой цивилизации на исключительную роль в мире. Хочу обратить внимание читателя на то, что других способов легитимации у западной цивилизации никогда не было. Вряд ли легитимацией можно считать насильственное насаждение христианства.

Кроме того, от такого насаждения как от способа легитимации западная цивилизация по сути отказалась уже в XIV веке, после окончательного проигрыша так называемых Крестовых походов. Впоследствии к этому способу она уже не обращалась, апеллируя по преимуществу не к христианизации народов, живущих в завоеванных ею колониях, а к их просвещению. Христианский прозелитизм продолжался, но он занял к XVII веку уже совсем другое место, нежели то, которое он занимал, например, в XIII веке.

Выше я обсудил смысл концептуальных построений, осуществленных Сэмюелем Хантингтоном и основанных на идее построения пост-идеологического мира из государственных монад, именуемых цивилизациями. И регулируемых религиями, восстановившими свою роль в связи с компрометацией в XX веке всех крупных светских идеологий.

Позволю себе еще раз указать на очевидное – на то, что построение мира из таких монад возможно только после крушения проекта «Модерн». Пока есть Модерн, нет цивилизаций в понимании Хантингтона. Когда же возникнут эти цивилизации, исчезнет Модерн. Потому что Модерн категорически отрицает такое государственное устройство, в котором церковь не отделена от государства и претендует – в большей или меньшей степени – на роль теократии. Хантингтон же говорит именно о таком государственном устройстве, в котором ключевую роль играет завуалированная или открытая теократия. Ибо только при такой теократии религия может стать «политико-культурным ядром» макросоциума. И только макросоциум, обладающий этим «ядром» (при любой более или менее жесткой «периферии»), может считаться цивилизацией.

Где на сегодня религия может с большей или меньшей натяжкой быть названа политико-культурным ядром макросоциума? В Иране, в Саудовской Аравии... Это все скорее исключения, чем правила. Существующий мир в целом отвергает предлагаемую Хантингтоном цивилизационную архитектуру. Для того чтобы эта архитектура превратилась из экзотики в норму, нужно вернуть человечество в XIII или XIV век.

Возможно ли существование крупных политических субъектов, ставящих перед собою столь амбициозную и столь странную задачу? Именно в надежде ответить на этот вопрос я продолжаю данный историко-методологический экскурс.

Итак, примерно с 1830 года, с Июльской революции во Франции, на Западе почти никто не сомневался в том, что самому Западу надо двигаться по рельсам Модерна. Но насколько искренен был Запад, говоря о том, что он выступает в роли локомотива, который движет по рельсам Модерна все незападное человечество?

Во-первых, какие-то представители Запада в это искренне верили.

Во-вторых, это был, повторю, единственный способ легитимации западных притязаний на мировое господство, приведших к формированию ряда западных колониальных империй. Британской, прежде всего, но и не только.

В-третьих, конечно же, никакой окончательной искренности в этом вопросе не было. Но историческая логика превращала риторику в практику. Почему не было окончательной искренности? Потому что, двигая все человечество по рельсам Модерна, Запад рано или поздно должен был начать освобождать собственные колонии. И тут абстрактный идеал Модерна входил в острый конфликт с реальными интересами.

Но почему же историческая логика преодолевала, причем весьма печальным для колонизаторов образом, риторичность их апелляций к Модерну?

Потому что у колонизаторов, кроме интересов, связанных с сохранением метрополиями своих колоний, были и другие интересы. Я имею в виду экономические интересы западной буржуазии, активно формирующейся в течение всего XIX века. Эти жестокие, эгоистические интересы проистекали из природы принятого Западом Модерна и вынуждали циничные западные элиты следовать его – во многом им несимпатичным – идеалам.

Приведу лишь один конкретный пример. Западной буржуазии было намного выгоднее производить те же хлопковые ткани в колониях, а не везти сначала кипы хлопка из Индии или другой колониальной страны на британские фабрики, а потом возвращать теми же кораблями изготовленную ткань в колонии.

Переходя же от производства хлопковой ткани в метрополии к производству хлопковой ткани в колониях, буржуазия метрополий создавала и рабочий класс колоний, и местную интеллигенцию. То есть те социальные группы и слои, которые наиболее были способны вести национально-освободительную борьбу.

Противоречивость интересов метрополий и появление новых интересов у колоний привело к тому, что постепенно внутри каждой из колоний формировались две группы.

Одна из них – назовем ее группой №1 – продолжала настаивать на том, что колонии никакой Модерн не нужен. Речь шла о феодальной аристократии колоний, уже тесно переплетшейся с феодальной аристократией метрополий. Речь шла также о властных местных лобби, отражавших интересы колонизаторов. И, наконец, речь шла о той местной буржуазии, которая не была заинтересована в развитии местной промышленности и получила в истории название компрадорской.

Все эти три подгруппы, входящие в группу №1, можно объединить, назвав группу №1 группой сторонников проекта «Контрмодерн».

Идеология сторонников проекта «Контрмодерн» состояла в том, что народам незападной цивилизации глубоко чужд западный опыт. Что они должны оставаться не затронутыми этим опытом, лишаящим их религиозной веры, культурной самобытности и многого другого.

Проект «Контрмодерн» уже тогда объединил сторонников сохранения колониальной империи, находившихся в рядах элиты метрополии, и определенные группы элиты колонии. А поскольку в рядах элиты метрополии были и тайные противники Модерна как такового, которых сторонники Модерна называли «недобитой феодальной аристократией», то возникало многое: и почва для союза элит метрополии с элитами колонии, и определенная глобальная философия.

Но существовала и группа №2, состоящая из национальной интеллигенции, национальной, а не компрадорской буржуазии и определенной, причем растущей в силу вышеназванных причин, части местного населения. В течение столетия эта группа набирала силу. А затем начались национально-освободительные революции XX века, прекратившие эпоху колониализма. И переведшие уже не только Запад, но и большую часть незападного мира на рельсы все того же Модерна.

Стремясь отстоять свои позиции в странах, освободившихся от колониализма, Запад попытался заменить классический колониализм неоколониализмом. Для этого была изобретена концепция вестернизации. То есть жесткого копирования странами, освободившимися от колониализма, якобы универсального опыта Запада во всем, что касается не только экономики и технологии, но и культуры.

Вестернизация, во-первых, не давала странам, принявшим ее на вооружение, полноценно повторить опыт Запада. Ибо сам Запад, реализуя проект «Модерн», опирался на собственную культурно-историческую традицию. Но вестернизация запрещала странам, копирующим западный опыт, сделать то же самое.

Вестернизация, во-вторых, породила контрмодернистскую реакцию. Она разрушала историко-культурные традиции, ломала сложившиеся устои, выбрасывала из жизни целые слои населения. Классическим примером контрмодернистской реакции на вестернизацию является, например, революция Хомейни в Иране. Но и не только. Фактически весь радикальный исламизм является контрмодернистским. Ибо утверждает, что исповедующим ислам людям (исламской умме как целому) Модерн вообще не нужен. А нужен очищенный от Модерна ислам и возвращение обретших его народов к халифату и новому средневековью в целом.

Однако, в отличие от вестернизации, сокрушаемой раз за разом контрмодернистскими реакциями в странах третьего мира, в третьем мире осуществлялась и полноценная модернизация, опирающаяся на свою культурно-историческую самобытность. Выше уже было оговорено, что именно эта модернизация привела к весьма впечатляющим успехам и Китай, и Индию, и ряд других быстро развивающихся стран.

Перед Западом возникли новые проблемы. Какие же?

Проблема №1 – как обмануть закон неравномерности развития при империализме, предполагающий, что некоторые новые буржуазные страны обязательно будут развиваться быстрее старых буржуазных стран и в итоге станут новыми лидерами в том, что касается развития.

В самом деле, Китай предложил миру сотни миллионов дисциплинированных, трудолюбивых рабочих, готовых трудиться за десятую долю той цены, которую капиталисту надо платить в западных странах. Причем рабочих, опекаемых своим государством.

Нечто сходное – в чуть иных социальных пропорциях и на иной политической основе – сделала Индия.

Как удержать западную пальму первенства? Как помешать капиталисту переместить свои инвестиции в новые страны, где прибыль резко выше, чем в старых?

С исторической точки зрения, это сделать просто невозможно. Потому что история знает только один способ ответа на этот вызов – мировая война. Классический пример – Первая мировая война 1914–1918 годов. С этой точки зрения, человечество сейчас подходит к барьеру, воспроизводящему коллизии тогдашнего времени. Фактически 2014–2018 годы станут римейком на тему 1914–1918 года. Конечно же, с другими политическими актерами! Но – исполняющими в чем-то сходную историческую пьесу.

А поскольку многими странами изобретено или приобретено ядерное оружие, то мировая война, сходная с войной 1914–1918 годов, чревата слишком большими издержками для тех, кто решится ее затеять.

Налицо первая западная проблема, она же первый из западных тупиков – тупик историко-политический.

Но есть и второй тупик. Все его осознают, но очень немногие рискуют обсуждать. Он же – проблема №2.

Предположим, что Китай и Индия догонят США и Европу. Не в 2014-м, так в 2034-м году. Смогут ли тогда 3 миллиарда населения стран, догнавших Запад, добиться заслуженного ими западного благополучия? Могут ли они получить западные коттеджи и по две машины на семью? Хватит ли на это стройматериалов? Смогут ли новые обладатели этих коттеджей тратить столько же электроэнергии, сколько тратят граждане западных стран? Смогут ли они заливать в баки своих машин столько же бензина, сколько заливают сегодня граждане западных стран?

Признаем, что честного ответа на этот вопрос нет.

А что это значит? То, что на пути Модерна, которым согласилось идти почти все человечество, возникают некие препятствия. Преодоление этих препятствий потребует от Запада таких уступок, на которые не согласна если не большая, то очень существенная часть западной элиты.

Как можно оформить такое несогласие, не потеряв полностью легитимность? Конечно, можно просто скомпрометировать Модерн – хотя бы с позиций экологии, что давно делается многими. Но одними подобными компрометациями не обеспечишь демонтажа сложившейся мировой системы Модерна. И здесь к услугам тех, кто считает необходимым демонтировать Модерн, – Контрмодерн, прежде всего исламский.

Ярчайший пример использования исламского Контрмодерна для подрыва исламского же Модерна – Иран. Без контрмодернистской («консервативной») революции (а именно таковой была революция Хомейни) Иран довольно быстро, при любых ошибках шаха, стал бы Японией Среднего Востока. Но он ею не стал.

Потенциал консервативных, то есть контрмодернистских, революций – не революций вообще, а именно таких «революций», – вот что может быть задействовано для сохранения статус-кво развитыми странами мира. По крайней мере, так считают представители серьезных элитных сил на Западе.

Контрмодерн можно задействовать по-разному. Можно осуществлять консервативные революции в тех или иных странах, препятствуя внутреннему развитию. А можно атаковать силами Контрмодерна соседние страны. Мы понимаем, что и такие варианты опробуются и используются.

В этом, как нам представляется, – инструментальность радикального исламизма. Он, при всей его яркости и амбициозности, – всего лишь инструмент в руках тех, кто поставил перед собой задачу остановки и демонтажа проекта «Модерн».

В самом деле, коль скоро проект «Модерн» основан на определенном – национально-государственном – устройстве, в основе которого такая общность, как нация, то любая претензия религии на государственное доминирование, любая адресация к племенной идентичности может разбудить спящие страсти и разрушить нацию. А значит, и национальное государство. Достаточно активизировать нужным образом контрмодернизационную религиозность или племенную страсть, чтобы стремительно развивающаяся страна была отброшена вспять.

Но что значит «активизировать нужным образом»? В наборе социокультурных технологий, востребованных в последние десятилетия XX века и постоянно совершенствуемых в новом тысячелетии, – управляемый регресс. Он же – вторичная архаизация.

Идеологам Модерна казалось, что «колесо истории нельзя повернуть вспять». Однако рост информационных, психологических, социокультурных возможностей, усталость Модерна, остывание модернистских идеалов, невнятность исторических перспектив Модерна, в каком-то смысле усталость самой истории дают противникам Модерна некие шансы на поворот вспять колеса истории. И это надо признать. Как надо признать и то, что борьба с Модерном востребовала еще одного – весьма опасного – «спящего демона».

Я имею в виду спящий в каждом человеке дух смерти. Именно к нему апеллируют силы, возвращающие суицидальный терроризм вообще и особенно терроризм женский и детский. Даже зверь охраняет свой генофонд. А значит, мы сталкиваемся с попытками сломать инстинкт жизни вообще. Это очень далеко идущие попытки, которые осуществляются на основе синтеза контрмодернистских и постмодернистских наработок – со все более очевидным преобладанием последних.

Что же проступает за разобранной мною тенденцией? В таких случаях эффективны только выявляющие существо дела антиутопии, а не длинные политкорректные рассуждения.

Представьте себе антиутопию, в которой новый мир с постмодернистским ядром (Мао Цзэдун называл сходное ядро «мировым городом») будет дополнен контрмодернистской периферией – «мировой», так сказать, «деревней».

Конкуренция между национальными государствами и буржуазными элитами, которым государства нужны для борьбы на рынках, окажется отменена.

Вместе с нею окажется отмененным закон неравномерности развития.

Лукавые адресации к «устойчивому развитию», призванному заменить развитие неравномерное и потому неустойчивое, вскоре обнаружат

свою изнанку. Окажется, что речь вообще идет о неразвитии. О закреплении социальных ролей, места в разделении труда, квот на потребление, квот на численность населения и многого другого.

Конечно же, такая антиутопия сейчас кажется сугубо фантастической, абсолютно невоплотимой в жизнь. И она действительно невоплотима, коль скоро в мире не начнутся тектонические подвижки. Как политические, так и экономические. Как культурные, так и военные. Только по ту сторону таких подвижек невозможное может быть воплощено в жизнь.

Но кто сказал, что такие подвижки исключены? Что последний мировой экономический кризис не является первым провозвестником подобных подвижек? Кто сказал, что нет процессов, толкающих мир в сторону подобных подвижек? Что нет субъектов, заинтересованных в обострении этих процессов?

Задача состоит в том, чтобы выявить такие процессы и такие субъекты. И нечто противопоставить выявленному. Для этого надо объединить силы, которые заинтересованы как конкретно в Модерне, так и в любом другом развитии. Надо показать, что борьба с развитием ведется, и противопоставить ей борьбу за развитие.

И у России, и у Индии, и у большинства других стран есть самые серьезные основания для того, чтобы вести эту борьбу. Нет другого – понимания масштаба целей тех, кто взрывает современный мир, мир Модерна, всеми возможными способами. Как только станет ясно, что речь идет о сокрушительном для наших стран мегапроекте, а не об отдельных кознях отдельных злодеев, борьба с противниками Модерна обретет иную энергетiku. Радикальный исламизм, терроризм, сепаратизм – это только слагаемые данного мегапроекта. Средства его осуществления. Не более того, но и не менее.

Предвижу вопрос: «А если все-таки Модерн настолько исчерпал самое себя, что его крах неизбежен?»

Мой ответ таков.

Во-первых, пока что это не так. И у нас есть все основания бороться за Модерн.

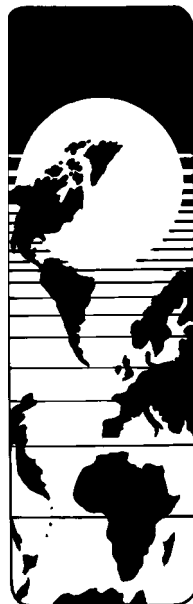
Во-вторых, даже если вскоре это обнаружится, борьба против мира Пост- и Контрмодерна будет продолжена. Смерть Модерна должна стать рождением другого большого проекта, отвечающего всем основным чаяниям человечества. Проекта, который – в противовес Пост- и Контрмодерну – можно назвать «Сверхмодерном». Контур этого проекта уже достаточно очевидны. У человечества должно хватить сил для его разработки и реализации. Нашей борьбе с Пост- и Контрмодерном нет никаких конструктивных альтернатив. Когда понимание этого станет достоянием конструктивных элит и народов, найдутся силы, чтобы победить.

Европа – старая Европа – уже не является господствующим фактором в мире. Она отступила перед Америкой и Россией; от их политики зависит теперь судьба Европы – разве только Европа сумеет в последнюю минуту объединиться и окажется достаточно сильной, чтобы сохранить нейтралитет, когда разрушительные бури новой мировой войны разразятся над нашей планетой. Правда европейский дух проник теперь в Америку и Россию, но это – не Европа.

Карл Ясперс

Практически мы констатируем, что о каждом индивиде и часто о каждом поступке имеется множество представлений и что каждое представление соответствует одной точке зрения наблюдателя, но разнообразие точек зрения так же неустранимо, как противоположность между субъектом и наблюдателем.

Реймон Арон

Игорь Максимычев

ПОСТ СДАН. ПОСЛЕДНИЙ ГОД ГДР

**ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ
СОВЕТНИКА-ПОСЛАНИКА
ПОСОЛЬСТВА СССР В БЕРЛИНЕ¹**

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

УДК
327.8

Apart from internal causes of the aggravation of the GDR crisis, there were also external ones. The FRG spared no effort to accelerate the unification by absorbing the weaker East German republic. The options of creating a new state for all Germans (this necessitated the adoption of a new constitution and a new name) or of having an all-German referendum, which could underline the democratic nature of the unification process, were rejected. Those who believed in the convergence of the two German states as equals looked to the USSR, an ally of the GDR. But the Soviet Union shifted to the support of the FRG position. And forgot its own security interest. It is only ten years later that the new FRG and the new Russia managed to establish equal relations of co-operation and understanding that are vital for the prosperity of the whole of Europe.

Ключевые слова: объединение Германии; правительство Ханса Модрова; правительство Лотара де Мезьера; канцлер Гельмут Коль; выборы в Германии 18 марта 1990 года; Западный Берлин; вывод войск из Германии; Западная группа войск; переговоры «два плюс четыре».

Key words: the unification of Germany; the government of Hans Modrov; the government of Lotara de Mezera; chancellor Helmut Kohl; the German elections on 18 March 1990; the Western Berlin; the conclusion of Armies from Germany; the Western group of Armies; negotiations "two plus four".

E-mail: igormaxim@mtu-net.ru

¹ Окончание. Начало см.: *Россия XXI. 2010. №№ 3, 4.*

Точка невозврата

Оценки посольства в общем оправдались: победа восточногерманского ХДС на выборах и избрание его главы Лотара де Мезьера премьер-министром нового правительства не представляли собой катастрофы для советской линии в германских делах. Если союзники ХДС по «Альянсу за Германию» выступали за немедленное присоединение к ФРГ без всяких условий, то руководство ХДС ориентировалось на большинство населения ГДР, которое настаивало на определенных гарантиях соблюдения его социальных интересов. Сразу после выборов 18 марта западногерманский журнал «Квик» опубликовал данные опроса общественного мнения в ГДР, согласно которому 67% граждан высказались против «безусловного единства уже в текущем году»; 63% требовали при заключении валютной унии обмена марки по курсу 1:1; 58% выступали за сохранение имеющихся имущественных прав, 53% – за закрепление социальных гарантий и 49% – за придание праву на труд законодательного характера. В этом же направлении шли и первые заявления представителей ХДС ГДР по германским делам. 6 апреля только что избранная председателем Народной палаты Сабине Бергман-Поль (через несколько дней она стала также временным главой государства, приняв дела у бывшего председателя Государственного совета ГДР Манфреда Герлаха) высказалась за объединение ГДР и ФРГ на основе статьи 146 боннского Основного закона, которая предусматривала разработку новой конституции. Социал-демократы, приглашенные де Мезьером к участию в формируемом правительстве, настаивали на включении в договор об объединении ряда требований, которые отражали бы «особый профиль» ГДР не только во внутривнутриполитической, но и во внешнеполитической сфере. Один из руководителей СДПГ ГДР Маркус Меккель заявил 5 апреля: «Для нас объединение может быть реализовано только в рамках статьи 146 Основного закона, то есть с новой конституцией на завершающем этапе».

Однако было ясно: идея растянутой по времени поэтапной подготовки создания федеративного германского государства похоронена. Отныне речь пошла об относительно коротком «переходном периоде», о продолжительности которого, правда, никто ясно не говорил. Впрочем, счет шел все же не на месяцы, а на годы. В правительственном заявлении 19 апреля выражалась надежда на то, что удастся сформировать общегерманскую команду для участия в Олимпийских играх 1992 года в

² *Berliner Zeitung*, 21 März, 1990.

Барселоне. Оправдывая свой тогдашний «пессимизм», де Мезьер подчеркивал позже, что и Коль исходил первоначально из 8–10 лет, которые понадобятся для объединения. «Когда в феврале 1990 года в Оттаве начинались переговоры "два плюс четыре", – говорил де Мезьер в 1996 году, – мы не думали, что они закончатся в течение шести месяцев. Тогда СССР был еще фактором силы. Мы же не могли предполагать, что уже в конце 1990 года мы будем кормить русских, снабжая их продовольственными пакетами»³.

Однако темп и направление движения диктовались Западной Германией. Бонн находился на длинном плече рычага и располагал гораздо более эффективными средствами воздействия на ГДР, чем ГДР на Западную Германию. В ФРГ сразу после 18 марта была названа дата введения в действие валютной унии, переговоры о заключении которой даже еще не начинались, – 1 июля 1990 года. В боннском понимании уния, начиная со дня ее вступления в силу, означала ни больше ни меньше, как чисто декоративный характер самостоятельности ГДР. Поэтому договор о валютной, экономической и социальной унии был подписан уже 18 мая. Иллюзиям восточногерманских реформаторов, считавших, что они смогут экспериментировать, как им вздумается, на деньги ФРГ, было суждено разбиться о железное правило: кто платит, тот заказывает музыку. В качестве «морковки» ФРГ обещала отменить к этому дню особую процедуру приема переселенцев из ГДР, которая предусматривала существенные привилегии для бегущих на запад граждан восточногерманской республики (денежные пособия, беспроцентные займы, обеспечение жилплощадью и т.д.) и действовала как вакуумный пылесос, выкачивающий людей из ГДР.

Параллельно путем предъявления обвинений в сотрудничестве с МГБ ГДР в прошлые времена была запущена машина диффамации всех самостоятельно мыслящих восточногерманских политиков, которые начинали приобретать популярность. Была организована кампания за проверку возможных связей со «штази» в отношении всех депутатов вновь избранной Народной палаты. Вот здесь и выяснилось, почему оппозиция так трогательно заботилась о сохранности архивов МГБ. Под удар попали даже такие деятели, как председатель СДПГ ГДР Ибрагим Беме и сам Лотар де Мезьер. Беме удалось свалить – он отверг все инсинуации, но был вынужден подать в отставку с постов председателя

³ De Maizière L. *Anwalt der Einheit. Ein Gespräch mit Christine de Maizière.* Berlin, 1996. S.78–79.

партии и фракции в Народной палате (его заменил значительно менее известный Маркус Меккель). Обвинения в адрес де Мезьера остались недоказанными, однако продолжали висеть над его головой как дамоклов меч и вынудили его, в конечном счете, уже после объединения, оставить политическую карьеру. Манипуляции с архивами МГБ чрезвычайно эффективно служили (и служат) дисциплинированию выходцев из ГДР, а также их оттеснению на второстепенные и третьестепенные позиции в политической жизни единой Германии.

Одновременно была организована кампания дискредитации Советского Союза под лозунгом раскрытия «тайных преступлений НКВД». «Совершенно случайно» были обнаружены захоронения, относившиеся предположительно к местам содержания деятелей национал-социалистического режима и его пособников, которых советские оккупационные власти интернировали после мая 1945 года. Для этой цели СВАГ частично использовала созданные нацистами концлагеря, что было только справедливо: организаторы фашистского кошмара должны были на личном опыте хотя бы поверхностно познакомиться с условиями, в которых они содержали свои жертвы. Никто не утверждал, что в захоронениях были найдены останки расстрелянных или казненных иным способом заключенных, но при этом упорно замалчивалось, что в голодные и холодные послевоенные годы истощенные люди часто болели и умирали естественной смертью. О характере публикаций на эту тему можно судить по заметке, помещенной в «Берлинер цайтунг» 31 марта: «Солдаты Национальной народной армии начинают широкомасштабные раскопки захоронений в Шахтенхагенер-Форст под Ораниенбургом. Предполагается, что там после 1945 года были тайно зарыты от 200 до 1 000 жертв советского лагеря НКВД №7 в Заксенхаузене. Найденные сразу после начала раскопок многочисленные скелеты и кости, а также пришедшие в состояние ветхости опознавательные знаки позволяют сделать вывод о наличии большого количества захоронений. Компетентные органы прокуратуры предлагают создать правительственную комиссию»⁴.

Разбираться с данной проблемой пришлось правительству Модрова, которое продолжало исполнять свои обязанности вплоть до образования нового кабинета. 30 марта и.о. заместителя министра иностранных дел ГДР Гарри Отт пригласил меня к себе и попросил передать в Москву предложение об организации обмена мнениями в связи с обнаружением

⁴ *Berliner Zeitung*, 31 März. 1990.

массовых захоронений в Заксенхаузене и Бухенвальде. По словам Отта, немецкие средства информации распространяют утверждения о том, что таких лагерей для интернированных было 11 и они функционировали с 1945 года по 1949 или даже по 1951 год. Правительство находится в затруднительном положении: у него нет никаких документов на этот счет; зато здесь и в ФРГ сыскались «свидетели». Отт продолжал: «Мы ожидаем кампании среди общественности, размах и последствия которой непредсказуемы. К выборам 6 мая можно ожидать новых находок. Не исключено, что 45-летие Победы придется отмечать в обрамлении дискуссии о лагерях. Совет министров ГДР принимает решение о создании правительственной комиссии по расследованию обстоятельств дела. В связи с этим мы официально запрашиваем информацию о лагерях и могилах. Если документы не сохранились, то правительству СССР (или МИД от его имени) стоит выступить с соответствующим заявлением. Чем дольше будем ждать, тем серьезнее станет положение. Главное – разъяснить, что лагеря были созданы по решению правительств стран антигитлеровской коалиции о денацификации Германии». Ответа из Москвы не последовало. Может быть, это и было правильно: документов не нашлось и там, а любая реакция официального характера подлила бы масла в огонь. Тема лагерей НКВД продолжала муссироваться в течение всего времени, оставшегося до завершения вывода ЗГВ с германской территории. Ее обсуждение то затухало, то обострялось в зависимости от обстановки. Надо признать, что эта кампания нанесла существенный ущерб репутации СССР в глазах восточных немцев.

К тому же к ней присоединился явно организованный извне пропагандистский поход «в защиту советских евреев». 5 мая 1990 года по призыву функционировавших в Западном Берлине еврейских организаций у здания посольства на Унтер-ден-Линден состоялась демонстрация под лозунгом «Не допустить погромов в Советском Союзе!». Западно-берлинские СМИ утверждали, что в демонстрации участвовали 250 человек. На самом деле демонстрантов было гораздо меньше, но эта демонстрация стала предвестником начала массовой эмиграции евреев из СССР в Германию (в основном, в Западный Берлин и ФРГ).

К середине апреля стал осуществляться план Шеварднадзе по замене советских послов СССР в Берлине и Бонне. 12 апреля кандидатуры В.П.Терехова и Г.С.Шикина были утверждены комитетом Верховного совета СССР по международным делам. На следующий день об этом сообщила пресса ГДР и ФРГ. На «летучке» 13 апреля В.И.Кочемасов сообщил нам о своем предстоящем отъезде. Он сказал, что спрашивали

«его мнение относительно преемника. Был выбор между Г.С.Шикиным и Р.П.Федоровым». Кочемасов высказался в пользу последнего, но в Москве предпочли первого.

12 апреля Народная палата утвердила состав кабинета де Мезьера, в котором М.Меккель (СДПГ) стал министром иностранных дел. Одновременно было опубликовано коалиционное соглашение, определявшее основные линии деятельности правительства на ближайший период. В разделе внешней политики и политики безопасности говорилось, в частности, что объединение Германии не должно нарушать стабильность в Европе; оно должно содействовать созданию общеевропейского порядка мира, демократии и сотрудничества. Неотъемлемым элементом является обязательное в международно-правовом отношении признание западной границы Польши. Германия завтрашнего дня должна быть прочно интегрирована в Европейское сообщество и включена в будущую общеевропейскую систему безопасности. До создания такой системы следует исходить из того, что объединенная Германия будет членом меняющейся в своих военных функциях НАТО. На нынешней территории ГДР во время переходного периода будут находиться, наряду с советскими вооруженными силами, германские вооруженные силы, на которые возлагается задача защиты этой территории и которые не подчиняются НАТО и не входят в состав бундесвера. В сфере внутренней политики предусматривалось продолжение работы над новой конституцией, в ходе которой следовало определить переходные постановления с учетом конституции ГДР 1949 года и проекта конституции, подготовленного Круглым столом. Предстояла судебная реформа с кадровыми изменениями в соответствии с принципами правового государства. Намечались создание конституционного суда, поэтапное введение административных судов, а также специализированных судов по трудовым и социальным делам. В отношении намечаемой валютной, экономической и социальной унии с ФРГ подтверждался срок ее вступления в силу – 1 июля 1990 года. Уния должна была включать обязательство обмена валюты в основном на базе 1:1. Предусматривался ряд мер для того, чтобы избежать снижения уровня заработной платы и обеспечить повышение пенсий до 70% последнего заработка. Списание или пересмотр внутреннего долга должны были укрепить конкурентоспособность народных предприятий. Предстояло по-новому урегулировать защиту от увольнений, предотвращение повышения квартирной платы и т.д.⁵ В

⁵ *Berliner Zeitung*. 14–15 April. 1990.

целом было не очень похоже на то, что реформаторы ГДР собираются организовать в спешном порядке похороны государства, которое, наконец, поступило в их распоряжение.

В то же время у посла имелись основания быть недовольным содержанием коалиционного соглашения. Он говорил нам 13 апреля, что в этом соглашении налицо «недостаточный учет наших интересов: слишком быстрое воссоединение и членство объединенной Германии в НАТО. В составе правительства видна спешка в подборе кандидатур – у большинства министров нет никакого опыта в тех областях, которые им доверены. Очень много представителей религиозных кругов». Посол предупредил также о том, что создана комиссия по расследованию связей политических деятелей ГДР (и ФРГ) с МГБ: «могут быть неожиданности». Он считал, что теперь «нам надо свести к минимуму наши экономические потери в ГДР».

Впечатление о том, что новое правительство пришло не на один день, подтвердило правительственное заявление, с которым Л. де Мезьер выступил 19 апреля в Народной палате. Правда, по некоторым пунктам позиция нового кабинета была, по настоянию Бонна, сближена с западногерманской. 18 апреля посол встречался с де Мезьером. Он рассказал нам на «летучке» на следующий день: «Беседа была непростой – есть расхождения. Мезьер обещал "уточнить" свои позиции. <...> Правительство ГДР находится под сильным давлением со стороны ФРГ. Мезьер вызывает двойственное впечатление: в личных беседах он соглашается с нашими мнениями, в публичных выступлениях – расходится. Вопрос о валютном союзе [– для нас важно,] чтобы при этом не было ущерба нашим интересам. Мезьер [утверждает:] ничего еще не решено. [Он заблаговременно] информирует нас и посоветует, что делать».

В правительственном заявлении, в частности, говорилось: «Поручение избирателей, которое должно выполнить правительство, требует установления единства Германии в неразделенной, мирной Европе. Это требование определяет темп и качество [процесса]. Единство должно прийти столь быстро, насколько это возможно, однако его рамочные условия должны быть столь хорошими, столь разумными и столь жизнеспособными в будущем, насколько это необходимо». При этом де Мезьер не оставил ни тени сомнения в том, что объединение состоится на основе статьи 23 Основного закона ФРГ, то есть путем присоединения ГДР к западногерманскому государству. Премьер обратился к гражданам СССР с призывом «не воспринимать политику ГДР и ее стремление к единству Германии как угрозу. Мы сознаем нашу вину перед

Советским Союзом и как свободное государство хотим дружески сотрудничать с таким Советским Союзом, в котором победило новое мышление». Он заявил далее: «Задачей правительства ГДР является проводить политику, способствующую процессу замены военных союзов путем создания выходящих за рамки отдельных союзов структур, что послужит началом общеевропейской системы безопасности. При этом целью ведущихся нами переговоров является европейская система безопасности, обладающая сокращающимся числом военных функций»⁶.

24 апреля де Мезьер и Коль окончательно договорились в Бонне о вступлении в силу валютной, экономической и социальной унии с 1 июля, хотя текст договора об унии еще не был полностью готов. На следующий день последовало одностороннее решение ФРГ ограничить обмен марки по курсу 1:1, на чем настаивало восточногерманское правительство, суммой 4 000 марок – все, что превышало эту сумму, должно было обмениваться по курсу 1:2⁷. Правительство ГДР подвергло это решение критике. ФРГ отказалась идти на уступки.

28 апреля начался визит де Мезьера в СССР. Накануне МИД СССР поручил посольству информировать премьер-министра о советской позиции на предстоящих в Москве переговорах – довольно необычный для дипломатической практики шаг, свидетельствующий о нарастании расхождений между специалистами по Германии в Министерстве и политическим руководством страны. Сообщение для де Мезьера, к которому явно приложил руку и В.М.Фалин, содержало следующие основные моменты:

– стабильность в Европе и обеспечение мира не только не исключают, но и предполагают существование единой немецкой нации и ее государства;

– в то же время объединение не должно привести к уменьшению безопасности любого государства и нарушать баланс интересов;

– СССР не чинит препятствий решению вопросов сближения германских государств, исходя из того, что ГДР и ФРГ будут выполнять свои обязательства и принимать в расчет права и интересы СССР по основным соглашениям экономического, политического и военного характера;

⁶ *Neue Chronik DDR. Berichte, Fotos, Dokumente, recherchiert und zusammengestellt von Zeno und Sabine Zimmerling, 6. Folge, 19 März – 6 Mai 1990. Berlin, 1990. S.68–87.*

⁷ *Для обмена денег, находившихся на руках у иностранцев в ГДР, с самого начала был определен курс 1:2.*

– при передаче функций управления временному правительству ГДР в октябре 1949 года СССР принял к сведению готовность ГДР стоять на позициях решений Потсдамской конференции и выполнять обязательства, вытекающие из совместно принятых решений четырех держав; фундаментальные интересы СССР требуют, чтобы до принятия в будущем всеобъемлющих решений по данному комплексу вопросов не возникало каких-либо отклонений от этих договоренностей; нельзя допускать, чтобы обязательства ГДР перед СССР и другими государствами на Востоке Европы имели меньший вес по сравнению с обязательствами ФРГ на Западе;

– включение объединенной Германии в НАТО неприемлемо; сохранение НАТО при ликвидации Варшавского договора не будет положительным вкладом в дело общеевропейской безопасности и создания структур, в большей степени отвечающих интересам стабильности и мира;

– только общая цель и общая направленность политических усилий всех государств сегодня и завтра могут обеспечить плодотворность шагов по сокращению вооружений;

– было бы нежелательно, чтобы одно германское государство демонстрировало свою лояльность к той военной организации, которая привела в свое время к расколу Германии, а другое германское государство отдалялось бы от своих союзников, хотя Варшавский договор был создан в ответ на вхождение ФРГ в НАТО;

– выход из создавшегося положения заключается в создании системы европейской безопасности;

– объединение Германии – слияние, а не поглощение; идея применения статьи 23 преследует цель погасить обязательства ГДР перед СССР и другими союзниками при сохранении обязательств ФРГ, в том числе военно-политического характера, в отношении территории нынешней ГДР; это попытка страны НАТО узурпировать суверенные права страны Варшавского договора, покушение блока НАТО на коренные права и ответственность СССР в отношении Германии, которые являются частью действующего международного права и зафиксированы в Уставе ООН; СССР не может освятить своим согласием применение статьи 23 или иной статьи Основного закона, так как там речь идет о продолжении существования рейха в границах 1937 года; к тому же неизвестно, будет ли Основной закон соответствовать тому мирному договору, который еще предстоит заключить;

– СССР твердо стоит на том, что Вторая мировая война должна завершиться заключением мирного договора с Германией, содержащего обязательства Германии, которые освободят народы Европы от тревоги за возможность повторения ужасов германской агрессии, а также гарантии границ и удовлетворение законных интересов государств, ставших жертвой гитлеровской агрессии и оккупации; на эту цель должна быть ориентирована работа в рамках «два плюс четыре»; положения договора не должны дискриминировать Германию и ущемлять национальное достоинство немцев;

– в сфере экономических отношений СССР и ГДР изменение ситуации для ГДР не освобождает стороны от взятых на себя обязательств, ряд которых имеет долговременный характер и захватывает XXI век; имеется немало вопросов в связи с финансовыми расчетами, связанными как с текущими контрактами, так и с переданными ГДР в свое время правами собственности; целесообразно начать немедленно проработку всех экономических и связанных с ними вопросов на двусторонней основе, чтобы избежать возникновения осложнений в будущем.

В ходе встречи с М.С.Горбачевым 29 апреля де Мезьер попытался смягчить некоторые опасения, сформулированные в обращении МИД СССР. При этом премьер-министр не смог удержаться от замечания насчет разногласия среди московских интерпретаторов советской внешней политики: «Мы чувствуем себя несколько неуверенными в результате того, что интересы Советского Союза изображаются поразному». Де Мезьер сконцентрировался на необходимости синхронизировать преодоление раскола Германии и Европы, для чего следовало бы конкретизировать идею общеевропейского дома. Он отметил, что «процесс объединения [Германии] должен идти при сохранении и уважении достоинства и самобытности ГДР. Компонентами нашей самобытности является и вся история наших тесных отношений с Советским Союзом. К сожалению, процесс объединения двух немецких государств сейчас сильно опережает общеевропейский процесс. Видимо, мы вместе с вами должны подумать, как сообща гармонизировать эти два процесса». Де Мезьер предложил институционализировать общеевропейский процесс – ввести в практику регулярные встречи министров иностранных дел, министров обороны, командующих вооруженными силами всех государств-участников, создать многосторонний орган по урегулированию спорных вопросов, предусмотреть модели проверки договоренностей, касающихся разоружения и военной разрядки. Он настаивал на том, чтобы дать новый стимул переговорам в Вене об ограничении

обычных вооружений в Европе, чтобы за Веней-1 последовала Вена-2. С целью рассеять опасения СССР в отношении вступления объединенной Германии в НАТО, премьер-министр говорил о том, что ГДР будет вести дело к тому, чтобы характер НАТО изменился «в пользу приоритета политического сотрудничества над военным», и что для территории ГДР предусматривается особый военный режим: на ней «не должно быть войск НАТО, а войска, образующие ныне народную армию ГДР, должны быть в техническом отношении связаны с Варшавским договором и ни в коем случае не будут связаны с военными структурами НАТО».

Оставив без ответа предложения собеседника по приданию ускорения общеевропейскому процессу, Горбачев вернулся к идее «о целесообразности сотрудничества в треугольнике ФРГ–ГДР–СССР», которая заслуживает «внимания на всех уровнях», и пообещал: «Мы будем постоянно взаимодействовать с вами». Его высказывания по НАТО были довольно противоречивыми. Сначала он считал желательным «просчитать возможность двойного членства объединенной Германии и в НАТО, и в Варшавском договоре», но затем заявил: «Нас с вами могут отнести к очень большим оптимистам, если мы будем исходить из того, что в объединенной Германии будут сосуществовать, так сказать, два типа по-разному ориентированных вооруженных сил». В этой части беседы Горбачев заговорил о «разного рода предложениях об оставлении на какой-то период советских войск на нынешней территории ГДР. Такие предложения свидетельствуют об опасениях, что Советский Союз не примет включения объединенной Германии в НАТО. Наши западные партнеры по переговорам, очевидно, не могут не учитывать, что слишком явное настаивание на достижении односторонних преимуществ может толкнуть нас на роспуск Варшавского договора и полный уход советских вооруженных сил в пределы своей собственной территории. Тогда руководителям НАТО придется объяснять населению своих стран, зачем вообще нужен этот блок». Де Мезьер почему-то не испугался подобной перспективы. Возражения Горбачева против применения статьи 23 Основного закона ФРГ как базы для объединения он не принял. В то же время стороны достигли согласия по вопросу о необходимости обеспечения группы советских войск в ГДР в экономическом плане при реализации валютной унии между ГДР и ФРГ⁸.

⁸ Михаил Горбачев и германский вопрос. Сборник документов 1986–1991. М., 2006. С.409–423.

По свидетельству сопровождавшего де Мезьера министра иностранных дел ГДР М.Меккеля, представители ГДР остались довольны приемом. На прощальном обеде для В.И.Кочемасова 12 мая Меккель произнес краткую речь, в которой сказал: «Я люблю русский народ, русскую литературу. Я хочу, чтобы будущая Европа имела развитые связи с СССР. Объединяясь с нашими братьями и сестрами, мы не хотели бы поворачиваться спиной к Востоку. Но наше сотрудничество не должно наносить ущерба другим – линия из Берлина ведет на Варшаву и [лишь] затем на Москву. В войну немцы причинили большие страдания советскому народу. Советский народ принес немцам освобождение от фашизма – не один, конечно, а вместе с союзниками. Но и немецкий народ настрадался за истекшие 45 лет, в том числе от советских солдат. Пользы взаимное предъявление обвинений не даст. Поможет только подлинное примирение. Наше свободно избранное правительство приехало в Москву с высоко поднятой головой. Мы опираемся на поддержку 75% населения нашей страны, но одновременно мы обязаны защищать их интересы. Мы приехали в Москву не для того, чтобы получать приказы или выслушивать, как нам поступать дальше. Результаты бесед, кажется, хорошие, закладывают добрую основу на будущее. Перестройка Горбачева – это большой и мужественный шаг. Но сверху можно лишь создать условия для развертывания демократии. Сама демократия строится снизу. Именно такие процессы идут сегодня в ГДР и СССР. Надеюсь, что советское руководство это понимает. К демократии еще нужно привыкнуть. Сейчас существует возможность, что некоторые оппозиционные элементы могут блокировать работу Народной палаты при помощи процедурных уловок. 2 июля – рано для валютной унии, но давление снизу очень велико (к сожалению, эту дату первой назвала СДПГ). Осень 1990 года будет, скорее всего, тяжелой: социальная напряженность [растет]».

Финал

Заявление Меккеля, сделанное в узком кругу, а не на митинге, отразило характерные изменения в отношениях между ГДР и СССР, связанные с приходом к власти оппозиционных партий. Отныне политическая элита ГДР (как правило, это были провинциальные священники или околоцерковные деятели) не чувствовала себя чем-либо обязанной Советскому Союзу – произошел своеобразный «взаимозачет» причиненных друг другу «исторических обид». Нападение гитлеровской Германии на СССР, массовое уничто-

жение его населения, гигантские разрушения на советской территории приравнивались к полувековому пребыванию советских войск на германской земле и связанными с этим неудобствами для населения Восточной Германии. Даже горбачевская перестройка не послужила основанием для того, чтобы новый политический класс ГДР испытывал благодарность по отношению к СССР. Наоборот, он встал в привычную позу проповедника и наставника, чтобы учить Горбачева (да и других зарубежных политиков) «подлинной демократии».

Подобная метаморфоза не прошла незамеченной и для наших западных партнеров. Американский посланник Гарри Гилмор говорил мне 20 июня: «Движение к германскому объединению стало слишком быстрым даже для США. Заметно, что нет больше высказываний [посла США в ФРГ] Вернона Уолтерса в пользу воссоединения; задумались и в Вашингтоне. Но сохраняется убеждение, что сделать ничего нельзя, чтобы замедлить [процесс]. Ничего сделать нельзя и для того, чтобы добиться каких-то гарантий на будущее – все будет зависеть от доброй воли немцев. Перспективы сохранения американских войск (и миссии США⁹) в Западном Берлине неясны. Ясно одно: оккупационная основа отпадает вместе с объединением. Таким образом, нужно приглашение немцев, а они молчат. США не хотят просить, хотя очень заинтересованы в том, чтобы остаться в Берлине – все-таки какая-то гарантия стабильности. Возможно, что дело прояснится, когда [переговоры] "два плюс четыре" подойдут к теме "Берлин". Если немцы не обратятся с просьбой, Вашингтон ликвидирует войска и миссию [в Берлине]»¹⁰.

Наиболее опытные и серьезные аналитики в СССР ясно различали надвигающуюся угрозу для обеспечения советских интересов в Европе. 18 мая посетивший Берлин В.М.Фалин (он выбирался делегатом на предстоящий съезд КПСС от парторганизации совзагранучреждений в ГДР) встретился с дипломатами посольства. Согласно моим записям, он сказал: «Германские дела: после периода неопределенности расстановка сил сулит нам трудное противостояние. После колебаний в западных

⁹ Миссиями несколько месяцев назад стали называться «военные правительства» западных держав в Западном Берлине

¹⁰ В конечном счете, вопрос был решен так: военные коменданты и их гражданские заместители были отозваны США, Великобританией и Францией из Западного Берлина в момент объединения ФРГ и ГДР; ограниченные контингенты войск этих держав покинули Берлин в сентябре 1994 года после завершения вывода Западной группы войск (последней уходила Берлинская бригада ЗВГ).

столицах США поддерживают на 100% Гельмута Коля [действующего по правилу]: "Сейчас или никогда! " [Он исходит из того, что] СССР слаб, в ГДР [скоро] начнутся последствия перевода экономики на рельсы рынка, в том числе усиленная эмиграция в Западную Германию и социальные обострения там). США намерены свести [процесс] "два плюс четыре" к роли похоронного бюро при погребении четырехсторонних прав – внутренние аспекты [объединения] не подлежат рассмотрению, мирный договор с Германией не нужен. Активно ведется работа с союзниками СССР по Варшавскому договору. Есть колебания в советском руководстве, не говоря уже про печать. Цель: быстренько прибрать ГДР к рукам через статью 23: не надо переоформлять членство в международных организациях, а обязательства ГДР исчезают (во всяком случае, ФРГ будет выбирать, что ей принимать на себя и что нет). Запад уверен, что СССР подует, побряцает оружием и смирится: можно создать плохую атмосферу вокруг советских войск [в ГДР], призвать СССР через DM [марку ФРГ]. Идет рост напряженности в отношениях СССР с США и Западной Европой. Рассчитывают на наш здравый смысл, а сами действуют авантюристически. В последние дни у французов появились новые нюансы (неофициально): Франция не будет мешать Советскому Союзу добиваться своей цели; в подходящий момент они будут ему ассистировать. У англичан похожая позиция, но они не очень доверяют французам (английский проект опирающихся на Англию американско-англо-западногерманских военно-воздушных сил – "нога в двери"). Отказ Запада от мирного договора [с Германией] преследует, во-первых, цель ликвидации прав СССР (при этом Запад сохраняет свои права по Боннскому договору, Римским договорам, НАТО, ЗЕС и так далее). Во-вторых, это отказ от совместного с СССР определения военно-политического статуса Германии. Наша позиция (Горбачев в беседах с Меккелем¹¹, Бейкером и так далее) состоит в следующем: не может быть и речи о включении объединенной Германии в НАТО – [необходима] общеевропейская система коллективной безопасности. Если мы договоримся об этом и о временных рамках [создания такой системы], тогда можно договариваться и о промежуточных этапах. Пока в Западной Германии есть американские войска, наши войска будут в Восточной Германии; их вооружение будет соответствовать американскому. <...> Мы не предлагаем ничего, что оскорбляло бы, дискриминировало немцев. Большинство населения [Германии] за военную ней-

¹¹ Видимо, имелась в виду беседа М.С.Горбачева с Лотаром де Мезьером 29 апреля 1990 г.

трализацию Германии (это не одно и то же, что нейтралитет). Немцы устали от опасности, хотят пользоваться своим благосостоянием в спокойствии. <...> Запад хочет старой, а не новой политики, хочет тектонического сдвига в соотношении сил против СССР, [чтобы] объединение Германии не означало объединения Европы. [...] Важны формы объединения Германии. Коль торопится – завтра статья 23 может встать под вопрос. Нужно вспомнить, так ли уж безоговорочно мы вручили [государственную] власть ГДР в 1949 году? Осенью 1989 года, когда полиция ГДР перестала справляться, нам надо было восстановить свою ответственность за восточный сектор Берлина. <...> Для нас статья 23 неприемлема... – это был бы ущерб не только для престижа СССР, но и по существу (оборона). Предстоят обострения – и с США, и с ФРГ, и даже с ГДР. В любом случае, Верховный Совет СССР не ратифицирует договор со статьей 23 и НАТО».

Как дисциплинированный человек, Фалин постоянно повторял, что излагаемая им позиция, в правильности которой он был безоговорочно убежден (мы разделяли его мнение), является позицией высшего руководства страны. Однако решения М.С.Горбачева входили во все более глубокое противоречие с заявленной Фалиным точкой зрения. Шло отступление по всей линии. Апогеем стала встреча Коля и Горбачева в Москве и Архызе 15–16 июля 1990 года, когда была пройдена точка невозврата. После Архыза речь могла идти только о быстрой ликвидации ГДР. И Верховный Совет СССР ратифицировал, в конечном счете, договорные тексты, хотя в них косвенно присутствовали ссылки на статью 23 конституции ФРГ и членство объединенной Германии в НАТО.

Результаты переговоров изложил на заключительной пресс-конференции триумфатор, федеральный канцлер Гельмут Коль. Он заявил:

- объединенная Германия и Советский Союз заключат всеобъемлющий и основополагающий договор, который на долгий срок и на основе добрососедства будет регулировать их отношения;
- объединение Германии охватит ФРГ, ГДР и Берлин¹²;
- к моменту объединения права и ответственность четырех держав будут полностью отменены;

¹² Эта формула подразумевала отказ от всяких территориальных претензий («границы 1937 года» и т.п.).

- объединенная Германия свободно и самостоятельно решит, будет ли она входить в какой-либо блок и если будет, то в какой (Коль не оставил сомнения, что это будет НАТО);
- единая Германия заключит с СССР договор о выводе советских войск из ГДР, который должен быть завершен в три–четыре года, и одновременно «военный договор» на такой же срок о последствиях введения марки ФРГ в ГДР;
- пока советские войска остаются на территории бывшей ГДР, структуры НАТО не будут распространяться на эту часть Германии; там могут размещаться войска бундесвера, не входящие в военную организацию НАТО; войска трех западных держав останутся в Западном Берлине до окончания вывода советских войск;
- вооруженные силы объединенной Германии будут сокращены за три–четыре года до 370 тысяч человек;
- объединенная Германия откажется от производства, владения и распоряжения атомным, биологическим и химическим оружием и останется участником Договора о нераспространении ядерного оружия.

В заявлении М.С.Горбачева на пресс-конференции содержалась не совсем точная фраза, имевшая в виду достигнутый компромисс: «Наверное, западногерманская сторона не получила "в чистом виде" то, на что рассчитывала. "В чистом виде" и мы не получили того, на что рассчитывали в свое время». На самом же деле Гельмут Коль получил все, на что рассчитывал, и даже больше. Недаром в начале переговоров он процитировал слова Бисмарка о крае плаща спешащей мимо истории, за который нужно суметь ухватиться¹³. Коль не только ухватился, он сумел сразу оторвать большой кусок этого плаща. На июльской встрече с Горбачевым он уже выступал как хозяин единой Германии.

Министр иностранных дел ГДР М.Меккель совершенно справедливо заявил на встрече министров иностранных дел по формуле «два плюс четыре» 17 июля в Париже протест против того, что ФРГ и СССР принимали в Архызе решения по ГДР в отсутствие ее представителя. Меккель от имени ГДР потребовал запретить распространение структур НАТО на Восточную Германию и на период после вывода ЗГВ, а также зафиксировать отказ от размещения ядерного оружия на всей герман-

¹³ Михаил Горбачев и германский вопрос. С.495, 525–541.

ской территории¹⁴. Реакцию Бонна легко себе представить¹⁵. Вскоре после Парижской встречи Меккелю пришлось уйти в отставку. Пост министра иностранных дел де Мезьер оставил за собой. Под финальным документом переговоров шести правительств стоит его подпись, хотя вклад ГДР в разработку договора «два плюс четыре» был равным нулю. Впрочем, это не имело уже никакого значения. После сделанных в Архызе фундаментальных уступок Горбачева, нерешенными оставались лишь третьестепенные вопросы. Остальным участникам переговоров не оставалось ничего другого, как придать советско-германским договоренностям приличествующую юридическую форму, что и было сделано в Москве 12 сентября 1990 года, когда был подписан «Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии». Он заменил собой мирный договор с Германией, от которого Коль при поддержке США решительно отказался. Однако обязательность нового договорного акта была, мягко выражаясь, условной.

Похороны договора от 12 сентября 1990 года, сердцевиной которого было содержащееся в статье 2 обязательство, что «с немецкой земли будет исходить только мир», состоялись по историческим меркам довольно скоро. В тексте договора указанное обязательство расшифровывалось следующим образом: «Объединенная Германия никогда не применит оружия, которым она располагает, иначе как в соответствии с ее конституцией и Уставом Организации Объединенных Наций». Аналогичные положения были включены и в договор СССР и ФРГ от 9 ноября 1990 года. Например, в его 3-й статье фиксировалось, что договаривающиеся стороны «никогда и ни при каких обстоятельствах не используют первыми свои вооруженные силы против друг друга или против третьих государств»¹⁶. Однако в 1999 году ФРГ приняла участие в войне НАТО против Югославии, хотя мандата ООН на ведение этой войны не было и в помине, а Югославия ни на кого не нападала. Ссылки на то, что Германия лишь выполняла свой долг как член НАТО, полностью несостоятельны: договор «два плюс четыре» не предусматривает каких-

¹⁴ См.: Bruck E., Wagner P.M. *Wege zum 2+4-Vertrag*. München, 1994. S.201.

¹⁵ *Заведующий отделом внешней политики и разоружения в ведомстве премьер-министра Тило Штайнбах сообщил мне 18 июля, что, по мнению де Мезьера, в Архызе «решены все проблемы переговоров "два плюс четыре"; время внешней политики ГДР закончилось; выступление Меккеля в Париже вызвало резкое недовольство Геншера; Меккелю придется отказаться от своих слов или уйти».*

¹⁶ *Германо-советские договоры. Бонн, 1991. С.13, 77.*

либо ограничений для обязательства относительно мира, который только и должен исходить с немецкой земли. Однако это не мешает германским представителям то и дело ссылаться на то, что поддержка со стороны ФРГ определенных действий Запада, которые воспринимаются Россией как направленные против ее жизненных интересов, объясняется дисциплиной Германии в качестве члена различных западных объединений и альянсов. Такая ситуация привела к тому, что перестал работать ряд важнейших постановлений германо-российских договоров и соглашений, которые в иной обстановке могли бы считаться возмещением в какой-то степени геостратегических утрат для России, связанных с исчезновением ГДР. В.В.Путину пришлось начинать восстановление российских позиций в Европе и в мире «с чистого листа».

3 октября 1990 года, через полтора месяца после Архыза, включение ГДР в состав ФРГ стало свершившимся фактом. Посольство докладывало в Москву: «2 октября состоялось последнее заседание Народной палаты, на котором с непродолжительными заявлениями выступили председатели фракций, в том числе Грегор Гизи. По телевидению ГДР и ФРГ были переданы краткие обращения Гельмута Коля и Лотара де Мезьера. Вечером в концертном зале столицы ГДР "Шаушпильхаус" прошел торжественный акт, на котором с прощальной речью выступил де Мезьер. Как правило, выступавшие с большим уважением и теплотой отмечали положительную роль советской политики нового мышления и лично М.С.Горбачева. Сенатом и магистратом Берлина было принято совместное постановление о прекращении раскола города. Одновременно состоялись проводы трех западных комендантов, которые должны 4–5 октября покинуть Берлин. Спуск флагов трех держав у здания союзной комендатуры символизировал окончание оккупационного режима в Западном Берлине. В полночь перед рейхстагом была проведена церемония поднятия флага ФРГ в знак того, что ГДР перестала существовать. Первоначально эта церемония планировалась у Бранденбургских ворот, но по соображениям безопасности ее перенесли на большую площадь Республики перед рейхстагом, где могли разместиться собравшиеся толпы людей. 3 октября в здании западноберлинской филармонии состоялся государственный акт, в ходе которого выступили с речами президент ФРГ Рихард фон Вайцзеккер, президент бундестага Рита Зюсмут, бывший президент Народной палаты Сабине Бергман-Поль и правящий бургомистр Берлина Вальтер Момпер. Все выступавшие говорили о роли СССР в воссоединении Германии. Вайцзеккер особо выделил тему сотрудничества Германии с СССР. Он подчеркнул:

"Мы все знаем, что будущая стабильность Европы зависит от определяющего вклада СССР. Западная граница СССР не должна стать восточной границей Европы". На празднества в Берлине собралось свыше 1 миллиона посетителей из всех частей Германии. Массовые гуляния прошли без серьезных инцидентов. Полиция, уже с 1 октября находившаяся под западноберлинским управлением и усиленная контингентами из ФРГ, справилась со своими задачами. Попытки левоэкстремистских элементов вызвать осложнения (они выступали под лозунгами: не допустить возникновения "Четвертого рейха", пресечь враждебность к иностранцам) были в основном безуспешными. Все же в вечерние часы 3 октября на Александер-плац состоялись столкновения с полицией: около 500 "хаотов" ("автономных") и 200 человек турецкой молодежи стали бить витрины, поджигать автомобили, забрасывать полицию камнями и бутылками с зажигательной смесью. При разгоне были задержаны свыше 200 человек. Есть раненые. Положение нормализовалось к полуночи».

В первых числах октября 1990 года последний председатель Совета министров ГДР Ханс Модров (Лотар де Мезьер носил уже титул премьер-министра) был с визитом в Японии по приглашению главы японского правительства, переданному ему еще в декабре 1989 года. Старый знакомый Модрова Суецугу, председатель общественного Совета безопасности, консультирующего правительство по внешнеполитическим вопросам, пригласил гостя из Берлина вместе с и.о. посла ГДР в Японии Вильфридом Шмидтом вечером 2 октября на ужин в один из токийских ресторанов. В заключение ужина Суецугу обратился ко всем посетителям ресторана (их было, как вспоминает Модров, человек 50–60) с краткой речью. Он сообщил, что у него в гостях глава правительства ГДР в отставке; завтра произойдет объединение германских государств; так пусть же в честь гостя еще раз прозвучат гимны ГДР и Японии. Все встали и приветствовали гимны аплодисментами¹⁷. Похоже, что гимн ГДР был тогда официально исполнен в последний раз. А ведь Япония совсем не была союзницей ГДР, скорее наоборот.

* * *

Подытоживая сказанное, уместно сделать следующий вывод: как бы мы ни оценивали внутренние порядки ГДР, как бы ни раскладывали по полочкам ее положительные и отрицательные стороны (как мы убеди-

¹⁷ *Modrow H. Ich wollte ein neues Deutschland. München, 1999. S.466.*

лись на практике, нет режимов, свободных от недостатков), восточно-германская республика была несущей опорой европейской стабильности. Полвека мира на европейском континенте – это заслуга также и ГДР. Первая война в Европе после 1945 года, война НАТО против Югославии, состоялась уже в то время, когда не было ни ГДР, ни социалистического содружества, ни СССР. Каждое из этих исчезновений тесно связано с остальными. Есть все основания говорить о том, что все 40 с лишним лет своего существования ГДР честно несла вахту на посту поддержания европейского и глобального мира. 3 октября 1990 года перед тем, как шагнуть в небытие, ГДР отпартовала: «Пост сдан». А вот принять пост было уже некому.

Редкое зрелище – заснеженные Бранденбургские ворота

Олег Гриневский

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

САММИТ НЕРЕАЛИЗОВАННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

УДК
341.24

In June 1961 at the first meeting of N.S.Khrushchev and John F.Kennedy in Vienna there were real possibilities to start with a nuclear test ban agreement in order to begin the lessening of international tension and solving the Berlin crises. But instead of the concrete discussions of these urgent problems the leaders of the two superpowers were involved in general talks with no attempts to solve them. The result of the Vienna summit was the decision in the Kremlin to brake the moratorium, to start nuclear tests, making the most powerful explosion at Novaya Zemlya proving ground. The author who was the witness of these events writing in detail and making a systematic and holistic analysis why and how it had happened.

Ключевые слова: Венский Саммит; Хрущев; Кеннеди; международная безопасность, разрядка международной напряженности; запрещение испытаний ядерного оружия; Берлинский кризис; переговоры в Женеве; Политбюро; записка в ЦК.

Key words: The Viennese Summit; Khrushchev; Kennedy; the international safety, an easing of international tension; prohibition of tests of the nuclear weapon; the Berlin crisis; negotiations in Geneva; the Political bureau; the Note in the Central Committee.

E-mail: olgrinev@mtu-net.ru

Сегодня мало кто помнит венский саммит Хрущева и Кеннеди в далеком 1961 году. И тому есть причины. Это был саммит нереализованных возможностей радикально улучшить советско-американские отношения и начать строительство системы международной безопасности. А только что вступивший в Белый дом Джон Ф.Кеннеди во многом походил на нынешнего президента США Барака Обаму. Или, скорее, наоборот – Обама на Кеннеди: оба молодые, малоизвестные, неопытные, но в речах обещали много хорошего.

Поэтому у советского Генсека Н.С.Хрущева поначалу было немало надежд, что вновь избранный президент поведет дело к улучшению отношений с СССР. Ведь в своих речах он призывал к миру, разоружению и укреплению международной безопасности. И даже заявил, что, будь он президентом во время инцидента с самолетом-разведчиком У-2, сбитым над советской территорией, то выразил бы сожаление советскому правительству. А вершиной этих многочисленных призывов к миру явилось его послание Хрущеву, сделанное уже 27 февраля 1961 года, с предложением встретиться в какой-нибудь нейтральной стране, чтобы обсудить и начать решение острых международных проблем.

Однако Кремль настаивало, что все эти речи сопровождались призывами вкладывать больше денег в производство ракетно-ядерных вооружений, чтобы превзойти Советский Союз, который-де во многом опережал тут Америку. Но в то же время это и льстило Хрущеву, так как в действительности все обстояло наоборот. В 1961 году у Советского Союза было только 6 ракет межконтинентальной дальности, способных долететь до США, да и то далеко не в идеальном состоянии. А в Соединенных Штатах их было в 15 раз больше. Но ни в Москве, ни в Вашингтоне тогда не знали действительного соотношения стратегических сил, хотя специалисты предполагали, что США здесь далеко опережают Советский Союз.

В общем, Хрущев решил не спешить с ответом на предложение Кеннеди о встрече, а подождать и выяснить, что в его речах относится к риторике, а что – к реальной политике. Но по каналам КГБ был дан сигнал: Москва хочет такой встречи. И резидент КГБ в Вашингтоне Александр Феклисов сообщил своему знакомому из газеты «Вашингтон Пост», что на этом саммите можно будет достичь соглашений по ряду проблем, и главное – по запрещению испытаний ядерного оружия.

А тем временем Никита Сергеевич внимательно наблюдал за шаханями Вашингтона. Даже свою излюбленную тактику изменил: теперь он молчал. Два месяца (февраль и март) в своих речах не трогал Америку. Но продолжал твердое и неуклонное политическое давление по всему фронту. Берлин, Куба, Конго, Индокитай стали районами прямого советско-американского противостояния. А на предложение Кеннеди о прове-

дении встречи в верхах просто не ответил – молчал 68 дней. Как будто ждал, что молодой президент совершит ошибку. И дождался.

На рассвете 15 апреля 1961 года шесть американских бомбардировщиков В-26 с кубинскими опознавательными знаками нанесли удары по аэродромам на Кубе, уничтожив примерно половину всей авиации Фиделя Кастро. А через два дня тысячи кубинских эмигрантов, обученных и вооруженных в США, высадились на песчаных пляжах Залива свиней с целью свергнуть режим Кастро. Но на берегу их встретили не толпы восторженного народа, как значилось в американских планах, а танки и артиллерия Кастро. И напрасно они ждали обещанного прикрытия с воздуха и моря. Генералы из Пентагона и разведчики из ЦРУ, запланировавшие эту операцию, умоляли президента отдать приказ о поддержке повстанцев огнем. Но Кеннеди был непреклонен: никакого вовлечения США быть не должно. Американские военные корабли только приблизились к острову и стали на якорь.

Это был смертный приговор «плану Запата», как он значился в анналах ЦРУ. Без прикрытия с воздуха операция оказалась слишком слабой, чтобы рассчитывать на успех. Но и отказ от прикрытия не мог скрыть американского участия в ней. Через несколько дней десант эмигрантов был разгромлен. Бывший президент Д.Эйзенхауэр прямо спросил Кеннеди:

– Ради всего святого на земле, почему вы не использовали воздушное прикрытие?

Кеннеди ответил, что боялся, как бы русские не воспользовались этим, чтобы устроить Западу неприятности в Берлине. Отставной президент смерил его презрительным взглядом:

– В действительности, – сказал он, – все может произойти с точностью до наоборот. Советы всегда действуют по собственным планам и, если видят, что мы проявляем слабость, начинают оказывать на нас сильное давление. Неудачи в Заливе свиней побудят Советский Союз предпринять то, что при других обстоятельствах он бы не сделал¹.

Что ж, Эйзенхауэр был прав. В Кремле решили, что теперь время для встречи в верхах созрело, так как Кеннеди окажется на ней в невыгодном положении как в политическом, так и в психологическом плане. Униженный поражением на Кубе, боясь кризиса в Берлине, не имея четких ориентиров в политике, с чем он может прийти на эту встречу? И 12 мая в Вашингтон пошло предложение провести в начале июня саммит в Вене. Вот только согласится ли президент на проведение встречи в верхах в таких новых условиях? Тут были большие сомнения.

¹ *Eisenhower MEMO 04,22,1961, DDEL; NYT 23.04.61; Beschloss Michael R. The Crisis Years. Kennedy and Khrushchev 1960–1963. NY.: Edward Burlingame Books on imprint of Harper Publishers. 1991. P.144–145.*

Однако, к удивлению Хрущева, как пишет его помощник Олег Трояновский, Кеннеди принял это предложение². И тогда на Президиуме ЦК 26 мая 1961 года состоялось обсуждение тактической линии, которую следует проводить на предстоящем саммите относительно проблем, стоящих в повестке дня советско-американских отношений. Особых расхождений тут не было: на Кеннеди надо жестко давить, и прежде всего в таком важном деле, как признание ГДР и уход США из Западного Берлина. Но высказывались и опасения, не приведет ли такая политика, особенно в германском вопросе, к всеобщей ядерной войне?

Однако Хрущев решительно стоял на своем: Нужно «твердо идти на заключение мирного договора с ГДР. США могут пойти на развязывание ядерной войны». Но Англия, Франция и ФРГ их не поддержат. «Общественные силы поднимутся, по-моему, войны не будет». Микоян его поддержал и заявил, что США «могут пойти на военные действия без применения атомного оружия. 90% за то, что войны не будет, будет обострение». Брежнев, Сулов и Игнатов также поддержали Хрущева. Но наиболее категоричным было мнение Громыко: «Почти полностью исключаю возможность войны из-за Берлина»³.

Вот в такие опасные игры играли в те страшные годы. Соратники по партии, руководство военных и КГБ вовсе и не думали сдерживать зарвавшегося вождя. Наоборот, они всячески подыгрывали ему, подзуживая на принятие самых крайних решений. И это была официальная, зафиксированная в протоколе Президиума ЦК линия поведения на венской встрече.

Другой острой темой, которая обсуждалась тогда на Президиуме, было запрещение испытаний ядерного оружия. И здесь Хрущев, при поддержке своих соратников, тоже занял вроде бы весьма жесткую позицию. Он заявил, что идти на уступки американцам по контролю за прекращением испытаний никак нельзя. Почему? – Как всегда страстно вопрошал он, и тут же сам ответил: «Вы поймите, что такое контроль над взрывами. Что такое социализм, как крестьянин сказал: "И на шо он мне сдался". Так и я бы сказал, что такое прекращение испытаний и контроль "и на шо он мне сдался". Это же выдумка американцев для получения легальной разведки нашей страны... А как говорил Чапаев, быть дураками по положению не имеем права»⁴.

Однако Хрущев обо всем, что думал по этому поводу, публично не высказывался. Он считал, что давление на Кеннеди по берлинскому

² Трояновский О. *Через годы и расстояния*. М.: ВАГРИУС, 1997. С.234.

³ Президиум ЦК КПСС 1954–1964. М.: РОСПЭН, 2004. Т.1. *Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы*. С.498–499.

⁴ Там же. С.506.

вопросу заставит его искать компромисс, венцом которого могло бы стать заключение Договора о запрещении испытаний ядерного оружия, чего давно добивался советский Генсек, хотя порой говорил совершенно другое, уступая давлению силовых ведомств. Об этом замысле узкой группе мидовских специалистов поведал Громько, дав мне указание выехать в Вену и находиться там как бы в резерве на тот случай, если на переговорах Хрущева с Кеннеди наметится прорыв в деле запрещения ядерных испытаний.

И надежды на это были весьма основательные. В Москве прекрасно понимали, что прекращение испытаний – это единственный вопрос, по которому можно достичь серьезного и очень нужного соглашения. Громько не раз убеждал Президиум, что, наконец, сложилась уникальная ситуация, когда запрещение испытаний без лишнего шума сможет раз- решить две кардинальные проблемы:

Во-первых, попривержать гонку ядерных вооружений. Логика здесь простая: нельзя создавать оружие, не проводя его испытаний. Во-вторых, перекрыть путь к появлению других ядерных держав. Это касается не только Западной Германии, но и Китая. Нашим интересам не отвечает появление каких-либо новых ядерных государств, и особенно – расположенных по периферии Советского Союза.

Переговоры в Женеве велись уже 3 года, и на них стали вырисовываться контуры и содержание возможного соглашения. Но главным препятствием к его заключению оставалось решение двух непростых проблем, относящихся к контролю. Это комплектование контрольной системы, то есть ее структура и состав, а также квота, то есть число инспекций за подземными ядерными взрывами.

Но при анализе проблем с комплектованием контрольной системы становилось ясно, что это ребус, порожденный патологическим идеологическим упорством Москвы и Вашингтона. И практическое решение здесь уже прорисовалось. Взять, к примеру, состав контрольного поста. После долгих переговоров все согласились, что одна треть его должна состоять из граждан соцстран, другая треть – из граждан западных стран и последняя треть – из нейтральных и неприсоединившихся стран. Но сразу же возникал вопрос – как определить эти нейтральные страны? Было предложено, чтобы одна треть из этой трети состояла из нейтральных стран, близких к Советскому Союзу, другая треть – близких к Западу и последняя треть – из самых что ни на есть нейтралов. Но вот как определить, кто есть кто?

В общем, глупость какая-то. То же и по составу контрольной комиссии. Советский Союз предложил состав 3:3:1. Это означало, что социалистическим и западным странам в контрольной комиссии принадлежало бы по три места, а у нейтральных стран было бы одно место. Запад

предлагал 4:4:3. Но Советский Союз был категорически против. В контрольной комиссии западники и нейтралы вместе должны иметь не более двух третей голосов. Впрочем, все эти головоломки, рожденные идеологическим противостоянием в Холодной войне, легко решались при здоровом политическом подходе на встрече в верхах.

Та же ситуация с инспекциями. С самого начала американцы предлагали проведение 20 инспекций в год, а мы называли это неприкрытым шпионажем. И только к весне 1960 года здесь стала прорисовываться возможность компромисса. В неофициальных беседах, разумеется, по указанию из Москвы, мы дали понять американцам, что можем пойти на проведение не более трех инспекций в год. В ответ они дали понять, что могли бы понизить предлагаемый ими уровень до 18.

В общем, начался дипломатический торг, по которому было видно, что компромисс может быть достигнут в промежутке от 10 до 12 инспекций. Хрущев воспользовался этим и решил, что «гвоздем» – главным успехом намечавшегося в мае 1960 года саммита в Париже – будет подписание Договора о запрещении испытаний ядерного оружия, который станет первым шагом к разрядке международной напряженности и разоружению. В советских директивах, подготовленных к этой встрече в апреле, разрешалось дать согласие на 5–7 инспекций, а в крайнем случае – на 10–12 инспекций в год.

Не получилось. Полет У-2, сбитого над советской территорией 1 мая 1960 года, сорвал эти планы. Теперь, учитывая призывы нового президента США к миру, безопасности и разоружению, здесь снова открывалось «окно возможностей». Но развитие событий на встрече в Вене пошло по другому сценарию.

* * *

До австрийской столицы Хрущев добирался поездом почти неделю. По пути часто останавливался, в Праге провел два дня, общался с руководством, смотрел, как живут люди. А увиденное немало влияло на его мировоззрение и убеждения. Чтобы понять это, представьте, уважаемый читатель, что Вы живете в СССР в 50-е и 60-е годы и что Вам ужасно повезло: Вы на поезде едете по Европе. Что же Вы увидите?

Мне удалось стать таким везучим человеком. Еще в далеком 1958-м, практически сразу после окончания аспирантуры МГИМО, я был принят на работу в МИД и направлен на переговоры по запрещению испытаний ядерного оружия, которые проходили в Женеве. А тогда это означало необходимость ездить из Москвы в Женеву поездом из Москвы через Прагу, Вену, где была пересадка и где удавалось порой провести

1–2 дня, а далее через Баварию в Мюнхен, где опять пересадка. И так туда и обратно 3–4 раза в год. Порой можно было добираться самолетом до Парижа, а оттуда через всю Францию на поезде в Женеву. И что же мы видели?

В Австрии, в ФРГ, да и во Франции все выглядело примерно одинаково, как и в СССР: разруха, грязь, бедность. Только вот у них туалеты чистые, – иронизировали мы, молодые дипломаты. Зато при пересечении границы со Швейцарией возникало ощущение, что попадаешь в другой мир – благополучие, процветание, чистота и порядок. Но, если бы не эта ужасная Вторая мировая, мы наверняка жили бы так же, а то и еще лучше. Ведь всего за два–три десятилетия из отсталой, полуразвалившейся страны мы превратились в ведущую державу мира – сверхдержаву, которая одержала великую победу во Второй мировой войне, создала ядерное оружие, запускает ракеты и спутники в космос. Кто еще из европейских стран может сравниться с нами?

Так или примерно так выглядела Европа в те годы. И это, как мы были тогда уверены, свидетельствовало о преимуществе социалистической системы над капитализмом. Но такие мысли приходили в голову не только советским людям, впервые попавшим за рубеж, но и многим жителям Европы, США и всего мира. В конце девяностых, когда я преподавал в США, мне довелось побеседовать со многими представителями старшего поколения американцев. Они откровенно говорили: тогда, то есть в 40-е, 50-е и начале 60-х, мы искренне считали, что ваш социализм – это путь к прогрессу. А если посмотреть, кто были американцы и англичане, работавшие на Советский Союз и обвиненные в шпионаже, то в США это были высокообразованные ученые-физики, передававшие нам секретные данные, касающиеся создания ядерного оружия, а в Англии – представители высшей элиты страны. То есть люди не бедные, не униженные и делавшие это не за деньги, а по убеждению, полагая, что социализм – это будущее человечества. И Советский Союз делает первые шаги к этому светлому будущему, пусть даже порой с ошибками.

Это же наверняка ощущал и Хрущев, когда почти неделю поездом добирался тогда до Вены.

* * *

Первая встреча Хрущева с Кеннеди проходила 3 июня 1961 года в резиденции американского посла. Состав ее участников был ограничен до предела. С нашей стороны присутствовали только А.А.Громько и А.Ф.Добрынин, который был тогда заведующим отделом США в МИДе. А переводил Виктор Суходрев. Вот и все.

Неожиданно и как-то неуверенно президент начал говорить о противостоянии капитализма и коммунизма и о том, что необходимы отход, понижение конфронтации в Холодной войне и расширение зоны нейтральных государств между двумя противостоящими блоками. А для этого нужно неформальное сотрудничество, чтобы предотвратить распространение блоковой конфронтации на Третий мир. Он даже сказал, что не стал бы препятствовать прибавлению социализма в Югославии, Индии или Бирме, но так, чтобы это не повело к нарушению существующего баланса сил между двумя сверхдержавами. Много внимания он уделял и Лаосу⁵.

Такие заявления в корне противоречили прежней политике администрации Эйзенхауэра, которая публично заявляла и предпринимала немало усилий, чтобы расширить свое военное присутствие в странах, окружающих Советский Союз. И такой поворот в политике был явно выгоден Советскому Союзу. Но для Хрущева это выглядело так, словно ему – Генсеку Коммунистической партии СССР – предлагают отказаться от политики построения коммунизма во всем мире, а для этого, если будет такая возможность, то и воздействовать силой. А это все равно, что если бы сегодня кто-либо предложил на переговорах верховному лидеру Ирана аятолле Али Хомени отказаться от построения мирового исламского халифата. Неудивительно поэтому, что Хрущев завелся и с упоением доказывал преимущества социализма над капитализмом и неизбежность его победы.

– Мы считаем, – с жаром почти кричал он, – что на исторической арене происходит непрерывное соревнование между старым, отжившим строем и новым, движущимся вперед строем. В свое время на основе такого соревнования капитализм пришел на смену феодализму. А теперь грядет победа социализма над капитализмом, – солировал Хрущев, излагая азбуку марксизма-ленинизма американскому президенту.

В таком духе беседа лидеров двух сверхдержав продолжалась всю первую половину дня 3 июня. Потом был ланч, и после него переговоры

⁵ Здесь и далее беседы Хрущева с Кеннеди излагаются на основе записей этих бесед (См.: Президиум ЦК КПСС 1954–1964. М.: РОСПЭН, 2008. Т.3. Постановления 1959–1964. С.171–214; Memorandum of Conversation at the Vienna Meeting between the President and Chairman Khrushchev 3 and 4 June 1961 // John F.Kennedy Library. POF: CO: USSR. Box 126. Folder 12). По своей сути записи этих бесед, сделанные с советской стороны В.Суходревым и с американской – А.Акаловским, практически совпадают. А вот деталей, особенно касающихся эмоциональных высказываний Хрущева, больше в записях Акаловского.

продолжились в том же составе и там же – в резиденции американского посла.

Начал беседу Кеннеди с заявления, что «понимает» ссылку Хрущева на смену феодализма капитализмом, когда он говорит, что «наше время характеризуется упадком капитализма и приходом ему на смену социализма». Но из этого следует, что «во время переходного периода необходимо проявлять особую осторожность... Это тем более верно для нашего времени, учитывая то страшное оружие, которое ныне находится в наших руках». Поэтому нужно избежать конфликта между США и Советским Союзом. «В этом заключается моя главная цель», – сказал президент. И особо отметил, что смена социальных систем не должна быть остановлена силой. Признал, что американская оценка событий не всегда бывает правильной, заявив, что совершил ошибку, проводя операцию в Заливе свиней на Кубе.

Затем они перешли к спорам по конфликтным ситуациям на Кубе, в Иране, Анголе и Лаосе. И Кеннеди подчеркивал, что его «сильно беспокоит» советская политика поддержки национально-освободительных движений, как их называют в Москве. «Главное, что беспокоит нас в этом вопросе, как я уже говорил, это то, что в мире ныне установилось настолько четко очерченное соотношение сил, что даже если одно из новых государств перейдет на вашу сторону, то это резко изменит существующее равновесие не в нашу пользу».

После таких заявлений президента Хрущев праздновал победу на этом первом дне их переговоров в Вене. Хотя они и не пришли к единому мнению по всем этим вопросам, заявления Кеннеди выглядели так, будто он склоняется к согласию с Хрущевым, что капитализм отмирает и будущее принадлежит социализму. При этом он не только уверен, что в мире ныне существует баланс сил между этими системами, но страшно боится неизбежного его изменения в пользу соцстран. Поэтому Хрущев был доволен.

Но мы, разумеется, ничего не знали тогда о том, что происходит в резиденции американского посла. Вся команда Хрущева сидела в советском посольстве и ждала его возвращения. И как только Никита Сергеевич вышел из машины, люди из ближайшего окружения бросились к нему с вопросами, что произошло и какое впечатление произвел новый президент? Его ответ был кратким и холодным:

– Слабак, болтуниска! Ограниченный и даже незрелый человек. По сравнению с ним Эйзенхауэр – мыслитель, понимающий, что происходит в мире.

Мы были поражены. Но, как шутили тогда в кулуарах, их встреча напоминала знакомство известной примадонны с начинающей старлеткой. Во всяком случае, по манере поведения Хрущева.

* * *

Второй день их встречи проходил в советском посольстве и в том же составе, но выглядел еще более странно. Хрущев начал с того, что стал рассказывать об успехах экономического и промышленного развития СССР, об открытии огромных запасов железной руды в районе Курска, которых вполне достаточно для «непрекращающегося и быстрого развития экономики Советского Союза». А Кеннеди и тут согласился с ним: «СССР действительно достиг уже огромных успехов в области промышленности и освоения космоса, и я не сомневаюсь в том, что и впредь ваша страна будет быстро развиваться». В общем, снова Хрущев праздновал победу.

Потом перешли к Лаосу и, наконец, к ядерным испытаниям в Берлину. Причем солировал в обсуждении этих двух вопросов Хрущев.

Для запрещения ядерных испытаний, говорил он, осталось решить две проблемы. Это число инспекций для проверки соблюдения соглашения и структура, состав контрольного органа. И уже с жаром: Контроль, предлагаемый Западом, мы не примем. Контрольным органом должна руководить тройка (представители Варшавского Договора, Запада и нейтральных стран), а число инспекций должно быть не больше трех. После чего еще больше ужесточил советскую позицию, увязав прекращение ядерных испытаний с всеобщим и полным разоружением, заявив, что *мы будем готовы принять американские предложения по контролю, в том числе и за испытаниями ядерного оружия, если вы примете наши предложения о всеобщем и полном разоружении.* И стал настаивать на преимуществах такой увязки.

А Кеннеди вяло спорил, ничего конкретно не предлагал, хотя американская делегация в Женеве обозначила возможность серьезных шагов навстречу нашей позиции по запрещению испытаний ядерного оружия. Его главный аргумент в этой дискуссии сводился к тому, что прекращение ядерных испытаний станет важным препятствием к распространению ядерного оружия. Поэтому переговоры в Женеве должны продолжаться, а там посмотрим. Другим его аргументом была необходимость сохранения баланса сил, но при этом он ни словом не обмолвился, что США во много раз превосходят СССР в количестве ракетно-ядерных вооружений. Хотя, судя по рассекреченным сегодня документам, он хорошо знал об этом из донесений шпиона Олега Пеньковского. Более того, признав, что между блоком СССР–Китай и Западом существует баланс сил, он, по сути дела, подыграл бахвальству Хрущева, который говорил, что ракеты мы делаем, как сосиски, надеясь этим запугать Запад.

Потом перешли к германским делам, и здесь опять солировал Хрущев. Начал он с того, что подтвердил свои прежние заявления о необходимости заключения мирного договора с двумя германскими государст-

вами и тогда Западный Берлин должен получить статус «вольного города». Для обеспечения такого статуса там могут быть размещены символические контингенты войск СССР, США, Англии и Франции или же нейтральных государств. Если Запад откажется от заключения такого договора, то Советский Союз сам подпишет мирный договор с ГДР, и тогда прежние соглашения о доступе в Западный Берлин по воздушным и наземным коридорам станут недействительными. Причем сделает он это не позднее декабря 1961 года.

На вопрос Кеннеди, означает ли это, что в случае подписания Московской мирного договора с ГДР доступ в Западный Берлин западным державам будет прегражден, Хрущев дал прямой ответ: «Вы правильно поняли, господин президент». Но тут же приоткрыл дверь к возможности компромисса, сказав, что ГДР готова гарантировать доступ в Западный Берлин, но договариваться об этом Западу придется непосредственно с ее правительством. Однако Кеннеди стал долго говорить, что если США позволят выгнать себя из Западного Берлина, лишившись завоеванных и договорно оформленных ими прав, то все обязательства США перед другими странами «превратятся в пустой клочок бумаги. Никто больше не будет верить США, что приведет их к политической изоляции».

Усмотрев в этом намек на готовность начать войну из-за Западного Берлина, Хрущев взорвался: «Если вы развяжете войну из-за Берлина, то уж лучше пусть сейчас будет война, чем потом, когда появятся более страшные виды оружия». И подтвердил: решение Советского Союза подписать мирный договор с ГДР со всеми вытекающими из этого последствиями бесповоротно, и никакие угрозы нас не остановят. «Мы войны не хотим, но если вы ее навяжете, то она будет». «Да, кажется, холодная зима будет в этом году», – сказал в заключение этой их встречи в Вене президент Кеннеди. Так оно и случилось. Причем не только зима, но и следующий 1962 год.

* * *

Хрущев, как вспоминает его помощник Трояновский, вернулся в Москву с «тяжелым сердцем». Неуверенность, колебания, отсутствие четкой политической линии поведения у Кеннеди в Вене развязали руки Хрущеву и его окружению. Более того, они разбудили в них жестокие инстинкты первобытного человека при виде загнанного в ловушку зверя. Подыгрывая этим настроениям, наш посол в США М.А.Меньшиков, хорошо ориентировавшийся в сложных хитросплетениях кремлевской политики, писал, например, 11 июля о своей встрече с братом президента, Робертом Кеннеди, в ходе которой они сцепились по германскому

вопросу: «Поражает тупость, скудоумие, неспособность привести ни одного довода или аргумента в защиту своей позиции... И это правая рука президента. Думаю, что эти новые американские "вожди" петушатся, пока еще есть время. А когда дело будет ближе подходить к решительному моменту, то они первыми "наложат в штаны"». И это была не статья в «Литературной газете», а оценки, рекомендации советского посла в Вашингтоне.

Вот в такой обстановке в Кремле началось закрытое обсуждение вопроса, что делать, какой политический курс проводить в отношении этих слабеющих Соединенных Штатов. Продолжать жесткое словесное давление и ничего не предпринимать? Но это теперь продемонстрирует уже бессилие великой державы. Тогда что – предпринять практические меры, которые продемонстрируют решимость и силу СССР и слабость США? На том и сошлись. И в первую очередь, это необходимо в отношении заключения мирного договора с ГДР и Западного Берлина. Но не только. При чем делать это так, чтобы не спровоцировать войну.

Начали в Кремле с самого простого. 8 июля с подачи Министерства обороны, КГБ и отделов ЦК было объявлено об отмене решения о сокращении Вооруженных сил Советского Союза на 1 миллион 200 тысяч человек, которое с таким трудом пробивал Хрущев после своего возвращения из Кэмп-Дэвида. С его попытками хоть немного обуздать военно-промышленный комплекс и сократить военные расходы было покончено. Военный бюджет вырос на одну треть.

Кеннеди не заставил себя ждать. Трех недель не прошло, как Совет национальной безопасности объявил о повышении боеготовности вооруженных сил США. Шесть дивизий приготвились к броску в Европу. Военный бюджет увеличивался на 3,5 миллиарда долларов. Это был тот самый шаг, в котором нуждался Хрущев. Как раз в эти дни он готовил акцию в Берлине. Но совсем не ту, которую ожидали на Западе. Утром 14 августа там проснулись под грохот возводимой берлинской стены...

В общем, колесо этих событий неумолимо покатило к Карибскому кризису. Все они подробно и хорошо описаны в литературе последних лет. Кроме, может быть, одного.

* * *

Утром 4 июля 1961 года будущего американского шпиона Аркадия Шевченко и автора этих строк вызвали к А.А.Громыко:

– *Быстро! Одна нога здесь – другая там. Министр уже ждет.*

Помощник открыл отделанную под орех дверь, ведущую в несуразно длинный, как кишка, кабинет. В конце его стоял огромный громоздкий

стол, к которому был приставлен маленький столик под зеленым сукном и два кресла. Поэтому если приглашенных было более двух, то тем, кто чином пониже, приходилось бежать за стульями. Громыко пошевелил губами, оглядывая присутствующих, и невзрачным голосом сказал:

– *Вот, познакомьтесь*, – и передал «бумагу» на двух страницах.

Это была Записка в ЦК, подготовленная Минобороны и Минсредмашем, в которой излагалась необходимость проведения срочных испытаний боеголовок для новых межконтинентальных ракет Р-9 Королева и Р-16 Янгеля, а также мощной «европейской» ракеты Р-14, дальностью 4 500 км. Упоминалась необходимость испытаний ядерных боезарядов и для других ракет – крылатых и тактических. Неожиданно резанула глаз необычайная мощность – 30, 50 и 100 мегатонн. И краткий вывод в конце: отказ от их испытаний нанесет непоправимый ущерб безопасности Советского Союза. Внизу две подписи: Малиновский, Славский.

– *Вот это да*, – переглянулись мы между собой, – *американцам такое и не снилось! Прощай теперь договор о прекращении испытаний – уломали-таки военные Хрущева!*

В МИДе хорошо знали, что военные и ядерщики давно требуют проведения испытаний. Еще в марте генерал А.И.Устюменко, отвечавший в Минобороны за ядерные испытания и потому не раз выезжавший на женевские переговоры, сказал своим мидовским коллегам:

– *Вы, ребята, поаккуратней с этой борьбой за мир. Мы на Новой Земле уже полигон готовим – рвать будем.*

Хороший был человек Устюменко. Но ему тогда не поверили: военный все-таки, со своего угла узко на большую политику смотрит. Но теперь и Громыко подтверждает:

– *Никита Сергеевич дал указание подготовить Записку в ЦК о проведении испытаний ядерного оружия.*

– *А как быть с мораторием? Ведь мы его добивались, и два года американцы и англичане взрывов не проводят*, – спросил Шевченко.

– *Не будьте наивным ребенком, Шевченко. Идите и пишите Записку в ЦК.*

Задание казалось простым, хотя и неприятным. Собственно говоря, надо было написать три документа:

– Записку в ЦК КПСС с изложением причин, побудивших Советский Союз начать испытания;

– Постановление ЦК КПСС, которое одобряло бы соображения, изложенные в Записке, и поручало Минобороны и Минсредмашу подготовить и провести ядерные взрывы;

– Заявление Советского правительства, объяснявшее народам мира эту советскую акцию.

Самыми трудными были первый и третий документы. Но мы решили не мудрствовать лукаво, а при написании Записки в ЦК взять за основу «бумагу» двух министров – Славского и Малиновского, тем более что ее одобрил сам Хрущев. Бумага эта была у нас под рукой, ее сократили немного, убрав конкретику, но подчеркнули, что в Советском Союзе разработаны новые эффективные виды ядерного оружия, которые требуют срочной проверки. Далее шла хвалебная характеристика этому оружию и делался вывод, что в интересах обеспечения безопасности Советского Союза надо возобновить ядерные взрывы. Реакция Запада на это нарушение моратория будет, естественно, негативной, и, очевидно, в ответ они также проведут испытания.

Через пару–тройку часов проекты всех трех документов были на столе у министра. Только-только вернулись творцы этой злополучной «бумаги» в свою любимую 1001-ю комнату в МИДе на Смоленской площади и стали рассказывать раскрывшим от изумления рта товарищам о грядущих переменах – ну, полчаса не прошло, – как затрезвонили разом оба телефона в комнате. Это были помощники Громыко:

– *Авторов – на ковер!* – И вполголоса добавлялось: *Очень сердится.*

Громыко действительно рассвирепел. Редко можно было видеть его в таком состоянии. Он стоял посередине кабинета с красным, перекошенным презрительной гримасой лицом и размахивал над головой подготовленным документом.

– *Вы чем думали, – кричал он, – когда писали вот это! Вы воображаете, что вы тут понаписали? Простых вещей не понимаете? Ведь это же ист-о-ри-чес-кий документ! Пройдет 30 лет. Откроют архив. Туда придут историки. И что они прочтут? Что Советский Союз был инициатором гонки вооружений? Что он нарушил мораторий и первым начал ядерные испытания? Это вы хотите сказать, недоумки несчастные?*

Дипломаты молча стояли, понуриив головы. А Громыко продолжал бושевать:

– *Вы что, не умеете простой Записки в ЦК написать? Дожили! В Африке вам даже работу третьего секретаря доверить нельзя. Пишите!*

По информации, полученной из достоверных источников, – начал диктовать он, – американские империалисты тайно готовятся к проведению мощной серии ядерных испытаний с целью отработки и создания новых современных систем оружия массового уничтожения. Подчеркните, что милитаристские круги США давно уже носятся с идеей создания нейтронной бомбы. А на женевских переговорах хотят выторговать для себя право проводить ядерные взрывы под землей.

Еще лучше, – немного подумав, продолжал он, – начать с общей оценки международной обстановки. Скажем, так: народы мира являются сейчас свидетелями возрастающей агрессивности политики США, которые вовсю раскручивают маховик своей военной машины. Дело дошло до того, что они прибегают к угрозам развязать войну в ответ на заключение мирного договора с Германией. Такой заход нужен. Их эквилибристику на женевских переговорах поподробнее расписать. А потом уже сказать: перед лицом этих фактов Советское правительство считает себя обязанным принять необходимые меры, чтобы Советский Союз был в полной готовности обезвредить любого агрессора, если бы он попытался совершить нападение.

Вот так надо писать. Идите и работайте.

Тут надо бы добавить, что записывать за Андреем Андреевичем приходилось слово в слово. Память у него была цепкая, и не дай Бог, чего упустить – полетят головы.

Через день, 6 июля, министру были направлены полностью переработанные в соответствии с его задиктовкой проекты Записки в ЦК и Декларации Советского правительства. Там все еще оставалась фраза, что в Советском Союзе разработан ряд новых ядерных устройств, которые требуют практической проверки. Такая проверка должна быть проведена безотлагательно. Громыко чуть-чуть подправил документы, «порисовал», как он любил говорить, и отправил «заинтересованным ведомствам» – в Министерство обороны и Министерство среднего машиностроения. Там они надолго застряли.

* * *

А тем временем Хрущев собрал в Кремле совещание ученых-ядерщиков, военных, работников ЦК и ВПК, чтобы обсудить с ними решение начать ядерные взрывы. «Тайная вечеря», как его назвал академик Е.К.Федоров.

К этому времени логика противостояния уже привела Хрущева к принятию такого решения. Но ему была нужна поддержка ученых из ядерных центров. И он был в ней уверен. Тем более что взгляды их к тому времени существенно изменились. Если в 1958 году они довольно дружно выступали за прекращение ядерных взрывов, то два года спустя слышнее стали голоса тех, кто требовал возобновить ядерные испытания. Лейтмотив был узкопрофессиональным: время уходит, а с ним устаревают разработанные ими образцы нового оружия. Сами ученые и их труды становятся никому не нужными.

Поэтому заявление Хрущева о начале испытаний возражений не встретило. Наоборот, все выступавшие говорили о новом мудром шаге

советского руководства. Только академик Сахаров прислал в Президиум неприятную записку:

Товарищу Н.С.Хрущеву

Я убежден, что возобновление испытаний сейчас нецелесообразно с точки зрения сравнительного усиления СССР и США. Сейчас после наших спутников они могут воспользоваться испытаниями для того, чтобы их изделия соответствовали бы более высоким требованиям. Они раньше нас недооценивали, а мы исходили из реальной ситуации. Не считаете ли Вы, что возобновление испытаний нанесет трудно исправимый ущерб переговорам о прекращении испытаний, всему делу разоружения и обеспечения мира во всем мире?

А.Сахаров.

Никита Сергеевич прочел эту записку, сложил вчетверо и, бросив на Сахарова неприязненный взгляд, засунул в карман костюма. Когда закончились выступления, он встал, поблагодарил всех выступавших, а потом сказал:

– Теперь все мы можем отдохнуть, а через час приглашаю от имени Президиума и ЦК наших дорогих гостей отобедать. В соседнем зале нам пока готовят, что надо.

Через час ученые вошли в зал, где был накрыт большой парадный стол человек на шестьдесят – с вином, минеральной водой, салатами и икрой. Члены Президиума вошли в зал последними. После того, как ученые расселись по указанным заранее местам, Хрущев выждал, когда все затихли, и взял в руку бокал с вином, собираясь произнести тост. Но тут же поставил бокал и стал говорить о записке Сахарова – сначала спокойно, а потом все более и более возбужденно. Временами даже срывался на крик.

– Я получил записку от академика Сахарова – вот она. Сахаров пишет, что испытания нам не нужны. Но вот у меня справка, сколько взрывов сделали мы и сколько американцы. Неужели Сахаров может нам доказать, что, проведя меньше испытаний, мы получили больше ценных сведений, чем американцы? Что, они глупее нас?

Но Сахаров идет дальше. От техники он переходит к политике. Тут он лезет не в свое дело. Так что предоставьте нам, волей и неволей специалистам в этом деле, делать политику, а вы делаете и испытывайте свои бомбы. Тут мы вам мешать не будем, а даже поможем. Но вы должны понять, что мы просто обязаны вести политику с позиции силы. Мы не говорим этого вслух, но это так! Другой политики, другого языка наши противники не понимают. Я был бы последний слюнтяй, а не Председатель Совета Министров, если бы слушал таких, как Сахаров!

Этот монолог продолжался около получаса. Но на самой резкой ноте Хрущев оборвал себя, сказав:

– *Может быть, на сегодня хватит. Давайте же выпьем за наши будущие успехи. Я бы выпил и за ваше, дорогие товарищи, здоровье. Жаль только, врачи мне ничего, кроме боржома, не разрешают⁶.*

Все выпили.

* * *

Только 27 июля Министерство среднего машиностроения вернуло, наконец, «бумагу» обратно в МИД вместе со своими замечаниями. Как ни странно, поправок было немного и все не по существу, а так, больше по стилю. Но вот все ссылки на необходимость испытаний новых образцов ядерного оружия в Советском Союзе были полностью сняты.

Теперь дело стало за военными. Правка у них была небольшая. Наконец, 5 августа – месяц спустя после первого хрущевского импульса – в ЦК ушла Записка за подписью Громыко, заместителя министра среднего машиностроения Чурина и заместителя министра обороны Гречко. Что задержало ее? Ведь указание шло от самого Хрущева. Прошел слух, что некоторые ученые все же обратились в ЦК с просьбой не возобновлять испытаний. Но В.С.Емельянов, председатель Комитета по использованию ядерной энергии, просто пожал плечами:

– *Ходил Юлий Борисович Харитон к Брежневу. Говорил что-то не связанное. Но ведь Брежнев таких вопросов не решает, да и не может решить. Просто мы со Средмашем готовили под это Постановление ЦК развернутое Постановление Совмина, кому что делать конкретно. А Вы не волнуйтесь, изделия на полигоне у нас уже готовы к испытаниям. Мы времени не теряли и начали работу сразу же после возвращения Никиты Сергеевича из Нью-Йорка, еще в прошлом году.*

– *А он знал об этом?*

– *Конечно, знал. Малиновский и Славский ему еще тогда докладывали.*

– *А Громыко знал?*

– *Вот это мне неизвестно⁷.*

Злополучная «бумага» легла, наконец, на стол Хрущеву. Помощники, видимо, ждали ее, а потому не отложили, не поставили в очередь, а сразу доложили. Никита Сергеевич сидел у себя в кремлевском кабинете, развалясь в кресле, а помощники читали ему вслух творение трех министров. Текст ему явно не понравился, и он сразу же стал делать замечания. И, как обычно, все больше распалялся:

⁶ *Беседы автора с Е.К.Федоровым и В.С.Емельяновым; Воспоминания А.Д.Сахарова // Знамя. 1990. №12. С.60–71.*

⁷ *Беседа автора с В.С.Емельяновым.*

– *А вообще все по-семинарски написано, неудачно. Это язык бурсы. Мы не ноту для канцелярских крыс пишем, а обращение к народам мира.*

И стал заново диктовать весь текст. Получилась огромная задиктовка на 19-ти страницах. Новых мыслей там не появилось, а вот ругательства и колкостей добавилось изрядно.

Пришлось все начинать сызнова. Опять в 1001-й комнате сели переводить задиктовку на нормальный человеческий язык. Потом она легла на стол заведующему отделом К.В.Новикову, от него – к Громыко, от Громыко – к Славскому и Малиновскому.

Только 16 августа Андрей Андреевич направил в ЦК следующую Записку:

ЦК КПСС

В соответствии с поручением МИД СССР представляет проект Заявления Советского правительства по вопросу об испытаниях ядерного оружия. Заявление подготовлено на основании текста задиктовки Н.С.Хрущева.

А.Громыко

Но и новый проект Заявления вызвал замечания Хрущева. Поэтому 19 августа Громыко представил в ЦК еще один, и на этот раз уже окончательный, текст. Он был принят Президиумом без обсуждения 23 августа 1961 года. В нем содержался новый пункт: «Опубликовать в печати за 1–2 дня перед проведением испытаний». Заявление советского правительства было опубликовано 31 августа 1961 года.

* * *

А что американцы? В феврале Объединенная группа начальников штабов предложила начать испытания, если в ближайшие 60 дней на переговорах в Женеве не будет достигнут прогресс. В пользу возобновления испытаний выступали Комиссия по атомной энергии, влиятельные силы в Конгрессе, да и в общественном мнении произошел определенный поворот в сторону ужесточения политики.

Тем не менее молодой президент довольно ловко противостоял этому давлению. Чтобы успокоить критиков, он образовал специальную рабочую группу из 11 ведущих американских ученых во главе с В.Пановски для того, чтобы заново рассмотреть технические вопросы, относящиеся к обнаружению подземных взрывов. Они должны были ответить на такой каверзный вопрос: может ли Советский Союз, пользуясь мораторием, тайно проводить ядерные испытания?

Группа завершила работу только к началу августа. Разумеется, за это время никаких решений относительно возобновления испытаний ядер-

ного оружия не принималось. Равно как и не проводилось какой-либо подготовки к их проведению. Между тем ученые так и не смогли четко ответить на поставленные вопросы. Существовала все та же фатальная неопределенность: теоретически, считали они, Советский Союз может тайно проводить ядерные взрывы во время моратория. Но вот проводил он их или нет, они сказать не могли.

В Вашингтоне начались были дебаты – начать или нет испытания. Но Кеннеди погасил их, заявив, что сейчас не время проводить взрывы, так как начинается Генеральная Ассамблея ООН, и лучше вернуться к этому вопросу поздней осенью. Тогда Комитет по атомной энергии, возможно, объявит о готовности к проведению ядерных испытаний на случай чрезвычайных обстоятельств, что, разумеется, не будет означать, что США решили возобновить испытания.

Это было в середине августа 1961 года. До возобновления испытаний Советским Союзом оставалось две недели. Но в Вашингтоне, очевидно, даже не подозревали об этом, хотя специальный помощник президента США по вопросам разоружения Маклой сигнализировал из Москвы в конце июля: Хрущев сказал ему в Пицунде, что ученые и военные требуют от него провести испытание 100-мегатонной бомбы... В Вашингтоне этому сообщению не придали значения – опять Хрущев блефует.

* * *

Первый взрыв не заставил себя ждать. 1 сентября небо над Семипалатинским полигоном прорезал неземной, ослепительно белый свет. Это была взорвана боеголовка для новой межконтинентальной ракеты Янгеля Р-16. Через несколько секунд гигантский огненный шар стал медленно подниматься над пустыней, меняя цвет и сплющиваясь под воздействием отраженной от земли ударной волны. Как гигантская воронка, он начал всасывать в себя воздух и землю, превращаясь в хорошо известный зловещий гриб. На это зрелище ушло примерно 40 секунд. Потом все, кто наблюдал за взрывом, бросились в окоп, чтобы успеть укрыться от приближающейся мощной ударной волны. Вот как рассказывал об этом один из участников этого испытания В.С.Анкин:

«Жуть вызывает все: и ударная волна страшной разрушительной силы, и гул, и свечение. Подъезжаешь к эпицентру, а там все горит, земля в трещинах шириной до метра, иной раз страшно перепрыгивать. Почва оплавлена с пузырьками кипения, как пемза. Специально

⁸ Glenn T. Seaborg. *Kennedy, Khrushchev and the Test Ben.* University of California Press, 1981. P.36, 64–66, 74–75; *New York Times.* 01.08.1961.

установленные для изучения воздействия взрыва бетонные надолбы "текут", как мороженое в жаркий день. А вокруг – тысячи трупов зверьков, змей, ящериц. Как, оказывается, богата обитателями даже голая степь!»

Но это было только началом. С сентября по декабрь 1961 года в Советском Союзе было взорвано больше атомных и водородных бомб, чем за все предыдущие годы. И гвоздем программы стал обещанный Хрущевым подарок: взрыв 50-мегатонной бомбы – самой мощной и грозной бомбы, когда-либо произведенной человеком.

«Мощного», как называли его творцы, среди которых был и А.Д.Сахаров, собирали в Арзамасе-16 в специальном помещении, прямо на железнодорожной платформе. Был он огромен и неуклюж, размером с троллейбус. Поэтому все было для него особенное: и помещение, и железнодорожный вагон, и поезд. Через несколько дней стены этого помещения разобрали, и специальный поезд повез бомбу на аэродром. Каких только прозвищ ей не надавали. Арзамасские остроловы окрестили ее «Кузькиной матерью» в память жаркого спора между Хрущевым и Никсоном в Сокольниках. Военные называли ее «пол-Иваном», намекая, очевидно, что целый Иван – это 100-мегатонная бомба. Ну, а ученые-интеллигенты с горькой иронией приговаривали: «Политическая ты наша...». Ведь межконтинентальной ракеты, способной поднять в воздух подобного монстра, в Советском Союзе тогда не было. Значит, рвали просто так, чтобы поугадать белый свет.

Огромный Ту-95 ждал свою ношу в дальнем углу северного аэродрома. И самолет этот тоже был специальный. Не только корпус, но и лопасти его винтов были выкрашены ослепительной белой краской для отражения светового излучения при взрыве. А сверху маскировочные сети прикрывали его от глаз непрошенных гостей.

– *Ну прямо невеста под фатой*, – шутили ученые.

Но даже в огромное чрево ТУ-95 атомное чудовище не влезало. Бомбу прикрепили к корпусу самолета буквально «за уши». Теперь «невеста» была готова к вылету – самолет должен пересечь Баренцево море, взять курс на полигон Новая Земля и сбросить бомбу над ним. Рядом готовился к вылету другой белоснежный красавец, превращенный в исследовательскую лабораторию. «Свадьба» произошла 30 октября 1961 года. Новую Землю потом трясло еще трое суток. А самолет, несмотря на специальную белую окраску, сильно обгорел. Досталось и экипажу, хотя все летчики остались живы и получили награды⁹.

Когда подсчитали, оказалось, что мощность взрыва равнялась 57 мегатоннам. Однако американский физик Ганс Бете, проанализировав

⁹ *Красная Звезда. 1991. 22 июня; Воспоминания А.Д.Сахарова. С.74.*

продукты распада, пришел к выводу, что, если бы расщепляющийся материал был помещен в свинцовый или урановый контейнер, мощность взрыва достигла бы 100 мегатонн¹⁰.

На следующий день, закрывая XXII съезд КПСС, Никита Сергеевич произнес свои знаменитые слова: «Наши цели ясны. Задачи определены. За работу, товарищи! За победу коммунизма!»

* * *

Все, что было потом, хорошо известно. Карибский кризис. Руки на ядерных кнопках, Москва и Вашингтон, застывшие от ужаса, оказавшиеся на самом краю бездны ядерного уничтожения.

Потом стремительный бросок назад от этой бездны. И вперед – навстречу друг другу. Лихорадочная установка линии «горячей связи» между Кремлем и Белым Домом, заключение Договора о запрещении ядерных испытаний и начало переговоров о нераспространении ядерного оружия. Больше сделать тогда не успели. Кеннеди был убит выстрелами в Далласе. А год спустя Хрущев отстранен от власти и отправлен на пенсию. Россия погрузилась в топкое болото застоя и пребывала в этом состоянии почти двадцать лет. Потом наступила эра перестройки Горбачева. Собственно говоря, он начал с того самого места, где был остановлен Хрущев в апреле 1960 года. Как и Хрущев, он хотел лишь отремонтировать пришедшее в упадок здание советской системы, не меняя и не разрушая ее. Только проводил Михаил Сергеевич свои преобразования с доброй улыбкой на лице, а не стуча ботинком по столу, как Хрущев.

А если бы Хрущев не был остановлен в тот роковой день 7 апреля в Ореховой комнате Кремля, где собрались старцы из Президиума? Могла ли перестройка начаться раньше – скажем, где-нибудь в середине 60-х годов – и где мы были бы сейчас?

История не знает сослагательного наклонения, хотя едва ли Советский Союз и его народ были тогда готовы к этому. Сам Хрущев очень ясно выразился на этот счет в своих воспоминаниях: «Мы были напуганы, действительно напуганы. Мы боялись, что оттепель вызовет наводнение, которое не будем в состоянии контролировать и которое смоет, затопит нас. Как оно сможет затопить нас? Оно выйдет из берегов советской реки и образует приливную волну, которая смоет все барьеры и подпорные стены нашего общества»¹¹.

¹⁰ Hans Bete speech at the Cornell University on January 5, 1962 // *Congress Records* (1962). P.1397–1399.

¹¹ *Khrushchev Remembers. The Last Testament / Translated and Edited by Strobe Telbott. Little,*

В общем, то, что и случилось 30 лет спустя. Нужно было пройти опустошительные десятилетия конфронтации и застоя, чтобы понять: так дальше жить нельзя.

* * *

Много лет спустя мы бродили по лесам вдоль бесчисленных озер в окрестностях Стокгольма с профессором Корнельского университета Недом Лебоу и обсуждали события того далекого времени. Много загадок таит оно. И непонятен, алогичен весь ход стремительной, противоречивой истории тех лет.

– *А что, если*, – предположил Нед Лебоу, – *Кеннеди и Хрущев на самом деле сговорились в Вене тайно от всех, даже от своих самых близких советников? Ведь есть же у Вас в советском посольстве в Вене какой-нибудь «двор»?*

– *Есть*, – ответил я, вспоминая маленький дворик, прилегающий к узорчатой православной церкви на Резнерштрассе.

– Ну вот, пошли они погулять по этому дворику вдвоем и стали жаловаться друг другу, мол, жизни нет от военно-промышленного комплекса. Мы бы рады договориться о разоружении, но не позволяют военные, ни ваши, ни наши. Как бы их обуздать? И договорились. Давай, устроим кризис, да такой, чтобы весь мир ахнул от ужаса и заткнул военным глотки. Ты, Никита, размещаешь вроде бы тайно от меня ракеты на Кубе. Я узнаю об этом и объявляю, что готов нанести по ним удар. Ты отвечаешь готовностью начать ядерную войну. Но оба мы знаем, что это лишь розыгрыш. Мы доводим дело до критической точки, понимая, что ни ты, ни я не переходим через грань, за которой уже настоящая война. Весь мир в ужасе. Народы рыдают. Но мы в последнюю минуту находим разумный выход: ты убираешь ракеты с Кубы, а я – из Турции. Все ликуют, военным заткнули рот, и мы начнем вместе возводить основание для наших новых отношений без угроз и без оружия.

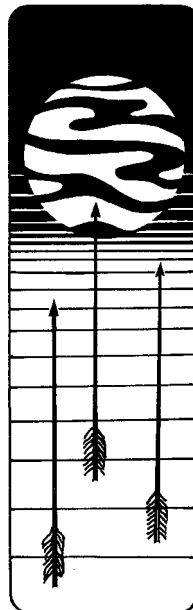
– *Так оно все и произошло*, – фантазировал Нед, глядя на низко пролетающих лебедей над озером Меларен. *Только через год военные расчухались. Кеннеди был убит в Далласе. А Хрущев отстранен от власти. Вот теперь все концы с концами сходятся.*

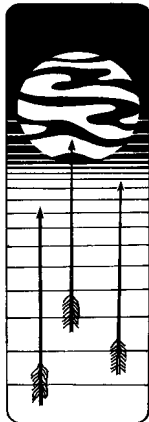
Мы с Недом дружно рассмеялись. Красивая получилась история. Ну, чем не сюжет для детективного или фантастического романа? Только в истории на самом деле далеко не все так просто и ясно.

Зло изменчиво и предстает в разных обликах, чтобы о нем думали как о чем-то ином, а на самом деле оказалось бы, что оно не таково; его ведение, то есть исследование опытом, становится истоками и причиной смерти и тления. Вот почему змей заманивает плодом греха как видимостью, но не открывает его явной вредоносности: иначе человек не попал бы в сети очевидного зла. Иными словами, змей выступал под личиной ... достойной доверия.

Таким образом, вот что такое это смешанное плодоношение, в соответствии с понятным объяснением смысла слова. Не случайно древо то названо древом познания добра и зла: являясь медом, который отравлен злом, приносящим вред, оно выступает под видом добра, поскольку внешне приятно, но в конце концов оказывается самым настоящим злом, ибо истлевает всякого, кто к нему прикасается.

Григорий Нисский

ТОЛКОВАЯ ПАЛЕЯ. ЛЕГЕНДА О ПАДЕНИИ САТАНАИЛА

УДК
130.2

In article one of the challenges in the history of philosophy and divinity – a problem of occurrence and evil existence is investigated. On a considerable quantity example Slavic medieval texts it is shown, how the problem of occurrence of evil in the world dared. The great attention is given Palee Sensible and a legend about falling of Satanail thanks to which representations of our Ancient Russian ancestors about the evil nature were formed. In conformity with tradition Ancient Russian scribes interpreted evil as «non-existence» which did not enter into a plan of the Creator about the world. On concrete texts it is shown that angrily it is not involved in an order of things that it not independent ontologic essence, and result of distortion of life and the spiritual conditions of people connected with it. Malicious and the sin which has come with it in monuments of Ancient Russian writing are considered as «illness» of free will which owing to a human nature is inclined to accept its phantom for good. Are reconstructed based on bible postulates dogma installations according to which evil is considered as a reality only in consequences strong-willed actions of the created subjects which contrary to a divine plan and give existence to evil in the world.

Ключевые слова: древнерусские памятники письменности; Палея Толковая; легенда о падении Сатанаила; добро; зло; первоуродный грех; дьявол; личность; гармония; искаженный универсум.

Key words: Good; Evil; the Fall of man; the legend about falling of Satanail; the Devil; Evilony; Finiteness; the Universum; the Person; the Reality; Substance.

E-mail: staropomor@yandex.ru

Источники древнерусской письменности о природе зла

Проблема добра и зла относится к чрезвычайно сложным аспектам любой религиозно-философской традиции. Мыслители разных эпох неодинаково отвечали на вопросы:

что такое добро и зло, каковы критерии их различения? Откуда берут начало истоки происхождения добра и зла? Как связаны добро и зло с мировоззрением и поведением человека?

Различение добра и зла относится к «вечным» проблемам. В рамках конкретной религиозной доктрины оно детерминировано определенными вероучительными положениями. Внесли свою лепту в разработку представлений о природе зла и древнерусские книжники.

Как понимали средневековые книжники «зло»? Последнее фигурировало у них в двух видах: метафизическое зло, проявляющееся как несовершенство ноуменального и пространственно-временного континуума, и физическое зло, обнаруживающееся в изменении вещественных субстанций¹.

Обращение к конкретным источникам отечественной средневековой письменности, использующим понятие «зло» и воспроизводящим рассуждения на эту тему, показывает, с одной стороны, многозначность и многомерность этого понятия, а с другой, – крайнюю важность его для уяснения глубинных особенностей основ самой древнерусской культуры. Древняя Русь являлась частью православного мира, поэтому и проблема происхождения зла решалась в общеправославном аспекте, с учетом пришедших на Русь переводов библейских текстов. Данная особенность идейно-религиозной жизни Древней Руси позволяет отнести общие для стран православного региона представления о зле к изначальным и архетипическим понятиям культуры средневековой эпохи. В качестве одного из базовых сегментов средневекового религиозного мировоззрения представления о природе зла позволяют раскрыть основы понимания человеком того времени своего бытийственного статуса.

Объяснение причин наличия зла в мире дается в самых разнообразных произведениях, но в первую очередь в славяно-русских переводах библейских текстов и в переводной экзегезе на их основе. Появление славяноязычных библейских книг связано с переводческой деятельностью Кирилла и Мефодия во второй половине IX в. Оригиналом для них

¹ Young F. *Insight or Incoherence? The Greek Fathers on God and Evil*. N.Y., 1973. P.113.

послужили бытовавшие в Византии в IX веке греческие списки Библии². С конца X в. разрозненные славянские списки библейских книг стали попадать из Болгарии на Русь, и уже в XI столетии восточным славянам стали известны южнославянские библейские переводы. Язык этих текстов принято называть церковнославянским³. По своему функциональному использованию библейские рукописи делились на служебные, четьи и толковые⁴. При этом разные функциональные типы рукописей имели разное происхождение и разную историю их бытования на Руси. Назначение служебного типа – применение в церковном богослужении. Первые переводы Кирилла и Мефодия, охватили именно этот тип библейских книг, к нему относятся древнейшие славянские списки⁵. Особенность их состоит в том, что тексты расположены в богослужебных книгах в виде отрывков («зачал») объемом от нескольких стихов до нескольких десятков стихов и в том порядке, как они читаются в церкви за богослужением.

На основе переводных произведений появлялись и самобытные древнерусские библейские подборки и компиляции, например Палея Толковая и общеславянский Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского. Именно в их интерпретации религиозно-философские представления о природе зла в средневековой Руси были во многом оригинальны. Однако нельзя забывать о том, что древнерусские представления о природе зла можно рассматривать и в общемировом, универсальном контексте⁶.

Несмотря на широкое распространение библейских текстов в древнерусской книжности, важно учесть следующий момент. Библейские книги Ветхого Завета в своем полном составе не были распространены в Древней Руси, по крайней мере, до конца XV века. В 1499 году появилась так называемая Геннадьевская Библия – полный свод библейских книг Ветхого и Нового Заветов, ставший затем основой печатных изда-

² Горский А.В. *О свв. Кирилле и Мефодии* // *Москвитянин*. 1843. Ч.6. С.405–434.

³ *Невоструев К.И. Записка о переводе Евангелия на славянский язык, сделанном св. Кириллом и Мефодием* // *Кирилло-Мефодиевский сборник*. М., 1865. С.209–234.

⁴ *Юнгеров П.А. Общее историко-критическое введение в священные ветхозаветные книги*. Казань, 1910. С.45–46.

⁵ *Михайлов А.В. К вопросу о литературном наследии свв. Кирилла и Мефодия в глаголических хорватских миссалах и бревиариях. Из истории Древнеславянского перевода книги Бытия пророка Моисея*. Варшава, 1904. С.37–38.

⁶ *Абрамов А.И. К вопросу о месте философии в средневековой письменности Киевской Руси* // *Становление философской мысли в Киевской Руси*. М., 1984. С.44–45.

ний Библии на восточнославянских землях⁷. На основании «геннадьевского» текста появилась знаменитая Острожская Библия, созданная первопечатником Иваном Федоровым в 1581 году⁸.

До этого момента для средневекового русского человека ветхозаветные книги заменялись книгой, которая вместе с библейскими текстами приняла в свой состав множество библейских сказаний и называлась Толковой Палеей⁹, где в возвышенных символично-поэтических формах излагались древние христианские бытийственные представления¹⁰. Эта книга для древнерусских людей заменяла Священное Писание, была как бы кратким и выборочным изложением библейских основоположений и не отличалась предками от Библии. Последняя часто называлась Палеей. Само слово «Палея» происходит от греческого «палеос», что обозначало «Ветхий»¹¹.

Древнейший список Палеи сохранился от XIV столетия, но само появление этого уникального памятника относится, возможно, к XII в.¹² Целые столетия Толковая Палея сохраняла свой непререкаемый авторитет и донесла его неприкосновенным до той эпохи, с которой начинается период новой русской истории, связанный с Расколом Русской Церк-

⁷ Евсеев И.Е. *Геннадиевская Библия 1499 г. М., 1914. С.115–116.*

⁸ Немировский Е.Л. *Острожская Библия // Федоровские чтения. 2005. М., 2005. С.95.*

⁹ Успенский В.М. *Толковая Палея. Казань, 1876. С.31–32.*

¹⁰ Михайлов А.В. *К вопросу о тексте книги Бытия пророка Моисея в Толковой Палее // Варшавские университетские известия. Варшава, 1895. №9. С.1–35; 1896. №1. С.1–23.*

¹¹ Жданов И.Н. *Палея // Киевские университетские известия. Киев, 1881. №9. С.235–258.*

¹² *В настоящее время известно более 15 списков Толковой Палеи. Старшие из них: Российская Национальная Библиотека. Отдел Рукописей (далее – РНБ. ОР). Собр. ПДА. А.1.119 (XIV в.; фрагмент его находится в: Российский государственный архив древних актов /далее – РГАДА/. Ф. Синодальная типография. №53); Российская государственная библиотека. Научно-исследовательский отдел рукописей (далее – РГБ. НИОР). Фонд Костромской библиотеки. №320 (конец XIV – начало XV в.); Там же. Собрание Троице-Сергиевой лавры. №38 (1406 г.).*

Издания: Палея Толковая по списку ГИМ. Барс. №620 (XV в.) // Философские и богословские идеи в памятниках древнерусской мысли. М., 2000. С.114–204; Палея Толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. Труд учеников Н.С.Тихонравова. М., 1892–1896. Вып.1–2; Палея Толковая. М., 2002; «Палея Толковая» и проблематика космологического характера // Космологические произведения в книжности Древней Руси. СПб., 2009. Ч.2. С.158–369; Тихонравов Н.С. Памятники отреченной русской литературы // Памятники отреченной русской литературы. М., 1863. Т.1. С.259–272 (отрывки).

ви и реформами Петра I. Еще в конце XVII в. протопоп Аввакум ссылался на Толковую Палею, как на Священное Писание¹³.

Палея Толковая – компилятивный труд, принадлежащий к жанру полемической богословской экзегезы. В ней рассматриваются различные аспекты бытия мира и человека. Тематически памятник составлен из толкований на бытийные и исторические разделы ветхозаветной, части Библии, в которых акцентируются проблемы философско-мировоззренческого характера¹⁴. Философская проблематика в Палее Толковой, как и вообще в христианской экзегезе, присутствует имплицитно, будучи синкретически слитой с теологической и теодицеейной проблематикой¹⁵. В связи с этим небезынтересно будет привести краткое содержание Толковой Палеи¹⁶, которая служит важнейшим источником сведе-

¹³ Михайлов А.В. *Общий обзор состава, редакций и литературных источников Толковой Палеи // Варшавские университетские известия. Варшава. 1895. №7. С.1–21.*

¹⁴ Мильков В.В. *Палея Толковая и ее религиозно-философские особенности (о расширении проблемного поля памятника в свете традиции его изучения) // Судьба России в современной историографии. Сборник научных статей памяти доктора исторических наук профессора А.Г.Кузьмина. М., 2006. С.502–514.*

¹⁵ Пустарнаков В.Ф. *Зарождение и развитие философской мысли в пределах религиозной формы общественного сознания эпохи Киевской Руси // Отечественная мысль эпохи средневековья. Киев, 1988. С.41.*

¹⁶ Оно таково: рассказ о сотворении мира (С.1–92), основанный, в частности, на Шестодневие Иоанна экзарха Болгарского и Севериана Гевальского, в составе которого апокрифический рассказ о Сатанаиле (С.73–78) и описание реальных и фантастических существ – птицы алконоста, ехинии, мурены, феникса и др. (С.81–87). Рассказ о сотворении человека (С.90–123), включающий описание устройства человеческого организма (С.114–123), история Адама и Евы и их грехопадения (С.123–163), с вкраплением «естественнонаучного» экскурса о природе огня и атмосферы (С.131–138). Затем следует рассказ о Каине и Авеле (С.163–195) с рассуждениями о соотношениях души и тела (С.177–184). После перечня потомков Адама (С.195–199) помещается рассказ о Ное и потопе (С.199–227), о разделении земли между его сыновьями, столпотворении и народах, заселивших землю после разделения языков (С.227–245). Далее обширное сказание об Аврааме, основанное на Библии, но с отдельными апокрифическими элементами (С.245–290), история Исаака и его сыновей (С.290–336) с рассказом о «лестнице», виденной Иаковом (С.306 и след.), история Иосифа (С.336–395). Затем в Толковой Палее читается обширная статья о заветах двенадцати патриархов (С.401–474). Очень подробно, с отдельными апокрифическими мотивами, излагается история Моисея и исхода евреев из Египта (С.475–648). Здесь же находится сказание о двенадцати камнях и их свойствах

ний о представлениях природы зла в Древней Руси. В состав Толковой Палеи целиком входит христианская легенда о падении Сатаны, являющаяся исходной основой всей древнерусской концепции появления зла в универсуме¹⁷.

О появлении зла повествуется в Шестодневах. На этих произведениях стоит остановиться более подробно. Первый из Шестодневов создан епископом Кессарии Каппадокийской Василием Великим. Все остальные Шестодневы так или иначе от него зависят¹⁸. Они были созданы знаменитыми церковными писателями на рубеже поздней античности и раннего средневековья и представляют собой синтез знаний о мире, выработанных классической наукой, и богословских положений, развитых церковью¹⁹.

Самым значительным из известных на Руси был Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского (вторая половина IX в. – первая треть X в.), одно из ранних оригинальных произведений славянской литературы²⁰. Иоанн экзарх Болгарский – болгарский писатель и переводчик следующего за Константином-Кириллом и Мефодием поколения. Его Шестоднев со-

(С.546–556). Далее следует пересказ библейских книг Иисуса Наввина (С.648–680), Судей (С.680–726), Руфь (С.726–734). Заключает палейное повествование изложение истории Саула и Давыда (С.737–814) и Соломона (С.814 и до конца). Страницы указаны по изданию Толковой Палеи 1406 г (Палея Толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г.).

¹⁷ Слово о возникновении мира. Сборник. РГАДА. Ф.181. №370/820 // Космологические произведения... Ч.2. С.415–426.

¹⁸ Горский А., Невоструев К. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1857. Отд.2. Ч.1. С.1–44.

¹⁹ Порфирьев И.Я. Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в Казанской духовной академии. Казань, 1881. Ч.1. С.101–126.

²⁰ Баранкова Г.С., Мильков В.В. Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского. СПб., 2001 (далее – Шестоднев. 2001). С.115; Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского как памятник средневекового философствования. М., 1991. С.43. – Древнейший сохранившийся список – сербский, 1263 года; старейшие русские списки относятся к XV веку. Издания: Баранкова Г.С., Мильков В.В. Указ. соч.; Соболевский А.И. Шестоднев Кирилла Философа // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. 1901. Т.6. Вып.2. С.177–202; Шестоднев, составленный Иоанном экзархом Болгарским // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1879. Кн.3; Шляпкин И.А. «Шестоднев» Георгия Пизиды в славяно-русском переводе 1385 года. СПб., 1882 (Памятники древней письменности и искусства. №3); Aitzetmüller R. Das Hexaemeron des Exarchen Johannes. Graz, 1958–1975. Vol.1–7.

стоит из пролога и шести слов и представляет собой перевод-компиляцию Шестоднева Василия Великого, Севериана Гавальского, различных сочинений Григория Богослова, Григория Нисского, Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина, Феодорита Кирского, а также Аристотеля, Парменида, Демокрита, Диогена, Фалеса, Платона и других «эллинических» философов²¹. Вышеуказанные книжные памятники Древней Руси дополняют и значительно расширяют библейское повествование, порой за счет апокрифических источников.

Древнерусская теодицейная парадигма

и делали древнерусские книжники), что зло не имеет отношения к замыслу творения и никак не связано (ни генетически, ни в качестве онтологической оппозиции) с Богом-Творцом:

«И Бъ бо благ сы зла не творит, не живот от бо смерит ржаает, ни тьма свету есть начало, ни язя сдравия не творить...»²²

Если обратиться к древнерусским палейным и «шестодневым» текстам, воспроизводящим или развивающим библейские установки, то можно сделать вывод (а именно его

«Ведь Бог, исполненный благодати, не творит зла. Ибо ни жизнь не рождает смерти, ни тьма является началом света, ни болезнь не приносит здоровья...»²³

Приведенные Богом из небытия в бытие духовная и материальная сферы выступали как нерасторжимое гармоничное единство, а не как противоположные сущности. Мир рассматривался во всей полноте и непротиворечивой цельности разумного и материального начала:

«Пятеро же образно есть се, или бо разумно есть, или словесно, или чувственно, или растушнее, или бездушное. Разумна же – якоже се о ангелах, от самех тех разум друг к другу съближаются, словесно же – якоже се о чловецех имени и словеси невидимая душная пошьстья к дальним обличая. Чувственно же – еже в садах, движат бо ся и та по

«Оно (бытие. – А.Щ.) бывает пяти видов: умственное, словесное, чувственное, растительное и бездушное. Умственное – это как у ангелов, сообщающихся друг с другом своими мыслями, словесное – как у людей, посредством названий и высказываний обнаруживающих обращенные вовне невидимые движения души. Чувственное же – у бессловесных, ибо наряду со способностью чувствовать. Рас-

²¹ Мильков В.В. Христианская и античная традиция в Шестодневе: характер взаимодействия // Шестоднев. 2001. С.39–81.

²² Шестоднев. 2001. С.339.

²³ Перевод Г.С.Баранковой.

кромьяити и растяити и раждающити сице. Бездушно же – аки о камнех, по нему же и ти движат бос я и та по качеству и по кгде, по качеству же убо – якоже гретися и устыдати, а по месту же – имже от места на место инамолатишее предложение»²⁴.

ительное же – у растений, ибо и они движутся в соответствии со способностью к питанию, посту и рождению. Бездушно же – как у камней. Поскольку и те движутся относительно качества и места: относительно качества – нагреваясь и охлаждаясь, а относительно места – будучи извне перемещаемы с места на место»²⁵.

Все существующее представлялось как единая, целостная структура, состоящая из разумных и материальных «родов», пребывающих в неразделенном единстве, где не существовало зла:

«... а в бытиихъ не от супротивья нъ от своего роду кждо бывает и исходить... ни есть сотворено, ни от Бога быв»²⁶.

«... то в существующем каждый [предмет] получает бытие и происходит не от противоположного, а от своего рода... и сказано, что [зло] не создано и не было от Бога»²⁷.

Все вещественные «роды», а по сути все сотворенные, связаны абсолютным бытием Логоса (Бога Слова). Сверхсущее воспринималось как высшая степень рода: «Нарицают обо сущее пачеродный род»²⁸ или «бытие особых родов»²⁹. Сразу оговоримся, Абсолют никогда в ортодоксальной книжности не отождествлялся с бытием. Абсолют воспринимался в характерном для всего средневековья понимании: Бог трансцендентен по отношению к своему творению и в своем бытии от творения не зависит:

«Едино вся области, бесконьчно сущие сущая творя всего сущья выше присносущее бытие...»³⁰.

«Единый везде, Суций в бесконечности, творит все сущее. [Сам Бог] выше вечносущего бытия...»³¹.

²⁴ *Изборник 1073 года // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т.2. С.140–141.*

²⁵ *Перевод Г.М.Прохорова*

²⁶ *Шестоднев. 2001. С.339.*

²⁷ *Перевод Г.С.Баранковой.*

²⁸ *Изборник 1073 года. С.148.*

²⁹ *Палея Толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. М., 1892. Вып.1. С.30.*

³⁰ *Шестоднев // РГБ. НИОР. Фонд Московской Духовной Академии. №145 (Цит. по: Мильков В.В. Онтология Шестоднева // Шестоднев. 2001. С.90).*

³¹ *Перевод наш.*

В переводе на язык современных понятий Абсолют – это не саморазвивающаяся идея, трансформирующаяся из первоначального потенциального состояния в актуальное состояние. За исключением отдельных апокрифических концепций³² Бог в канонической книжности трактовался как Абсолютная идея, не отчуждающая себя в природе или в историческом процессе. Он «проявляет» себя за пределами собственной трансцендентальной сущности. Отсюда все, что сотворено, не может являться частью трансцендентного (Абсолюта)³³. Через призму этих мировоззренческих установок воспринималась оценка бытийственных отношений, представляющих собой традиционное для православной христианской культуры различение добра и зла.

Метафизические аспекты существования зла в древнерусской мысли связаны с темой существования, наличия, раскрытия существования «иного», возникшего из абсолютного небытия³⁴.

Мир создан по Абсолютному Первообразу, который одновременно является первоначальным Словом и Мыслью. Божественный Логос придает значение и смысл всему бытию, являясь Его Первым Началом и Первым Именем:

«... преславное то естество и преблаженное, изрядная доброта драгое имя, начало всему сущему, источник жизненны, разумный свет, премудрость бесчисленная, сладкий бес приклада Творецъ, тои есть сътворишь нбо и землю»³⁵.

«... [Творящий Абсолют] эта безмерная Доброта, дорогое Имя, Начало всему сущему, Источник жизни, духовный Свет, бесконечная Премудрость, несравнимый преблагой Творец: Он сотворил небо и землю»³⁶.

Логос как «Имя» определяет «названия» всего сущего. Бытие получает «наименование» извне. «Имя» и «Слово» Божие – результат реализации замысла бытия, определяющего весь феноменальный мир в своей бесконечной целостности и абсолютной единичности. Логос для мира – это идеальные и гармоничные энергия, жизнь, действие, вложенное в сами основы существования мира.

³² Мильков В.В. «Книга Еноха» об устройстве мироздания и сущности бытия // Космологические произведения... Ч.2. С.449–551.

³³ Щеглов А.П. Древнерусская ноуменальная натурфилософия. М.; Иерусалим, 1999. С.29.

³⁴ Podskalsky G. *Christentum und theologische Literaturin der Kiever Rus (988–1237)*. München, 1982. S.148.

³⁵ Шестоднев. 2001. С.312–313.

³⁶ Перевод Г.С.Баранковой.

В этом и проявляется взаимосвязь ноуменальной и имманентной сфер бытия³⁷. Мир разворачивается в процессе творения как реализация идеального образа. В результате творения появляются два бытийственных уровня, отличных друг от друга по своим онтологическим характеристикам:

«Бог преже всех век, ни начала имае никонца я Бъ силен. Первое сътвори ангелы своя духи и слуги своя огонь паляць... Сътвори Бъ 10 чинов, 1, чин ангелы, 2 чин архангелы, 3 чин начаяла, 4 чин власти, 5 чин силы, 6 чин престолы, 7 чин господствия, 8 чин херувими, 9 чин серафми шестокрылатии, 10 чин и в демони преложиися... Паже преблагий милостивый Бъ помысли сотвори ти инаго мира земля...»³⁸.

«Бог, [Суущий] прежде всех веков, не имеющий ни начала, ни конца, Бог Всесильный, сотворил «ангелов Своих – духов и слуг Своих, огонь пламенеющий... Сотворил Бог 10 [ангельских] чинов: 1-й чин – ангелы, 2-й чин – архангелы, 3-й чин – начала, 4-й чин – власти, 5-й чин – силы, 6-й чин – престолы, 7-й чин – господства, 8-й чин – херувимы, 9-й чин – шестокрылатые серафимы, [а] 10-й чин – это тот, который превратился в демонов. ... Преблагий милостивый Бог замыслил сотворить иной мир – земной...»³⁹.

Так в Палее Толковой повествуется о возникновении ноуменальной и феноменальной сферы⁴⁰. Название ноумен мы применяем к тому, что понималось в Древней Руси как духовная реальность, относящаяся к сфере сверхчувственного, мыслительного, которая, прежде всего, отождествлена с «ангельским пространством»⁴¹. Ноуменальный мир творений, согласно древнерусским текстам, – сверхчувственная природа, которая не имеет материальной объективации, а выступает как духовная осуществленность – «Бгъ аггелы сотворил дхы»⁴² («...Бог сотворил ан-

³⁷ Aall A. *Geschichte der Logosidee in der griechischen Philosophie*. Leipzig, 1886. S.60.

³⁸ «Палея Толковая». ГИМ. Барс. №620 // *Космологические произведения...* Ч.2. С.167–168.

³⁹ Перевод А.М.Камчатнова.

⁴⁰ Греческое выражение «феномен» означает показывать, представлять себя. Феномен – это «объект», являющий себя через собственное бытие. «Объект» как бы открывается, получает существование. Но в то же время феномен не ограничивается эмпирическим проявлением, он указывает на другое, трансцендентное, тем самым простираясь до бесконечности и вечности (Prestige G.L. *God in the Patristic Thought*. L., 1952. P.114–115).

⁴¹ Термин «ноумен» здесь нельзя понимать в том значении, которое ему придавал Кант, где «ноумен» выступает как полная противоположность феномену, то есть относится к области «кажущегося», а не «являющегося» (Кант И. *Сочинения в 6 томах*. М., 1965. Т.4. Ч.1. С.292).

⁴² Шестоднев. 2001. С.317.

гелов духами)»⁴³. Ноуменальное, или в терминологии Древней Руси, ангельское пространство – это не отвлечение, а истинная действительность. Ноуменальное (ангельское) бытие получило от Творца силу разума, свободу воли, бестелесность (в сочетании со способностью на время обретать тело), внепространственность (ангел, как разум, не занимает пространства и не может быть его узником), существование, имеющее начало, не имеющее конца, ангелы незримы и даже неизменны – свойство, присущее вечности⁴⁴.

Согласно древнерусской экзегезе Книги Бытия, происходит творение мира ноуменов – «умов», именуемых как мир ангелов. Два мира объединены совершенной связью и первоначально пребывали в гармоническом сосуществовании:

«И два мира создал есть, горнего и долнего. Горнего убо мысленная, долнего же чювствана. И ангелы създад есть в вышнем мире умны же невещественны и дух огненосный. В нижнем же паки различна животная земная же и водная и птица же такожде. Ибо подобнее създа и в лепоту вся, в мысленных – мысленная, ангелы глаголю всехъ, в нижний же чювственаа, яко чювьствен и съ, всеми видимая и явлена вса»⁴⁵.

«(Бог. – А.Щ.) создал два мира: вышний и нижний. Вышнему принадлежит мысленное, нижнему же – чувственное. И в вышнем мире создал Он ангелов, умных и бесплотных, дух огненосный. В нижнем же – различных животных земных и водных, а также птиц. Подобающим образом и прекрасно создал Он все: в мысленном мире – мысленное, я имею в виду всех ангелов, в нижнем же – чувственное, поскольку чувственен и Он, всеми видимое и все явленное»⁴⁶.

Благодаря действию ангелов, все в бытии предстает в синтезе единства вещественности и мыслящей субстанции. Сама материальная сфера не переживала бы своих трансформаций без ноуменального воздействия. Из этого следует, что одно из промыслительных предназначений ноуменов – это воздействие на феноменальный мир. Это ноуменальное и феноменальное единство является основанием к созвучному существованию материи и духа⁴⁷. В замысле творения бытие обладало идеальным внутренним единством, все элементы которого выступали как целостная онтологическая структура, части которой находятся в гармоничной связи между собой:

⁴³ Перевод Г.С.Баранковой.

⁴⁴ Janssen H. *Idea of Logos in the Early Middle Ages*. N.Y., 1971. P.181.

⁴⁵ Палея Толковая 1406. С.28–29.

⁴⁶ Перевод наш.

⁴⁷ Seebom Th.M. *Ratio und Charisma: Ansätze und Ausbildung eines philosophischen und wissenschaftlichen in Moskauer Russland*. Bonn, 1877. S.10.

«И се же е(с) о(т) небесе и земля. И иже е(с) межю съставле(н)е и свокупле(н)е. похвалу убо по всему блговецьству подобнохвалне еже о(т)⁴⁸ благо-сложе(н)я все(х) и состроенья» .

«Все составлено от неба и земли, со-ставлено и соединено между ними. Возвыщено все в идеальном веществе. Равно достойно хвалы все устроенное от благого сложения»⁴⁹ .

Бытие, таким образом, воспринималось как связывание единичного и множественного в пространстве и во времени идеей идеального движения.

Ноуменальный континуум, как всякое создание, несмотря на свою духовную природу, не имеет абсолютного бытийственного значения, как имеют его отделенные от чувственных вещей идеи Платона⁵⁰. Это творение, только творение высшего порядка, поэтому ангельское пространство появляется прежде мира, существующего во временных, пространственных и материальных категориях:

«О ангелех бо пишет. Я и ти въ I день с небесе и землю быша глаголом силы Творца Бога, яко же пишет. Рече Бъ да боудет светъ и свети быша,⁵¹ ангели служащее пред ним, различнии чыни» .

«Об ангелах же написано, что и они в первый день были сотворены силой слова Творца-Бога. Так как написано: «Сказал Бог: «Да будет свет» – и стали светы...⁵² ангелы, служащие перед Ним» .

В процессе творения ангелов появляется метафизическое пространство, находящееся выше вещественного пространства феноменов. В иерархическую субординацию двух миров – божественного и материального – составителем Палеи Толковой вводится третий, промежуточный элемент, в виде ноуменальной ангельской сферы. В тексте памятника ангелы относятся к первотворению и наделяются почти духовной, а точнее тонкоматериальной, световой природой⁵³. В онтологическом смысле – это смешанные духовно-материальные сущности. Обладая такой природой, ангелы могут одновременно находиться около Бога и быть причастными вещественному миру, с которым они имеют общее свойство сотворенности, но от которого они разительно отличаются нематериальностью и бессмертием.

⁴⁸ Григорий Богослов. 16 слов с толкованиями Никиты Ираклийского // Государственный Исторический музей. Отдел письменных источников (далее – ГИМ. ОПИ). Син. №954. Л.55 г.

⁴⁹ Перевод наш.

⁵⁰ Field G.C. Plato and his contemporaries. L., 1930. P.130–131.

⁵¹ Палея Толковая. ГИМ. ОПИ. Барс. №620 // Космологические произведения... Ч.2. С.174.

⁵² Перевод А.М.Камчатнова.

⁵³ Палея Толковая 1406 г. С.9.

Бесплотные силы, согласно православной экзегезе, разделены на три иерархии, каждая из которых, в свою очередь, членится на три иерархически соподчиненных ступени: 1) серафимы, херувимы, престолы 2) господства, силы, власти 3) начала, архангелы, ангелы⁵⁴. По сравнению с Библией, Толковая Палея усложняет иерархическую стратификацию бытия, которое рассматривается как несколько соподчиненных иерархий внутри глобальной мировой иерархии: Бог – иерархия ангелов – природный мир, который так же делится иерархически. Упорядоченность мироздания, таким образом, сводится к следующей структуре: Бог – девять чинов бесплотных сил – человек – животный мир – растительный мир – неорганическая природа. Иерархический порядок при этом не отменяет онтологического размежевания идеального и материального миров. Ангельские ноуменальные сущности выступают в виде служебных духов и осуществляют «несмесное» соприкосновение вечного и тленного. Как исполнители Божьей воли, они посредники, но в этой своей функции они, соединяя, разграничивают горнюю и дольную сферы.

Обладая этими свойствами, ангелы помогают сохранять в неизменности или изменяемости типы материальных объектов. Они содержат природную сферу в той потенциальной заданности, которая была заложена в предмет при миротворении.

Персонификация зла

Отправным моментом для древнерусских представлений о природе зла были библейские указания на тот факт, что зло существовало задолго до греха Адама и Евы. Появлению зла предшествовала бытийственная катастрофа, которая берет начало в ноуменальном, ангельском мире. Гармония творения была нарушена в результате отпадения приближенного к Богу ангела – Денницы. Источник зла получает свою персонификацию: это дисгармоничные действия по отношению к всеобщей гармонии творения одной из высших ноуменальных (духовных) сил. Проиллюстрируем отражение этих представлений на примере наиболее распространенных в Древней Руси текстов⁵⁵.

⁵⁴ Там же. С.10.

⁵⁵ О появлении зла говорят тексты, помещенные в т.н. «Шестодневцы» – наиболее сокращенные, конспективные варианты произведений шестодневного жанра (См.: Космологические произведения... Ч.2. С.383–388).

О персонификации зла в лице Сатаны подробно говорит легенда о Сатанаиле, целиком вошедшая в состав Палеи Толковой. Вначале в ней указывается, что Сатана был создан по своей природе благим, как и все творение: «и от Бга естеством не лукав бе исперва, но благий сы»⁵⁶ («В начале от Бога по природе он не был лукавым, но был благим»⁵⁷). Сатана занимал ведущее положение в ноуменальном пространстве, его задачей являлось содержание в идеальной гармонии и созвучии всей земной субстанции: «Оубо Сатана старей бе в чыноу и иже подъ нимъ, приставникх земному чину и земли блюдоение прии»⁵⁸ («Сатана же был старейшина в чине, который под его началом был приставлен к дольнему миру и наблюдал над землей»⁵⁹). Легенда о падении Сатанаила подчеркивает, что не только Денница, но и состоящий под его руководством десятый ангельский чин до своего «искажения» был призван конституировать земное вещество и определять его действия.

После того, как пространственно-временной континуум был создан во всей своей первозданной красоте и величии, изначально заложенная внутри ноуменального мира свобода действия и огромная субстанциональная сила подвинули Денницу принять на себя функцию Абсолюта. Он претендует на призрачную возможность творить и создавать, исходя из собственной субстанции:

«... виде яко украси Бог твердь ту, о ней же рехом и землю и развеличися гордостию, и рече в помысле своем, коль красна поднебесна си, но не вижу живущаго на ней, да приду на землю и обладаю ею и буду яко Бог и поставлю престол ми на облаках»⁶⁰.

«... увидел [Сатанаил], как украсил Бог ту твердь, о которой [раньше уже] сказали, и землю, и развеличился [Сатанаил] гордостью, и сказал в помысле своем: «Сколь прекрасно это поднебесное, но не вижу живущего в нем, да приду на землю и приму землю и обладаю ей и буду как Бог, и поставлю престол мой на облаках»⁶¹.

Денница как высшее существо совершает свободный выбор, имеющий универсальное значение. Сущность бытийственной катастрофы заключается в изменении и сознательном искажении духовной энергией

⁵⁶ Палея Толковая. ГИМ. ОПИ. Барс. №620 // *Космологические произведения...* Ч.2. С.247.

⁵⁷ Перевод А.М.Камчатнова.

⁵⁸ Палея Толковая. ГИМ. ОПИ. Барс. №620 // *Космологические произведения...* Ч.2. С.247.

⁵⁹ Перевод А.М.Камчатнова.

⁶⁰ Палея Толковая 1406 г. С.28.

⁶¹ Перевод наш.

пространственно-временной гармонии, бытие противостоит само себе, как расколотое на части целое⁶². Впервые творение предстает в таком виде: возникает искажение первоначального созвучия сфер мироздания, затронувшее два уровня творения.

После момента «отпадения» Денницы происходит внедрение отпавшей от Абсолютной Гармонии искаженной субстанции Денницы в субстанцию видимого бытия. Согласно легенде о падении десятого чина Сатаны, подчиненные ему бесы (бывшие ангелы) оказываются в воздушном, земном и подземном пространствах:

«И тоу сверже Сатанаила Гь съ нбси за гордость помысла его. Понеже спадоша и беша под ним чын десятый, аки песок просыпая с нбси и проразииша неисподняя, друужи же на земли быша, друужи же на земли быша, друугия же от них на въздузе повеси»⁶³.

«И тотчас низверг Сатану Господь с неба за гордый замысел. За ним упали те, которые были под его началом, – десятый чин, как песок посыпался с неба и провалились в преисподнюю, другие же остались на земле, некоторые из них повисли в воздухе»⁶⁴.

Денница, из ревности к Творцу, попытался внедриться в качестве базовой, изначальной сущности во внутреннюю сферу всего пространственно-временного континуума. В бытии, таким образом, создается параллельная сущностная структура, вступающая в непримиримый конфликт с идеальным первоначальным созвучием. Источник здесь оказывается вне Божественного замысла:

«И взидо же... и виде тоу брань велию, сотону и силы его и противящаяся благочестию и едино единого завидяци, яко же есть на земл и тако есть и на тверди, образ ибо твердьнымъ сде соуть на земли»⁶⁵.

«И вот... взошли... на твердь и увидел [я] здесь борьбу великую: Сатану и силы его, которые сопротивлялись благочестию и завидовали друг другу. Как на земле было, так и на тверди, ибо действия эти...⁶⁶ прообразы того, что делается на земле».

Действия Денницы и подвластных ему злых духов искажают не только вещество творения, они раскалывают и духовный мир, до той поры существовавший как непротиворечивый и гармоничный континуум.

⁶² Dunbar H.F. *Symbolism in Medieval Thought*. New Haven, 1929. P.118.

⁶³ Паляя Толковая. ГИМ. ОПИ. Барс. №620 // *Космологические произведения...* Ч.2. С.245.

⁶⁴ Перевод А.М.Камчатнова.

⁶⁵ Видение Исаии. РНБ. ОР. Соф. №1488 // *Космологические произведения...* Ч.2. С.560.

⁶⁶ Перевод В.В.Милькова.

Основное философско-богословское содержание вселенской катастрофы – это нарушение единства взаимопроникновения ноуменов и феноменов, ума и вещества. Результатом катастрофы стало создание разных, противоположных степеней существования. До «падения» Денницы было идеальное слияние объекта с духовной идеей – ангелом или духовным разумом⁶⁷. Изменение ноуменальной природы привело к изменению изначальных бытийственных соотношений в мировом универсуме. И к изменению сущности падших ангелов: «И погубиша власть силы, не имоу же оубо мощы ни владети ким оуже отпадше сана своего»⁶⁸ («И потеряли [бесы] власть, и не имеют силы, чтобы смочь владеть кем-либо, потому что отпали от своего сана»)⁶⁹. Суть искажения в том, что

Лицевой апокалипсис. Лист рукописи

появилась как бы «посттварная» структура, некая ноуменальная реальность в виде бесов, находящаяся в подчинении злого начала, которое пытается поставить себя на место Абсолютного. При этом «предбытийственные» основы, заложенные Абсолютом в сущее, не меняют своей изначальной идеальной субстанции: «Не бо и о съгрешивъшихъ ангелех се являеться, согрешив, нь по прьвому естъству бесъмрътъни пребыли быша...»⁷⁰ («Это видно ведь и по согрешившим ангелам: согрешив, они остались, в соответствии с первоначальной природой, бессмертными, ожидая иного суда за согрешения, а не смерти»⁷¹).

⁶⁷ Norris R. *The transcendence and freedom of God, in Early Christian Literature and the Classical Intellectual Tradition*. Paris, 1979. P.57–58.

⁶⁸ Палея Толковая. ГИМ. ОПИ. Барс. №620 // *Космологические произведения...* Ч.2. С.247.

⁶⁹ Перевод А.М. Камчатнова.

⁷⁰ *Изборник 1073 года*. С.136–137.

⁷¹ Перевод Г.М. Прохорова

В бунте Сатанаила происходит отделение изначально присущих ему признаков и свойств и обретение новых, злых качеств. В этом природа противоречий и оппозиционности. В универсуме появляется зло – извращенное духовное действие, проецируемое на материальный мир. Результатом искажения бытийственной гармонии последовало исключение Денницы из ноуменального континуума, светлый ангел Денница превращается в Сатану⁷², Дьявола⁷³. В пространство приходит бытийственный парадокс: мир остается самим собой, принципиально меняется лишь энергия ноуменальных действий «десятого чина» в мироздании. В творении поэтому появляются отрицательные качества вместо прежних идеальных.

В результате вызванной падением Сатаны бытийной катастрофы в пространственно-временном континууме единого миропорядка устанавливается дуальная космическая схема: небо (ноуменальная сфера) противопоставляется земле (феноменальная область)⁷⁴. После падения Сатаны ангельский мир сущностно остается без изменений, но теряет в количественном отношении. Происходит отторжение десятой части от совершенного ноуменального пространства. Но отторжение нельзя рассматривать как уничтожение данных ноуменальных сущностей. Перераспределяется место существования их. «Небо» с этого момента становится пространством для неискаженных сущностей, а природный мир «земли» оказывается восприимчивым к действиям подвластных Сатане бесов. Последствия бытийственной катастрофы приводят к появлению зла как явления, не заложенного в основание мироздания:

«Не бо, но ино некое есть злобе бытъе точью сущаго лишенья. А еже воистину сущее благо естьство есть. Еже убо в сущем⁷⁵ несть, вне же не бытии всяко есть».

«Ибо происхождение зла есть не что иное, как лишение сущего. По-настоящему же сущее – это природа добра. То, чего нет в сущем, того нет, конечно же, и вне его»⁷⁶.

⁷² Сатана (арам.) – обманщик, противник в суде.

⁷³ Дьявол (греч.) – лукавый, клеветник. В Новом Завете выступает как «князь мира сего». (Иоан.12:31)

⁷⁴ Мильков В.В. Образ космоса в апокрифическом «Видении Исаии» // Космологические произведения... Ч.2. С.555.

⁷⁵ Слово Василия Великого о зле // Рукописный сборник XV века (Частное собрание). Л.43 об.

С появлением зла возникает двойственность в изначально гармоничном творении. Бытие оказалось расколотым, с характерными для него противоречиями. Структура мира превращается в серию бинарных противоположностей: Небо – Земля, Рай – Ад, Сакральное – Профанное, Жизнь – Смерть, Правый – Левый, Верх – Низ и т.д. В конечном счете, каждая из оппозиций манифестирует собой ценностную структуру Добро – Зло.

Несмотря на изменение задуманного Богом порядка бытия, его искажение не ведет к уничтожению природного универсума. Новой реальностью становится Ад, противопоставленный сотворенному Раю. Между этими полюсами оказывается вещественный мир – «оземствие»⁷⁷. Часть земного естества стала «преисподней», а нетварное начало оставило людям в наследство от первоначальной гармонии Рай как желанную цель для преодоления бытийного искажения. Рай выступает не в символическом значении, это определенное место, в котором вместе с Творцом пребывали праотцы до грехопадения и которое охватывало все сотворенное⁷⁸. Согласно такому пониманию, Рай – это место локализации первоначального, неискаженного вещества и ноуменальной энергии в двойственном пространственном континууме⁷⁹.

Согласно православным воззрениям, появление зла, а вместе с ним и конечности (т.е. финала бытия) не входило в замысел творения. Зло не существовало изначально: «Зло ни есть сътворено, ни от Бга бывъ... не ищи извъну зла, ни мни его, яко исперва есть створено естеством неприязнеомъ»⁸⁰ («Зло не создано и не было от Бога... Не ищи зла вне и не думай, что оно было изначально создано злым естеством»⁸¹). Зло не причастно к порядку вещей, потому что оно не существует в подлинном смысле. Зло – не природа, а состояние⁸². А в состоянии всегда остается возможность исправления.

⁷⁶ *Перевод наш.*

⁷⁷ *Палея Толковая 1406 г. С.50.*

⁷⁸ *Мильков В.В. Концепция земногорая в древнерусских апокрифах // Апокрифы Древней Руси: тексты и исследования. М., 1997. С.229–254.*

⁷⁹ *Мильков В.В. Церковные, народные и античные представления об ином мире в их отношении к апокрифическому образурая // Древняя Русь: пересечение традиций. М., 1997. С.250–282.*

⁸⁰ *Шестоднев. 2001. С.339–340.*

⁸¹ *Перевод Г.С.Баранковой.*

⁸² *Russel J.B. Lucifer: The Devil in the Middle Ages. Ithaca; L., 1984. P.40.*

**Человек как гармонизация
неба и земли**

Момент появления зла в ключевых текстах древнерусской книжности не относился ко времени события «первородного греха». Именно данная позиция отличает русские взгля-

ды на происхождение зла от западнохристианских средневековых трактовок проблемы теодицеи. Эти отличия хорошо видны при сравнении со взглядами бл. Августина, считавшего, что зло является следствием «первородного греха» – грехопадения Адама и Евы и последующего их изгнания из Райского сада. Появление зла он непосредственно связывает с нарушением воли Господа и вкушением от Древа познания добра и зла (Быт.3:1-7)⁸³.

В отличие от католических, русские средневековые представления о появлении зла носят не антропологический, а метафизический характер. Исходным моментом восточнохристианских, а вместе с ними и древнерусских теодицейных представлений является описание вселенской катастрофы, приведшей к появлению зла и несовершенства в сотворенном мире. В западной средневековой традиции метафизические аспекты возникновения зла не были предметом философствования, а находились в рамках поэтико-символического и художественного изложения⁸⁴. Согласно древнерусским теодицейным воззрениям, зло возникает в процессе мироустройства и является искажением этого космического построения⁸⁵.

Поэтому в строго ортодоксальной христианской традиции материя в целом да и сама плотская природа человека не считались непосредственным источником зла⁸⁶. Это хорошо видно на примере рассуждений о сущности и назначении человека. Главный смысл появления человека, согласно Палее, заключен в исправлении ноуменальной катастрофы, оказавшей разрушительное воздействие и на природный мир:

⁸³ Evans G.R. *Augustine on Evil. Cambridge (Mass.), 1983. P.48–49.*

⁸⁴ Cope G. *Symbolism in the Bible and the Church. N.Y., 1959. P.114.*

⁸⁵ Meyendorff I. *Byzantium and the Rise of Russia: A Study of Byzantino-Russian relation in the Fourteenth. Cambridge (Mass.), 1981. P.78.*

⁸⁶ Erler M. *Proclus Diadochus. Über die Existenz des Bösen. Meisenheim am Gian, 1978. S.10–12.*

«Въ спадиаго же чина места десятаго оумисли сотворити человека, да светлост⁸⁷ и венцы предати имать падишихъ» .

«Вместо падишего десятого чина Бог замыслил сотворить человека, чтобы⁸⁸ передать светлость и венцы падиших» .

Человек в древнерусских текстах рассматривается как гармоничное единство духа, души и тела. Согласно православным доктринальным представлениям, душа соединена или свободно подчинена духу, а тело – душе, что определяет для человека единство цели, стремления и воли.

Из всех созданий человек – единственное произведение, сотворение которого разделено на два этапа. Бог первоначально наделяет человека эмпирическим существованием. И только затем человеку придается ноуменальное (духовное) бытие:

«А человека зижа Гь и преже оустроивъ телесный сосоу(д), ти тогда диоу сотвори и вложи вонь...вдохну бо рече Бгъ на лице Адама духъ живъ и жыву силоу дша прятъ»⁸⁹ .

«Когда же Господь творил человека, то Он сначала устроил телесный сосуд, а потом сотворил душу и вложил в него... и стал человек живой душой, и приняла его душа силу жизни»⁹⁰ .

Согласно христианскому учению, изначальной задачей человека была гармонизация ставших противоположными после бытийственной катастрофы вселенских уровней – ноуменального (духовного) и феноменального (вещественного)⁹¹.

Первоначально человек идеально совмещал в себе духовное и вещественное начала, ведь согласно Библии человек создан по абсолютному образу и по абсолютному подобию. «По образу» – как существующий и совершенный образ Логоса и как «присносуший»⁹² («вечносуществующий»)⁹³ образ, вечный образ вечного Абсолюта. «По подобию» означает, что человеческая воля и порождаемая ею энергия должны соответствовать изначальной природе, которая уготована человеку при творении и которую он не должен преступить.

⁸⁷ Палея Толковая. ГИМ. ОПИ. Барс. №620 // *Космологические произведения...* Ч.2. С.249.

⁸⁸ Перевод А.М. Камчатнова.

⁸⁹ Палея Толковая. ГИМ. ОПИ. Барс. №620 // Громов М.Н., Мильков В.В. *Идейные течения древнерусской мысли.* С.591.

⁹⁰ Быт. 2.7. Синодальный перевод.

⁹¹ Faesen H. *Kirchen und Kloster im alten Russland.* Leipzig, 1982. S.105.

⁹² Мерило Праведное. По рукописи XIV в., 1961. С.87.

⁹³ Перевод наш.

«Образ и подобие» достигаются через соответствие абсолютной истине. Значит, Божественное подобие человека выражается в следовании изначально благой воле Абсолюта. Уподобляясь Логосу, человек приближается к тому, чем Логос является по природе, то есть к совершенству. Движение к подобию связано с личностной, индивидуальной свободой и, следовательно, составляет принадлежность категории лица или личности. Человеческое «лицо» не является чем-то заранее данным или полностью завершенным. Свободное волеизъявление, формирующее его, складывается в напряженной борьбе. Для человека формировать свое «лицо» означает согласовать свое искаженное и неправильное движение с божественными заповедями⁹⁴. Любой образ имеет бытие и подобие с тем, кого он отображает. Если же находится образ, который не соответствует первоначальному образу и не имеет подобия, то человек не может называться идеальным образом. Из-за того, что образ искажает свое идеальное подобие, изворачивается и сам образ:

«... погубляет то, еже по образу Божию быти им самовластный сан погубляет»⁹⁵.

«... губит, то, что должно быть [в нем] по образу Божию, поскольку отказывается обладать свободной волей»⁹⁶.

Как и Денница, первый человек совершил свободный духовный выбор. Он произвел неправильный акт самоопределения: «Пакость приемлющее паче и ослеплеми нежели пользу приемлющее»⁹⁷ («Приняли искажение вместо созвучия»⁹⁸). После грехопадения произошло совращение воли и действия, из-за чего человек ошибочно смотрит на внешнее бытие как на самодостаточную истину. Человек окутан греховными страстями⁹⁹. Будучи «привязанным» через природное тело («кожанная ризы»¹⁰⁰) к вещественному и конечному бытию, человек после «перво-

⁹⁴ Гуревич А.Я. *Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства*. М., 1990. С.37–38.

⁹⁵ *Шестоднев*. 2001. С.580.

⁹⁶ Перевод Г.С.Баранковой.

⁹⁷ *Слово Иоанна Златоуста, како Адам создан и како душу взя // РГБ. НИОР. Тр. №11. Златая цепь. Конец XIV – начало XV в. Л.53 г.*

⁹⁸ Перевод наш.

⁹⁹ Катанский А.Л. *Догматическое учение о семи церковных таинствах в творениях древнейших отцов церкви до Оригена включительно*. СПб., 1877. С.231–232.

¹⁰⁰ *Слово блаженного Евсевия Александрийского // РГБ. НИОР. Рум.186. Измарагд. Конец*

родного греха» без работы над собой не в состоянии достичь первоначального онтологического предназначения – совершить преобразование собственного духа и плоти¹⁰¹.

В силу привязанности к плотскому и чувственному, земному и конечному (смертному) человеку невозможно войти в ноуменальную сферу:

«не мощно бо смертну и еще суцу или тленну или преложну тамо мимо звезд взыти...»¹⁰²

«Невозможно обычному, тленному и непостоянному, смертному человеку пройти мимо звезд»¹⁰³

Только изменив направление воли человека, можно вновь обрести вечность:

«не восприим от Бога нетление и бессмертие и непреложение воскресением мертвых такожде... Тако есть смертный или же преложен сый или тленен презыти уставы ища и прикоснутися пути царства небеснаго и еще далече его сый»¹⁰⁴

«пока не воспримет [человек] от Бога нетление и бессмертие и вечность воскресением мертвых... Так и тленный, смертный человек должен изменить свои составы и последовать пути к Царству Небесному, так как далек от него»¹⁰⁵

Основой конечного плотского тела являются «плоть и кровь»¹⁰⁶. «Плоть» – это символ временности существования искаженного и неполноценного вещества. «Кровь» означает движение, изменение. Они причастны и к жизни, и к смерти. Ум утратившего абсолютную гармонию человека может искать пути к утраченному. Поэтому люди пребывают в состоянии онтологических начал их природной сущности: «Противится плоть духови и дух плоти»¹⁰⁷ («Противится плоть духу и дух плоти»¹⁰⁸).

XIV в. Л.10 об.

¹⁰¹ Hielley P. *Proof of God's existence // Recent essays on the ontological argument. N.Y., 1965. P.23–27.*

¹⁰² Слово Иоанна Златоуста, како Адам создан и како душоу взя. Л.53 г.

¹⁰³ Перевод наш.

¹⁰⁴ Слово Иоанна Златоуста, како Адам создан и како душоу взя. Л.53 г.

¹⁰⁵ Перевод наш.

¹⁰⁶ Острожская Библия. М., 1914. Л.535–535 об.

¹⁰⁷ Митрополит Никифор. *Послание от Никифора митрополита Киевского к Владимиру князю Всея Руси [о вере латинской] // Митрополит Никифор. СПб., 2007. С.314.*

¹⁰⁸ Перевод наш.

Человечество пребывает между тлением и нетлением. Это сущностное промежуточное положение и определяет жизненный горизонт, цель и назначение человеческого бытия. Созданное для вечного бытия, как и весь универсум, человеческое естество может колебаться между смертью и бессмертием. Отсюда и бытийственная задача человека. Человек, следуя заповедям, может исправить свою природу и достичь созвучия, преодолеть враждебную разобщенность бытия.

Как всякая духовная сущность, человек наделен свободой действия. Он свободен вернуть себе вечную жизнь или служить смертной вещественной плоти.

После падения Денницы не закрыта перспектива возвращения к Богу, что на доктринальном языке называется Спасением:

«И от тех человека сугуба сотворяет, небесна и земна, животно смешано... и вещьна и не вещьствана, словесна и бессловесна же, мрътна и бесмрътна, видима и невидима лучшая от вышнего, от нижнего же тело примесив душо божественную к земному. И посреде ту положи одушевленных и бездушных човственных и мыслъных, якоже некий яко да свойствене къ тем от обоих сих яко сородник наслаждение которое ждо имать. Божие убо душею яко суци божественейши благих же иже на земли плотию брэнною, приносити той без обазни потреба якоже дань. Естество мыслъное такоже ангельское хранит же и щадит сих спасение»¹⁰⁹.

«Из того и другого сотворил Он человека двойственным, небесным и земным, животным смешанным, и вещественным, и не вещьственным, словесным и одновременно бессловесным, смертным и бессмертным, видимым и невидимым, взяв лучшее из вышнего, из нижнего же тело, примесив божественную душу к земному. И поместил ее среди одушевленного и бездушного, словно некий образ чувственно-мысленного, чтобы, будучи тому и другому родственным, человек мог наслаждаться всем: Божьим – благодаря душе, каковая более божественна, земными же благами – благодаря брэнной плоти, чтобы те принесли потребное ей, словно дань. Природа же умственная, так же как ангельская, охраняет его и заботится о его спасении»¹¹⁰.

Человек, являясь идеальным сочетанием духовной и телесной сущностей, способен воссоединить разорванную связь между духовными и физическими планами бытия. Это влечет за собой уничтожение зла. Направляя разумное, духовное начало, человек своими правильными и умными действиями преобразует несовершенное земное бытие и тем

¹⁰⁹ Прохоров Г.М. «Дионтра» Филиппа Монотропа. Антропологическая энциклопедия православного Средневековья. М., 2008.

¹¹⁰ Перевод Г.М. Прохорова. С.233.

самым соединяет небесное и земное. В гармонизации бытия, искаженного злом и несовершенством, и состоит цель человеческого существования.

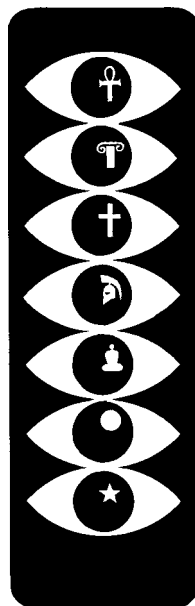
Обобщая теодицейные идеи, содержащиеся в памятниках древнерусской мысли, можно с уверенностью заключить следующее. Древнерусские мыслители были убеждены в порочности и извращенности всего земного континуума, как искажения гармоничной природы сущего, но при этом они не признавали вещественный мир за воплощение зла и видели за всем беспокойным и искаженным стремлением бытия его идеальную природу, которой следовало вновь достичь, преодолевая естество зла.

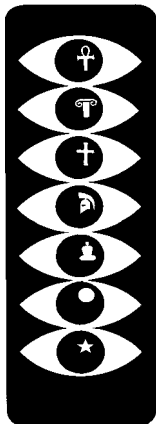
Подавление инстинкта самовыражения всех этих людей проявится крайне остро. Никто из них не будет удовлетворен занимаемой общественной позицией, и все будут проклинать узы, связывающие их, мечтая не о чем другом, как об их разрушении. В то же время каждый из них предпочтет вкладывать минимум усилий в не интересующую их профессию. В результате группа людей с репрессированным инстинктом, помышляя об эмансипирующей их революции, восстанет.

Процессы человеческого взаимодействия постоянно производят новые пласты материальной культуры и новые наборы проводников. Их постепенное аккумулирование, пласт на пласт, приводит к образованию новой окружающей среды вокруг взаимодействующих индивидов, среды, полностью отличной от физической, социотехнической среды. Все мы живем в такой среде. Она окружает нас на каждом шагу. Она постоянно передает нам сигналы, инициированные прежними поколениями, и таким образом определенно детерминирует наш опыт и поведение.

Дороги, проложенные в прошлом, направляют ход наших сегодняшних дел. <...> Нам приходится идти по улицам и дорогам, так как они были проложены, даже если они кривые и извилистые.

Питирим Сорокин

Марк Стейнберг

УРОДЛИВАЯ, ПАДШАЯ ЛИЧНОСТЬ:

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДИСКУРС
О ЛИЧНОСТИ И ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ
В РОССИИ 1906–1916 ГОДОВ¹

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
39

Urban writers in prerevolutionary Russia, even those writing in mass-circulation newspapers, sounded a persistent alarm about the moral and spiritual condition of the self in the “conditions of modernity”. They described the present as an age of sickness and decline. This decadent history was embodied in quite concrete forms (such as worries about modern sexual life or the “epidemic” of suicides) and in quite abstract feelings and thoughts. In particular, at the heart of talk about the fate of the person in the modern life of the city, notably in St. Petersburg, was a pessimistic view of time itself: an anxiety that the modern myth of time as “progress”, the promise of continual change for the better, was falling into ruin. At issue was not simply Russian “backwardness” but also the intensifying experience of urban modernity. Given the harshness of the Russian experience, Russian urban observers were especially aware of the dark and destructive sides of modernity.

Ключевые слова: личность; упадок; вырождение; город; современность; деморализация; разврат; секс; разочарование; самоубийство; безвременье.

Key words: self; decadence; city; modernity; immorality; debauchery; sex; disenchantment; suicide; time.

E-mail: steinb@illinois.edu

¹ По материалам доклада на Международном коллоквиуме «Человек и личность как предмет исторического исследования (Россия, конец XIX–XX в.)». Санкт-Петербург, июнь 2010. Одноименный сборник готовится к печати.

Городские публицисты предреволюционной России постоянно били тревогу по поводу морального и духовного состояния личности в современной им городской общественной среде, в особенности в период между революциями 1905 и 1917 годов. Здесь термин *городские публицисты* относится к тем мужчинам и женщинам, которые широко публиковались в самых различных городских газетах и журналах и чье внимание было сосредоточено на объяснении смысла городской жизни – другими словами, «городскими» они были и по месту пребывания, и по тематике повествований, и по специфике аналитического взгляда. В этой статье приводятся примеры только из столичных петербургских изданий. Городские публицисты не только отражали общественную тревогу по поводу некоторых взаимосвязанных общественных и культурных проблем, но и помогали эту общественную тревогу формировать. Это относится и к тревоге, связанной со специфически российским кризисом в межреволюционные годы, и к тревоге – от нее неотделимой – по поводу общего кризиса городской современной жизни.

Захватывающая, но вредная жизнь улицы, повсеместность притворства и обмана в общественной жизни, эпидемия насилия и смерти, а также чрезвычайно пессимистическое общественное настроение изучались городскими публицистами и тревожили их. На удивление, ежедневная русская пресса, даже пресса массового тиража, вроде «Газеты-копейки», постоянно превращала вопросы насущной действительности в экзистенциальные вопросы философии. Углубляясь в философию, публицисты изучали природу времени и тревожились о том, что современный миф о времени как прогрессе, об обещании постепенного изменения к лучшему разваливается на глазах.

Часто журналисты описывали настоящее как век болезней и упадка. В общем, диагноз «декадентства» современной общественной жизни выглядел так: панорама современности на примере современного мегаполиса, вызывающего отчетливо новое ощущение морального и духовного разложения, упадка и утраты.²

Эта тема характерна не только для России. Она была созвучна разговорам о «вырождении» цивилизации, доносившимся из разных углов Европы в конце десятых годов XIX века и позже³. Для России отличие

² *Обсуждение декадентства в российской литературе см.: Matich O. Erotic Utopia: The Decadent Imagination in Russia's Fin-de-siècle. Madison: University of Wisconsin Press, 2005; Lodge K., ed. The Dedalus Books of Russian Decadence: Perversity, Despair and Collapse. Sawtry: Dedalus, 2007. Introduction.*

³ *Pick D. Faces of Degeneration: A European Disorder, c.1848 – c.1918. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. P.4. См. также: Nye R. Crime, Madness, and Politics and*

состояло не только в более позднем обращении к этой теме, но и в ее чрезвычайной эмоциональной интенсивности и популярности в обществе. Таким образом, в городах России последних лет императорского режима вырождение стало новостью дня. И это ощущение легло в основу постоянно растущего пессимистического, даже панического видения состояния России и современности в целом. На Западе в десятилетие непосредственно перед Первой мировой войной все было наоборот: в настроениях наблюдался просвет; пессимизм, связанный с издержками цивилизации, начал ослабевать, давая некоторым обозревателям возможность увидеть «моральное перерождение»⁴. Русские, напротив, были намного менее оптимистичны – возможно, потому, что разрушительные последствия цивилизации сказались в России гораздо сильнее из-за ее отставания в потоке стремительных перемен; скорее же всего из-за того, что русские по своему жестокому опыту были чувствительнее именно к темной стороне современной жизни.

В центре диагноза состояния современности стоял вопрос личности, ее положения в условиях современного города. Это понятие уже в начале XIX столетия стало жизненно важным в языке русской интеллектуальной, политической и литературной среды. Оно позволяло не только рассматривать внутреннее состояние человека, но и бросать вызов условиям жизни в России и в современной Европе, попирающим достоинство человека и его естественные права. С тех пор российские писатели и мыслители постоянно указывали на глубокий антигуманистический ущерб для личности, являющийся результатом не только российской отсталости – ее политического самодержавия и полуфеодального социального неравенства, – но и расцвета капитализма, набирающего силу в городской среде⁵.

В XIX веке дискуссия о личности ограничивалась интеллектуальной элитой и ее кругом. К началу 10-х годов XX столетия уже и газеты вели

Modern France: The Medical Concept of National Decline. Princeton: Princeton University Press, 1984; Gilman S., Chamberlin J.E., eds. Degeneration: the Dark Side of Progress. N.Y.: Columbia University Press, 1985.

⁴ Pick D. *Op. cit.* P.102.

⁵ Значение понятия «личность» и его использование обсуждается в моей работе: Steinberg M. *Proletarian Imagination: Self, Modernity, and the Sacred in Russia, 1910–1925. Ithaca: Cornell University Press, 2002. P.2–5, 62–101. См. также: Виноградов В.В. История слов. М.:Толк, 1994. С.271–309; Offord D. «Lichnost»: Notions of Individual Identity // Kelly C., Shepherd D. *Constructing Russian Culture in the Age of Revolution: 1881–1940. Oxford: Oxford University Press, 1998. P.13–25; Kharkhordin O. The Collective and the Individual in Russia. Berkeley: University of California Press, 1999. P.184–190; Engelstein L., Stephanie S., eds. *Self and Story in Russian History. Ithaca: Cornell University Press, 2000.***

разговоры о социальном состоянии человека и личности на философском и моральном уровнях. Вопросы о значимости личности и условиях ее развития стали темой ежедневных новостей. В особенности следует указать, что понятие личности стало критерием понимания значимости современного мегаполиса и, по ассоциации, критерием понимания природы современности. Прежде чем я начну описывать основные моменты этого общественного дискурса о личности и городе, основанные на материалах петербургской прессы между 1905 и 1917 годами, необходимо указать на то, насколько повсеместным был термин «вырождение» и как он функционировал в качестве метода толкования.

Дух времени

Многие публицисты рассматривали патологические особенности русского мегаполиса как общий признак «духа времени». Преступность, убийства, хулиганство, проституция и другие «муки» городской жизни обсуждались как внешние проявления серьезного заболевания. По словам читателя одного из журналов, то были «симптомы отравления чадом ада»⁶. Болезнь была всеохватывающей метафорой. Некоторые понимали ее буквально: писатели говорили о различных физических заболеваниях, характерных для городской жизни, в особенности о «нервозности»⁷. Но все же более распространенным был диагноз духовного, морального и экзистенциального заболевания: «общ[ей] болез[ни], которой страдают все слои нашего общества, – болезни безумия, потери веры в будущее, растерянности, и разочарования»⁸.

Язык болезни указывает на упадок и гибель, физическую, духовную, моральную. Городские обозреватели непрерывно описывали атмосферу «упадка», «разложения», «развала», «декаданса», «вырождения» и «де-

⁶ Подписчик журнала «Жизнь для всех». *Голос из недр невежества // Жизнь для всех. 1913. №9. Сентябрь. С.1289–1290.*

⁷ Розенбах П.Я. *Причины современной нервозности и самоубийств // Петербургская газета. 1909. 26 апреля. С.3; Еришов. Заметки врача (восстановление нервного источника) (Из «Нового времени») // Петербургский кинематограф. 1911. 12 февраля. С.3; Андрианов С. Куда идет Леонид Андреев // Жизнь для всех. 1909. №12. Декабрь. С.127. См. также: Goering L. «Russian Nervousness»: *Neurasthenia and National Identity in Nineteenth-Century Russia // Medical History. Vol.47. №1. January 2003. P.23–46; Beer D. Renovating Russia: The Human Sciences and the Fate of Liberal Modernity, 1880–1930. Ithaca, 2008; Morrissey S. The Economy of Nerves: Health, Commercial Culture and the Self in Late Imperial Russia // Slavic Review. Vol.69. №3. Fall 2010. P.645–675.**

⁸ *Аз. Дети-ножжевщицы // Газета-копейка. 1908. 9 декабря. С.4. Похожую точку зрения см. в: Трагедия современной культуры // Церковный вестник. 1914. №27. 3 июля. С.809–812.*

градации» (смесь типичных понятий, позаимствованных или адаптированных из европейского лексикона), которая царила в таких больших городах, как Петербург, и зачастую распространялась ими на всю страну. Газетные журналисты и корреспонденты применяли понятия *вырождение* и *деградация* к социально неблагополучным элементам: к жестоким преступникам, распутникам, женщинам легкого поведения, пьяницам, современным художникам и самоубийцам, а иногда и ко всему городскому населению. Городские публицисты описывали эту эпоху как «психически ненормальное время», одним из основных признаков которого было общественное «настроение», для которого характерно превалирование невротической импульсивности над силой воли⁹. Многие критики отмечали, что современное человечество опускалось в своей моральной и духовной эволюции до уровня «дикарей», «зверей», «зоологических особей» и «жалких дегенератов, отошедших от мира разума в мир зоологии»¹⁰.

Особенно распространенными были разговоры об «упадке». Этот термин предполагал смесь ухудшения, разложения, распада и развала. Одних публицистов беспокоил «упадок веры и нравственности» даже среди верующих¹¹. Другие писали об «упадке самой цивилизации нашей»¹². Более того, упадок, казалось, был чертой, присущей именно *городской* цивилизации. Многие ужасы общественной жизни улицы, как-то: убийство, изнасилование, самоубийство и т.д., – обозначались именно таким образом: «Вот до какого нравственного упадка мы дошли»¹³. Городские публицисты также описывали вырождение общественных нравов посредством слов, имеющих разделительную приставку «раз-», несущую смысл разрушения и краха. Они писали о распространении «разброда»¹⁴, «развале нравственном»¹⁵, «развале духа»¹⁶, о людях, которые чувствовали себя

⁹ Барон Иерок. Двойные самоубийства // *Петербургская газета*. 1909. 19 апреля. С.3.

¹⁰ Например: Гридина О. Звериные нравы // *Газета-копейка*. 1910. 14 мая. С.3; *Трагедия современной культуры*. С.809–812; Слобожанин М. Из современных переживаний. Ч.1. Старая знакомая; Ч.2. «Под-человеки» нашего времени // *Жизнь для всех*. 1913. №1. Январь. С.115–125; №2. Февраль. С.310–322; См. также: Beer D. *Op. cit.*

¹¹ Религиозная теплохладность // *Церковный вестник*. 1909. №10. 5 марта. С.291; *Поссе. Общественная жизнь // Жизнь для всех*. 1912. №4. Апрель. С.705–706; *Антихрист // Петербургский листок*. 1914. 12 февраля. С.4.

¹² Меньшиков М. Гении счастья // *Новое время*. 1909. 13 июня. С.2.

¹³ *Петербургский листок*. 1908. 23 октября. С.2.

¹⁴ Притыкин. Кризис интеллигентской души // *Свободные мысли*. 1908. №46. 24 марта. С.2.

¹⁵ *Новое время*. 1909. 1 января. С.2.

¹⁶ *Развал духа // Церковный вестник*. 1911. №45. 10 ноября. С.1412.

морально и физически «разбитыми»¹⁷, и о вездесущем и ухудшающемся «разложении»¹⁸. Обычно реакция консервативных и религиозных кругов против современного декадентства была самой пылкой, однако светская и либеральная пресса также проявляли озабоченность вопросами морального и духовного распада. Разница состояла в том, что у консерваторов и религиозных людей была вера в существование выхода из этого положения: им было известно, что для этого необходимо предпринять. У светских либералов было больше сомнений.

Попыток определить причины этого духовного упадка было много. Некоторые утверждали, что он являлся результатом того болезненного состояния, в которое ввергли Россию 1905 год и период, следующий за ним. Консервативные публицисты считали причиной сами революционные волнения, либеральные публицисты были более склонны обвинять политические репрессии царского режима и разочарование, явившееся результатом послереволюционных ограничений политических и гражданских прав. Так, Дмитрий Жбанков, земский врач и публицист, писал, как и многие другие, что конец революции «загнал всех внутрь», распавля великую «жажду удовольствий и наслаждений, заставил при общей неуверенности в своем будущем и даже своей жизни "ловить момент"»¹⁹. Но, каковы бы ни были причины, большинство обозревателей соглашалось, что послереволюционная эра была отмечена «деморализацией», «цинизмом» и «падением нравов»²⁰.

Многие комментаторы, однако, считали, что сваливать вину на исторические обстоятельства было слишком уж просто. Скорее, думали они, более глубокие закономерности самого «прогресса» породили так много страдания и болезней. Один религиозный журналист писал, что современный «прогресс» оказался не продвижением вперед к облагораживанию человечества, а к «дегенерации человечества», растущему «озверению» человека и личности²¹. Или, как утверждал консервативный газетный обозреватель Михаил Меньшиков, последние полстолетия доказали, что «эволюция... тянет вниз, а не вверх»²².

¹⁷ Зорин А. [Гастев] Рабочий мир // Жизнь для всех. 1911. №8. Август. С.1075.

¹⁸ Португалов В. В области культуры // Весна. 1908. №1. 6 января. С.3 (первоначально опубликовано в «Новом времени»).

¹⁹ Жбанков Д. Современные самоубийства // Современный мир. 1910. №3. Март. С.47–48; Его же. Половая преступность // Там же. 1909. №7. Июль. С.67–68.

²⁰ Новое время. 1909. 1 января. С.2; Пчела. Культ разврата // Петербургский листок. 1908. 8 декабря. С.2.

²¹ Трагедия современной культуры. С.809–812.

²² Меньшиков М. За полстолетия // Новое время. 1909. 28 февраля. С.2.

Более либеральные газетные эссеисты также выражали подобную тревогу о прогрессе: в лучшем случае, сказал один журналист, современность, похоже, была отмечена противоречивой смесью гуманизма и растущего зверства²³. Такой взгляд на вещи был присущ, конечно, не только России. Российские городские публицисты в начале XX века вторили, зачастую оознавая, что делают, европейским комментаторам, которые еще в XIX столетии утверждали: «мы больны прогрессом», симптомы которого – «нервозность», «истерия» и «современная меланхолия»²⁴. Пользуясь формулой классической декадентской метафоры, можно сказать, что современный прогресс стал раной, которая не заживает.

Деморализация

Моральный распад был определяющим симптомом этого гниющего общества, что, собственно, подводит нас к теме человека и личности. В

связи с этим мы находим еще одно широко распространенное в прессе понятие, охватывающее конкретные формы морального распада, – разврат. Это многообразное понятие использовалось в широком диапазоне, определяя поведение от нескромного до аморального, в том числе сексуального, но не ограниченного им. Слово «разврат» применялось не только к явным «притонам разврата», но и гораздо шире: к ресторанной жизни, к азартным играм, к жизни полусвета, к распущенным женщинам и к развратным мужчинам. «В нашей столице, – утверждал один обозреватель, – разврат приобрел ореол общедоступного "культа разврата"»²⁵. В качестве символа Петербург многим наблюдателям напоминал «настоящий Вавилон», со своим сумасшедшим «разгулом и беснованием»²⁶, а также со смесью эгоизма, скуки и «дешевого развлечения»²⁷. Он также напоминал «современный Содом», где, как писала

²³ Новицкий В. Зверь – в человеке // *Петербургская газета*. 1909. 6 апреля. С.1.

²⁴ Calinescu M. *Five Faces of Modernity*. Durham: Duke University Press, 1987. P.167–168 (цит. Эдмона и Жюля Гонкуров и Эмilia Золя); Pick D. *Op. cit.* – Макс Нордау позже описал «вырождение» в точно таких же выражениях – нервозность, истерия, усталость, меланхолия – хотя пытался опираться на «научные» теории Бенедикта Мореля и Чезаре Ломброзо (Nordau M. *Degeneration*. N.Y.: D.Appleton, 1895. Особенно: Part 1. *Fin-de-Siècle*).

²⁵ Пчела. *Культ разврата*. С.2.

²⁶ Скиталец. Вавилон на час // *Газета-копейка*. 1911. 2 января. С.4–5; Футуризм // *Церковный вестник*. 1914. №27. 3 июля. С.825–826. См. также: Бебутова О.Ф. *Наш Вавилон (Роман из петербургской жизни)* // *Петербургский листок*. 1913. 28 февраля. С.1.

²⁷ *Огонек*. 1908. №17. 27 апреля / 10 мая. Обложка.

штатный обозреватель «Газеты-копейки» Ольга Гридина, «доброта, бесхитрость, доверчивость» совершенно ушли из общественной жизни, так что даже Бог не смог бы найти ни «одн[ого] праведного», ради которого можно было бы спасти город²⁸.

Многие утверждали, что в основе этого общественного «разврата» была присущая ему «деморализация»²⁹. Ее описывали по-разному, нередко повторяя знакомые европейские штампы упадничества и дегенерации. Религиозные публицисты, всегда особо внимательные к признакам духовного упадка, постоянно выражали отчаяние по поводу фактов «грубости» и «одичания» в общественной жизни, о которых регулярно сообщала ежедневная пресса³⁰. Светские городские публицисты по большей части писали о том же. Многие писали о «цинизме». О том, что манеры общения, словарный запас и разговоры, общая духовная атмосфера выражали нескрываемое презрение к традиционным культурным и духовным ценностям³¹. Другие указывали на то, что нравы «ожесточаются»³² до такой степени, что люди становятся все больше похожими на дикарей и скотину. Распространенным понятием в этой критике культуры общества было слово *безобразие*, обозначающее уродство, возмущение и позор. В лингвистическом плане это слово содержит не просто понятие морального преступления, но ассоциируется с представлением о внешнем физическом дефекте.

Как видим, личность, особенно духовная личность, была в центре темы уродства и упадка современной жизни. Многие публицисты объясняли упадок культуры новым современным духом «эгоизма», «индивидуализма» и культа собственного «я»³³. Например, для журналиста и писателя Михаила Энгельгардта самым явным «признаком времени» было «чудовищное развитие эгоизма, всеобщее "спасайся, кто может", торжество

²⁸ Например, о Санкт-Петербурге, как «современном Содоме», см.: Гридина О. Камни // Газета-копейка. 1911. 18 мая; Вадим. Свет во тьме // Там же. 1913. 3 марта. С.5–6.

²⁹ Пчела. Культ разврата. С.2.

³⁰ Нравственная растерянность русского общества // Церковный вестник. 1913. №10. 7 марта. С.299–301. См. также: Там же. №3. 17 января. С.75–77; №8. 21 февраля. С.237–240; №40. 4 октября. С.1259.

³¹ Например: Пчела. Культ разврата. С.2; На Лиговском бульваре // Газета-копейка. 1909. 23 июня. С.3; Граф Амори. Тайны Невского проспекта. Пг., 1915. С.19.

³² Трофимов В. «Жестокое у нас нравы...» // Газета-копейка. 1909. 4 апреля. С.3; Теософическое обозрение. 1908. №7. Апрель. С.487.

³³ Весна. 1908. №5. 3 февраля. С.35; Теософическое обозрение. 1908. №7. Апрель. С.487. – Это перекликается с тем, что Нордау называл вырожденческим «истерическим» фокусированием на «собственном Я» (Nordau M. Op. cit. P.26).

шкурного начала» в «самых... растленных формах»³⁴. Наблюдая накапливающую «волну грубой чувственности», Гридина обвиняла растущий культ эгоизма: «Где они, – спрашивала она, – чистые, нежные, добрые, способные забывать свое "я"... их нет. Все жестокие и угрюмые себялюбцы, для которых вся вселенная дешевле, чем их злое: "Я хочу!"»³⁵ Многие публицисты определяли ведущую философию дня как патологически необузданную погоню за наслаждением: «лови момент», «польз[уйся] настоящей минутой», «жги свою жизнь», – все это с полным пренебрежением и к прошлому (которое было утеряно), и к будущему (которое может никогда не наступить), не говоря уже о духовном здоровье отдельной личности. Современная городская жизнь не только поощряла это желание жить напряженно и страстно, но и поддерживала зловредную веру, что это был путь к личному счастью или хотя бы к забытию. Публицисты же, наоборот, настаивали на том, что это был путь к «отвращению», физической и экзистенциальной усталости, саморазрушению и, в конечном счете, к жажде смерти³⁶.

Не все городские писатели были так пессимистичны – некоторые даже видели в этом новом современном духе возможность освобождения личности от ограничений прошлого³⁷. Но и эти модернистские взгляды могли содержать в себе скрытое отчаяние. В 1913 году, например, статья в журнале «Жизнь для всех» выражала сочувствие зарождающейся философии «эгоцентризма и индивидуализма» как протеста «я» против стадного чувства, против подавления «священного огня божества» в каждой человеческой личности. И все же этот идеал, как и все ценные идеи того времени, был с изъяном: «таковы плоды мыслей нашего упадочного безвременья»³⁸.

Близкой по смыслу к эгоизму была набирающая популярность этика «индифферентизма». Всему времени давалось определение духовного и морального «очерствения сердца»³⁹, «враждебной подозрительности к

³⁴ Энгельгардт М.А. Призраки времени // Свободные мысли. 1908. 4 февраля. С.1–2.

³⁵ Гридина О. Грязный поток // Газета-копейка. 1910. 27 февраля. С.3.

³⁶ Фалькс. Зачем мы живем? // Теософическое обозрение. 1907. №3. Декабрь. С.130; Львов-Рогачевский В. М.Арцыбашев // Современный мир. 1909. №11. Ноябрь. Ч.2. С.26; Жбанков Д. Половая преступность. С.64; Его же. Современные самоубийства. С.50; Розанов. О самоубийствах // Самоубийство: Сборник статей. М.: Заря, 1911. С.44, 46, 55, 56; Бронзов А. Самоубийство // Церковный вестник. 1912. №5. 2 февраля. С.140.

³⁷ Федоров А. Одна // Петербургский кинематограф. 1911. 16 февраля. С.2.

³⁸ Слобожанин М. Из современных переживаний. Ч.41. «Я» и окружающая среда // Жизнь для всех. 1913. №7. С.1019–1021.

³⁹ Подписчик журнала «Жизнь для всех». Голос из недр невежества. С.1289–1290.

каждому незнакомому человеку»⁴⁰, широко распространенных «равнодушия» и «апатии», «цинизма», «теплохладности», отсутствия сочувствия к другим и «бесстрастности»⁴¹. Ассоциация безразличия с городской жизнью была шаблоном: «...улицей встретятся, мимо мелькнут, взоры скрестят равнодушно»⁴². Вот то плачевное, по всей видимости, состояние, к которому пришел современный человек, современная личность.

**Секс в большом городе:
погибшее «я»**

Секс уже давно является предметом всеобщего обсуждения. И не только из-за своей имманентной привлекательности, но и потому, что, как

указывают многие ученые и теоретики, секс является метафорой для других многочисленных явлений, таких как:

понятие личности (особенно по отношению к современным понятиям о личном достоинстве и индивидуальности),

удовольствие и опасность, заключенные в предоставлении социальной свободы алчущему индивидууму;

конфликт между рациональным контролем над собой и либидной страстью;

меняющиеся роли мужчин и женщин (даже перестройка понятия рода как такового);

общественный контроль;

иерархии общественной власти и дисциплины.

В России, как хорошо продемонстрировала Лора Энгельштайн, эти вопросы стремительно вынесло на поверхность общественной жизни и общественных дебатов. Эта тенденция проявилась особенно явно после волнений 1905 года, которые многим показались формой либидных чрезмерностей. По мере того, как образованное население России все более нервничало по поводу, например, морально разлагающего влияния современной городской жизни, неразумности и желаний низших классов, а также опасностей, связанных с поисками удовольствия, в сексе начинали видеть причину всех бед. В широком понимании желание, в особенности его общественные проявления, стало все чаще ассоциироваться с неповиновением, беспорядком, неразумностью и даже

⁴⁰ *Либерсон М. Страдание одиночества. СПб., 1909. С.31–32.*

⁴¹ *Например: Религиозная теплохладность. С.289–292; Либерсон М. Указ. соч. С. 31–32; В паутине разврата // Петербургский кинематограф. 1911. №19. 19 марта. С.2; Гридина О. Камни. С.3, 7;*

⁴² *Вегенов В. В городе и в глуши // Газета-копейка. 1909. 20 февраля. С.3.*

хаосом, превращаясь в явление, вызывающее ужас и потребность это явление описывать, регулировать и контролировать⁴³.

В публицистике на тему общественных проявлений сексуальности просматривается усугубляющееся нервозностью и паникой отношение к сексуальным нравам как к нездоровой экстравагантности, отсутствию воздержания и чувства меры, а также пересечению границ разумного. Метафоры, описывающие половую жизнь как общественное явление Петербурга, подчеркивали именно эту декадентскую чрезмерность: то были «эротические бури», «вульгарная пляска»⁴⁴, «половая вакханалия»⁴⁵. Такие метафоры, как «травматическая эпидемия»⁴⁶ и «истерически настроенные»⁴⁷, приближали наблюдаемую чрезмерность к диагностике заболевания. Хотелось бы подчеркнуть общественный характер этих вопросов – пресса (которая сама по себе является общественным ведомством) была очень озабочена именно отношениями между людьми на улице или в общественных местах, таких, например, как рестораны, а не интимными или частными отношениями. Как подчеркивала Энгельштайн, эти вопросы были близки к проблемам беспорядка и контроля как объекта власти. Но драма секса в обществе содействовала распространению еще большей озабоченности тем, что современное общество не просто вышло из-под контроля, а что оно приходит в упадок.

И снова болезнь выступает основной метафорой. Газетная реклама на половую тематику постоянно подчеркивала связь болезней с половой жизнью⁴⁸. Эссеисты также отмечали, что современная половая жизнь была «нервной», «истеричной» и «патологической» – одним словом, смертельной болезнью, разрушающей тело и душу отдельного человека и общества в целом. Например, репортаж о современной петербургской богемной жизни описывал большинство обитателей заведений в роде

⁴³ Engelstein L. *The Keys to Happiness: Sex and the Search for Modernity in Fin-de-siècle Russia*. Ithaca: Cornell University Press, 1992. См. также: Эткнд А. *Содом и Психея: очерки интеллектуальной истории Серебряного века*. М.: ITS-Гарант, 1996. – О неестественной ситуации, о стрессе, связанном с вожделем и страхом в современном большом городе, см. также: Walkowitz Ju. *City of Dreadful Delight: Narratives of Sexual Danger in Late-Victorian London*. Chicago: University of Chicago Press, 1992.

⁴⁴ Михайлович Н. *Политика и эротика // Свободные мысли*. 1907. 8/21 октября. С.1–2.

⁴⁵ Д. *Половая вакханалия // Газета-копейка*. 1909. 27 июля. С.3.

⁴⁶ Жбанков Д. *Половая преступность*. С.91.

⁴⁷ Львов-Рогачевский В. *Указ. соч.* С.26; Чулков. *Ревнителю слова // Запросы жизни*. 1910. №1. 5 января. С.28.

⁴⁸ *Газета-копейка*. 1910. 23 мая. С.6; *Петербургский листок*. 1910. 11 июля. С.10; *Петербургский кинематограф*. 1911. №12. 12 февраля. С.1, 4. См. также: Engelstein L. *Op. cit.* P.260–269, где подчеркивается коммерциализация и маркетинг секса.

«Квисисаны» не только физически больными, но и гордящимися этим: как форма декадентства, болезнь вошла в моду⁴⁹.

Вызывала тревогу повсеместность «порнографии». Комментируя в 1912 году международный закон, нацеленный на ограничение ее потока, эссеист журнала «Церковный вестник» жестко критиковал порнографию как «ржавчину» и «яд», «точащий ум, мозг, и кости современного человечества». Он наблюдал это гниение везде: не только в современных литературе и искусстве, но и во всей жизни «современного человека», в которой можно найти столько «безнадежного эпикурейства», столько «безумного» внимания к «"телу" и похотям его», такое огромное количество популярных порнографических изданий и даже процветание таких идеологов, как Василий Розанов, которые оправдывали порнографию философией⁵⁰. Многие критики клеймили литературу того времени, как мало отличающуюся от коммерческой порнографии, а некоторые открыто так ее и называли⁵¹. Литературные «герои» нашего времени, писал уже знакомый нам доктор Жбанков, «только и думают, и говорят, как бы обладать девушкой, а героини и ждут, и мечтают, чтобы их кто-либо взял». Того хуже, современные ему писатели казались или «пресыщенными людьми, или импотентами» такого порядка, что «[на них] не действуют обычные возбудители», поэтому и пишут они не об «обычном», а об «извращенном» сексе⁵².

Считалось, что в этом декадентском литературном вихре границы между «высокой» и бульварной литературой стирались. Серьезные писатели (Михаил Кузмин, Василий Каменский, Леонид Андреев, Александр Куприн, Зинаида Гиппиус и Федор Сологуб) в моральном и философском плане считались почти неотличимыми от намного менее талантливых бульварных писателей (вроде Михаила Арцыбашева). Ведь все они жили одним и тем же примитивным и зачастую греховным эротизмом и все вместе поклонялись новым богиням века: Диане, Минерве,

⁴⁹ Ангаров Ю. Квисисана // *Новые петербургские труппы*. СПб., 1909. С.11–17.

⁵⁰ Филевский. О борьбе с порнографией // *Церковный вестник*. 1912. №17. 26 апреля. С.510–513. См. также: Бронзов А. Печальное знамение времени // *Там же*. №12–13. 22 марта. С.372; *Петербургский листок*. 1910. 24 апреля. С.4.

⁵¹ Пчела. Культ разврата. С.2; Буренин В. *Критические очерки* // *Новое время*. 1909. 15 мая. С.3; См. также: Новополн Г.С. *Порнографический элемент в русской литературе*. СПб.: Книжный склад М.М.Стасюлевича, 1909; Левитт М. *Топорков А., ред. Eros and Pornography in Russian Culture / Эрос и порнография в русской культуре*. М.: Ладомир, 1998.

⁵² Жбанков Д. *Половая преступность*. С.65.

Венере⁵³. По словам правого критика Виктора Буренина, современные писатели, особенно когда они брались объяснять «современную жизнь», участвовали в групповой «беллетристической мастурбации», а их поддерживали критики (в особенности «критические жида», которых Буренин винил более остальных в поддержке культурного вырождения), книги и статьи которых «проглатывала» публика, предпочитающая порнографию всему остальному⁵⁴.

Сильные опасения по поводу деградации, пресыщения, утраты воздержанности и потери контроля – проявлениях изуродованной и больной личности – часто возникали в связи с таким явлением, как гомосексуализм. Опасения эти становились тем сильнее, чем видимее и публичнее становилось это «прегрешение». В Петербурге начала XX века, например, улица была основным местом для интимного общения и поддержки связи гомосексуалистов, тем самым соответствуя общей тенденции роста значимости общественных мест в общении людей между собой в городе в целом⁵⁵. В яростной, полной отвращения реакции прессы гомосексуальность представлялась составной частью городского морально опустившегося ландшафта, еще одним аспектом «темного Петербурга», вместе с его хулиганами, ворами и убийцами⁵⁶. Самый авторитетный современный текст по этому предмету – сентенциозный, щекошливый памфлет «Гомосексуальный Петербург», принадлежавший перу журналиста В.Р.Руадзе, в котором отмечалось, что то, что раньше пряталось как частное или вообще засекреченное в тайных глубинах подавленного сознания, теперь буквально гуляло по городским улицам, экстравагантно себя рекламируя⁵⁷. Гомосексуальность как явление стала ярче проступать и в литературе, за что критики писателей ругали. Специалисты вроде доктора Жбанкова волновались о вредном влиянии литературы, которая теперь искала стимула не в здоровой любви или нормальной сексуальности, а в «извращенных... по-

⁵³ Аничков. Коллективизм, сверх-человек и сверх-любовь // Современник. 1912. №10. Октябрь. С.143.

⁵⁴ Буренин В. Указ. соч. С.3, 9.

⁵⁵ Руадзе В.П. К суду!.. Гомосексуальный Петербург. СПб., 1908; Нравы Невского проспекта // Газета-копейка. 1910. 2 апреля. С.5; Healey D. *Homosexual Desire in Revolutionary Russia: The Regulation of Sexual and Gender Dissent*. Chicago: University of Chicago Press, 2001. Chapter 1. О сложных, но важных отношениях между городским общественным пространством и гомосексуальной идентичностью и практикой см.: Houlbrook M. *Queer London: Perils and Pleasures in the Sexual Metropolis, 1918–1957*. Chicago: University of Chicago Press, 2005.

⁵⁶ Например: Арест быв. Иеромонаха-убийцы // Петербургский листок. 1910. 12 мая. С.4.

⁵⁷ Руадзе В.П. Указ. соч. С.113.

ловых отношениях», в том числе «мужеложестве и лесбийской любви и даже скотоложестве»⁵⁸ ..

Женщины в общественной сфере традиционно считались, по определению ученых, «неполноценными субъектами», т.е. существами слабохарактерными и сильно подверженными влиянию, скорее жертвами, чем виновницами аморальных проступков. По этой причине, с одной стороны, они были более чувствительны к моральным беспорядкам и разложению общественной жизни, а с другой стороны, являлись символом таковых⁵⁹. В связи с этим российские городские публицисты постоянно и бурно обсуждали опасности, которым женщины подвергаются на улицах города. Публицисты, конечно, отдавали должное возможностям, предоставленным упадком «дедовских обычаев», позволявшим женщинам выйти из дома без мужского сопровождения. Но в то же время признавали, что в эти «жестокие» и «лукавые» времена эмансипированные женщины впервые сталкивались с риском плохого обращения, а следовательно, и с риском нанесения вреда их личности⁶⁰. Рассказом о «падении» женщин после контакта с декадентской улицей не было конца. Типичное повествование начиналось с того, что простая деревенская девушка приезжала в столицу поработать, но вскоре она становилась жертвой уличного соблазна: мод, духов, «воздыхателей» мужского пола, танцев, шампанского. Эти истории обычно заканчивались смертельной усталостью от «чада жизни» и потерей иллюзий⁶¹. Мифическая основа таких рассказов – рабочая женщина в образе невинной девушки и кровопиец-мужчина в роли ненасытного «волка»⁶² – была типична не только для России. Как и во многих других модернизирующихся обществах, женщины, «преступившие непрочную границу, отделяющую дом с очагом от общественной арены», попадали в соблазнительный городской «лабиринт», насыщенный ощутимой и символической «сексуальной опасностью»⁶³. Неспособность мужской общественной власти защитить женскую личность доминировала в тематике этих повествований.

⁵⁸ Жбанков Д. Половая преступность. С.65. См. также: Engelstein L. *Op. cit.* P.388–391; Healey D. *Op. cit.* P.101–102, 106; Match O. *Op. cit.*

⁵⁹ Среди многих релевантных обсуждений теорий и контекста особенно актуальны в настоящее время классические работы: Walkowitz Ju. *Op. cit.*, и для России: Engelstein L. *Op. cit.*

⁶⁰ Федоров А. Одна // Петербургский кинематограф. 1911. 16 февраля. С.2.

⁶¹ Например: Петербургский листок. 1907. 6 мая. С.7; «Наш полусвет» // Приложение к журналу «Шут». 1911. №.5.

⁶² См.: Вадим. Красная шапочка // Газета-копейка. 1913. 14 июля. С.4.

⁶³ Walkowitz Ju. *Op. cit.* P.3–7, 15–18, 50–52, 97–105 и след.

Однако во многих историях этого плана существовала тревожная двойственность по отношению к женской сексуальности. Это, в частности, проявлялось в использовании эвфемизмов для описания «падших» женщин. В то время как женщины, занятые «позорным ремеслом» или «позорной профессией», несомненно, были проститутками, лексика, употреблявшаяся для описания декадентских женщин, живших на виду у общества, относилась и к профессиональным проституткам, и к женщинам, свободно наслаждающимся популярной «половой вакханалией». Так, обе группы называли «ночными феями», «ночными бабочками», «свободными жрицами любви», «рабынями веселья», «веселыми девицами» и «погибшими, но милыми созданиями» полусвета (последнее – из заголовка очерка Александра Левитова 1862 года). В этих двусмысленных понятиях и повествованиях проявляется парадоксальная мораль: веселье, наслаждение и даже любовь связаны с притворством, унижением, разочарованием, стыдом и самоубийством.

Симпатии к женщинам, как невинным жертвам, заменялись опасениями, отвращением, презрением и страхом. Из невинных деревенских девиц женщины превращались в декадентских городских мегер, из милых, простых «Машенок» – в экзотичных, обворожительных, но опасных «Мэри»⁶⁴. Таким образом, вместе с текстами об испытаниях, выпадающих на долю женщин, столкнувшихся с общественной сферой, были тексты, где женщины сами становились испытанием для мужчин, не имеющих никакого представления о женских кознях. Женщины полусвета вложили свой вклад в разложение общественной жизни⁶⁵. «Богини» любви и моды рыскали по вечерним улицам в поисках «жертвы», писала Вера Недешева в памфлете 1906 года о Невском проспекте⁶⁶. Многие сообщения подчеркивали опасный женский взгляд: по словам одного из них, «глаза своею стрельбою / Напоминают пулемет», который «чарует, манит, и зовет»⁶⁷. Несомненно, настаивали разные публицисты, в самой природе новой эмансипированной «современной жен-

⁶⁴ См. серию рассказов автора «Кн. О.Б-ва» под названием «Чья жертва?» (Петербургский листок. Особенно: 1909. 2 апреля. С.2; 6 апреля. С.1; 7 апреля. С.2; 7 мая. С.2; 22 мая. С.2).

⁶⁵ «Наш полусвет» // Шут. 1911. №3. С.6. – В оригинале есть умышленные недоговоренности.

⁶⁶ Недешева В. Невский проспект: очерк. СПб.: Тип. Мин-ва внутренних дел, 1906. С.3–4, 10.

⁶⁷ Петербург ночью // Приложение к журналу «Шут». 1911. №3. 12 ноября (без пагинации); Никитин Н.В. Петербург ночью. СПб., 1903. С.99.

щины» было заложено искусство манипулирования своей сексуальностью, для того чтобы добиться власти над другими⁶⁸.

Та же двусмысленная лексика наблюдается в рассказах о проституции. Уже к самому концу XIX века моральное падение женщин напрямую связывалось с состоянием современного города⁶⁹. После 1905 года вопрос о «грязной, скользкой тропе», способствующей падению женщин, встал еще более остро, так как рассматривался частью целой массы признаков упадка. Некоторые изображали этот путь в драматических и мелодраматических тонах, особенно если личность была центром повествования. С точки зрения Недешевой, проституция была порождена обществом, в котором женщины не считались человеческими существами и в котором «душа человеческая... ни во что не ценится»⁷⁰. Феминисты вместе с социалистами, которые, к отчаянию своему, наблюдали, как даже «сознательные» рабочие ходят к проституткам, видели «сущую гадость» современной социальной и интеллектуальной жизни и в унижительном отношении к женской личности⁷¹.

В то же время публицисты часто изображали проститутку безо всякой симпатии бесстыдными, агрессивными и опасными, действовавшими активно и сознательно⁷². Как продемонстрировали Лора Энгельштейн и Лори Бернштейн, медицинские работники, правозащитники и гражданские активисты открыто обсуждали, являются ли проститутки продуктом социальных условий («жертвами социального темперамента») или уродженными выродками – последнее было суждением, на которое повлияла западная криминальная антропология, в особенности работы Чезаре Ломброзо⁷³. Однако, как утверждал доктор Борис Бентовин, это была не природная патология. Эти женщины стали такими из-за «социальных условий жизни», из-за «бездны нужды» и морального

⁶⁸ Например: *Женщина в спальне // Приложение к журналу «Шут». 1911. №1 (без пагинации); Черский П. Парадоксы современности // Новый журнал для всех. 1914. №4. Апрель. С.51–52.*

⁶⁹ Михневич В. *Язвы Петербурга: Опыт историко-статистического исследования нравственности столичного населения.* СПб.: Тип. Ф.С.Суцинского, 1886. С.147–150; Никитин Н.В. *Указ. соч.* С.55–59; Bernstein L. *Sonia's Daughters: Prostitutes and their Regulation in Imperial Russia.* Berkeley: University of California Press, 1995. P.191–232, 265–295.

⁷⁰ Недешева В. *Указ. соч.* С.11–16.

⁷¹ Зорин (Гастев) *Рабочий мир: о женщине // Жизнь для всех. 1912. №3. Март. С.449–457.*

⁷² См.: Engelstein L. *Op. cit. Chap. 7.*

⁷³ *Ibid.* P.130–144, 289–290, 293–295 (Цитаты из кн.: Тарновский. *Проституция и аболиционизм.* СПб., 1888). См. также: Bernstein L. *Op. cit.* P.126–128, 172–175, 194–195; Бентовин Б. *Торгующие телом: очерки современной проституции.* 3-е изд. СПб., 1910. С.154, особенно С.1–67, 126, 140, 144, 232.

падения в среде городской бедноты⁷⁴. Одним словом, падшие женщины одновременно были и жертвами, и деятелями вырождающегося общества. Если выразиться языком того времени (таким же неумеренным, как и само время), то были больные, падшие, поломанные, деморализованные и даже адские времена. Личность человека была тому и виной, и самой великой жертвой.

Убивая время в веселящемся Петербурге

Конечно, городская жизнь не была исключительно порочной и мрачной. Газетные рассказы о жизни в городе, особенно ночной, были переполнены описаниями мест для «смеха и веселья»⁷⁵. Для тех, у кого были деньги, существовали музыкальные вечера, опера, балет, театр, концерты, балы, частные вечера, рестораны, кафетерии, кабаре, кафешантаны и катки для роликовых коньков. Существовали места, доступные почти для всех, такие, как популярный театр, «увеселительные сады», цирк, кинематограф и зрелищные виды спорта (борьба, автогонки, авиашоу, футбол и атлетические соревнования). Здесь можно было найти, по определению газет, «веселящийся Петербург»⁷⁶. Здесь, царила атмосфера, в которой старый поэтический идеал «вина, песни и любви» превращался в «программу современную» «попоек, кафешантанов и женщин». Основная цель была в том, чтобы «время просто убить»⁷⁷.

Несмотря на это, веселящийся Петербург часто преподносился сквозь темную линзу моральных и философских опасений, в особенности когда речь шла о внутреннем состоянии человека и личности. Известный корреспондент «Газеты-копейки», взявший псевдоним Скиталец, в 1911 году писал, что «разгул и беснование» во время празднова-

⁷⁴ Бентовин Б. Указ. соч. Особенно С.1–67, 126, 140, 144, 232. Раннюю версию некоторых из этих материалов см.: Торгующие телом // Русское богатство. 1904. №11–12. Ноябрь–декабрь. С.80–113; 137–176. См. также: Bernstein L. Op. cit. P. 172–175; Engelstein L. Op. cit. P.289–290, 293–295.

⁷⁵ Петербургский кинематограф. 1911. 12 января. С.2.

⁷⁶ Фраза, часто использовавшаяся в газетах, таких, например, как «Газета-копейка» (1908. 20 июня. С.3) или «Петербургский листок» (1910. 15 января. С.4–5), дала название серии книг Ю.Л.Алянского (Веселящийся Петербург. СПб.: Петербургский клуб миниатюристов, 1992), основанной на обширной картотеке о дореволюционных развлечениях в Санкт-Петербурге, собранной историком-любителем Германом Ивановым (1908–1991). См. также тексты и обсуждение в: Geldern J. von, McReynolds L., eds. Entertaining Tsarist Russia: Tales, Songs, Plays, Movies, Jokes, Ads, and Images from Russian Urban Life, 1779–1917. Bloomington: Indiana University Press, 1998. Part V.

⁷⁷ Скиталец. Опасное похмелье // Газета-копейка. 1910. 16 ноября. С.6.

ния Нового года в городе напоминало древний Вавилон. Люди, казалось, были «охвачены каким-то безумием», хотя кто поставит в вину «современным вавилонянам», – спрашивал он, – это отчаянное веселье «по печальным путям борьбы, под тяжелой ношей забот», «под бременем разочарований»? Кто бы поставил петербуржцам в вину приятный «самообман», будто оказались в «Вавилоне на час»?⁷⁸.

Публицисты постоянно подчеркивали, что иллюзия и эскапизм – то есть «убиение времени» – были в основе таких настроений. Кинематографу, например, приписывалась заслуга в том, что он создавал необходимый мир «забвения» и «иллюзии»⁷⁹. То же говорилось и о пьянстве, потреблении кокаина и других наркотиков, а также о жизни кабаке в городе. Беда была в том, волновались многие публицисты, что все эти приятные «иллюзии» выльются не в настоящее счастье, а в «тяжелое похмелье разочарования, тоску несбыточной свободы, отчаяние переоценившей свои силы личности»⁸⁰. Доктор Жбанков также писал о вакханальной философии дня, в которой, казалось, «ничего не должно стоять между человеком и счастьем». На самом же деле эта философия вела человека к «разочарованию, пресыщению, полной неудовлетворительности и отвращению»⁸¹.

Разочарование

Ключевым словом эпохи было *разочарование* – лейтмотив в общественном обсуждении городской жизни. Более широким контекстом для этого можно считать ставшее популярным понятие эмоций. Журналисты, репортеры, эссеисты, фельетонисты, врачи, философы и другие городские публицисты и активисты были поглощены, по их определению, мыслями об «общественном настроении». Один журналист назвал весь период беспрецедентной «эпохой настроений»⁸². Эмоции объединяют общественное с личным, обеспечивая взаимопроникновение общества и личности⁸³. Спектр общественных эмоций был широк – от

Ключевым словом эпохи было *разочарование* – лейтмотив в общественном обсуждении городской жизни. Более широким контекстом для

⁷⁸ Скиталец. Вавилон на час. С.4–5.

⁷⁹ Клейнборг Л. Кинематограф // Новый журнал для всех. 1912. №6. Июнь. С.99–103.

⁸⁰ Ашкинази. От индивидуализма к богостроительству // Новый журнал для всех. 1909. №6. Апрель. С.96.

⁸¹ Жбанков. Половая преступность. С.67–68; Его же. Современные самоубийства. С.48 (см. также с.53).

⁸² Моловер. Эпоха настроений // Весна. 1908. №6. 10 февраля. С.44 (перепечатка из «Столичной почты»).

⁸³ Смотри обширную теоретическую литературу, например: Lutz C. S., Abu-Lughod L.,

экстаза до убийственного отчаяния. Но преобладающим настроением, царившим в межреволюционной городской России, по крайней мере, по словам тех, кто одержимо писал о нем, было темное облако чувств, сквозь которое настоящее и будущее воспринимались с тревогой и душевным страданием. Многие популярные понятия пытались передать это настроение. Например, «*тоска*» – сложное ощущение, связанное с потерей и желанием вернуть потерянное, – было особенно популярно (и зачастую объяснялось «одиночеством» и «оторванностью личности», определяющими жизнь большого города)⁸⁴. Широко распространены были «печаль», «уныние», «отчаяние», «растерянность», «нервозность», «беспросветность», «пессимизм» и «трагизм». К некоторым из них я еще вернусь. Здесь же мне хотелось бы подчеркнуть «разочарование» в качестве одного из самых важных интерпретационных понятий того времени, которое было наиболее тесно связано с жизненным опытом человека и личности в тогдашней городской жизни.

Поздним летом 1907 года (временем, особо важным с политической точки зрения) один газетный журналист описывал появление этого «особого термина» – «*разочарование*», как способа передачи распространяющегося «общественного уныния». Упор делался на *политическое* разочарование и неудовлетворенность, отражавшие потерю гражданского энтузиазма и надежд, которые так вдохновляли многих в 1905 году⁸⁵. Наблюдатели описывали людей (а иногда и себя) «блуждающими во тьме без идеала»⁸⁶, без ясных перспектив на будущее, без определенных «надежд и упований»⁸⁷, признав «бессмыслицу и бесцельность жиз-

eds. Language and the Politics of Emotion. Cambridge, Eng.: Cambridge University Press, 1990; Reddy W. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge, Eng.: Cambridge University Press, 2001; Ahmed S. The Cultural Politics of Emotions. N.Y.; Routledge, 2004; Ngai S. Ugly Feelings. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2005; Rosenwein B.H. Emotional Communities in the Early Middle Ages. Ithaca: Cornell University Press, 2006. См. также мою работу: Steinberg M. Melancholy and Modernity: Emotions and Social Life in Russia between the Revolutions // Journal of Social History. Vol.41. №4. 2008. P.813–841.

⁸⁴ Гуревич Л. Литература нашего времени // Новый журнал для всех. 1909. №3. Январь. С.102; Гордон Г. Об одиноках // Там же. №7. Май. С.85, 88; См. также: Ашкинази. Указ. соч. С.106.

⁸⁵ Базилевич Б. Мнимые страхи // Свободные мысли. 1907. №13. 13 августа. С.2. См. также, например: Весна. 1908. №2. 13 января. С.10–11; Церковный вестник. 1910. №1. 7 января. С.3 (о разочаровании последних четырех лет).

⁸⁶ Христос Воскресе! // Теософическое обозрение. 1908. №7. Апрель. С.488.

⁸⁷ К вопросу о современных задачах пастырства. С.1572–1573.

ни»⁸⁸. Это было разочарование, порожденное сильным экзистенциальным чувством потери и ощущением потерянности – утраты точки опоры, смысла, идеалов, веры. Другими словами (обратите внимание на нежелание ограничить это отчаяние одной только Россией), «человечество потеряло надежду», оставив в душе человека только чувство «пустоты и бессмысленности жизни»⁸⁹. Озабоченные духовным состоянием общества, религиозные публицисты были особо чувствительны к распространению «разочарования сердца»⁹⁰. Но даже они часто признавали, что потеря веры может быть намного глубже и сложнее, чем разочарование религиозного порядка. Экзистенциальный скептицизм, казалось, заразил общественную психику. По словам передовицы 1913 года в одном издании религиозной академии, «современная жизнь» ведет к «разочарованию во всем, что окружает», и к «безнадежности в том, что будет». Для «современного человека» это был основной способ эмоционального восприятия мира (его мироощущения), везде оставивший «роковой отпечаток» «скепсиса, разочарования, безнадежности»⁹¹. Даже массовая культура, включая самые ее примитивные формы, отразила эту атмосферу разочарования. Отрывок из «романа настроений», опубликованный в кинематографической газете, в клишированной форме представил характерного для того времени героя, терзающегося, с его же слов, «тоской одиночества, горьким чувством разочарования, сознанием суетности и ненужности, мелочностью всего... окружающего»⁹².

Когда журналисты и другие общественные комментаторы пытались *объяснить* это настроение, основной упор делался на социум и современность. Хотя эти общественные чувства были воплощены и возвращены в собственном «я» (в форме эмоций) и всегда относились к состоянию индивидуума в обществе, подавленное настроение городской России считалось следствием и реакцией на гнетущее состояние русской жизни. Некоторые публицисты особо обвиняли российский исторический момент: волнения 1905 года и их репрессивные последствия. Обозреватель газеты «Петербургский листок», например, утверждал в 1908 году: как и после Французской революции и в «конце всякой революции»,

⁸⁸ Рубакин Н. Для чего я живу на свете // *Новый журнал для всех*. 1912. №6. Июнь. С.67.

⁸⁹ *Геософическое обозрение*. 1907. №3. Декабрь. С.113–114.

⁹⁰ *Современное богоискательство* // *Церковный вестник*. 1909. №11. 12 марта. С.321; Ашкинази. Указ. соч. С.107;

⁹¹ *Современность и думы* // *Церковный вестник*. 1913. №31. 1 августа. С.945–946, 948.

⁹² Лукоянов А. «Ты помнишь...» (Отрывок из романа настроений) // *Петербургский кинематограф*. 1911. 19 марта. С.2. См. также: *Умирающие фиалки* // *Там же*. 1913. №7. 25 января. С.2.

русское общество переживало «всеобщую деморализацию», «цинизм» и «апатию»⁹³. Некоторые публицисты, наоборот, находили глубинные причины современного разочарования и депрессии в русской национальной культуре, в стереотипе мрачной «русской души», который так любили некоторые российские, а также многие западные журналисты. Наши народные песни наполнены «раздумьем и тоской», а наши поэты уже давно пишут об «унынии и бессилии»⁹⁴. Однако большинство толкователей рассматривали меланхолию русских как симптом того, что Георгий Чулков назвал «культурными условиями современности»⁹⁵. Здесь *современность*, как часто в те годы случалось, означала особую эпоху (модерн, Новое время), как состояние знакомое и далеко за просторами России. Ключевой точкой этого состояния, конечно, был город, который беспрестанно изображался гнетущим местом не только из-за физических условий жизни (таких, как нищета или уход от природы), но и из-за «оторванности личности», являющейся, как говорили, «столь же характерною чертою современности»⁹⁶. Мегалополис, однако, был только частью территории современности. Так, обозреватели постоянно ставили современное разочарование в рамки более обширного духовного и эмоционального кризиса «современной деятельности». Несмотря на прогресс в знаниях и технологиях, «никогда еще человечество не было так... несчастно и не удовлетворено, как именно теперь»⁹⁷.

Описания того, как современность портила и уродовала личность человека, впитали все избитые европейские формулы. Например, Георгий Чулков отвечал на свой вопрос «Каковы культурные условия современности?» банально: они заключались в упадке религии, «непрочности» «общественной жизни», политическом напряжении и анархии производства и потребления (как и во многих других работах, капитализм назван не был, но часто присутствовал негласно) – во всем том, что «вызывает случайность и нецелость»⁹⁸. Клише, конечно, не всегда вызвано расстоянием и отстранением. Даже наоборот, возможно, что повсеместность современного разочарования и осведомленность о нем делали его еще более неизбежным.

⁹³ Пчела. *Культ разврата*. С. 2.

⁹⁴ Скиталец. *Бодрые люди* // Газета-копейка. 1911. 10 апреля. С.4.

⁹⁵ Чулков Г. *Демоны и современность (мысли о французской живописи)* // Аполлон. 1914. №1–2. Январь–февраль. С.66, 70–71.

⁹⁶ Гуревич Л. *Указ. соч.* С.102; Гордон Н. *Об одиноких*. С.85, 88; См. также: Ашкинази. *Указ. соч.* С.106.

⁹⁷ Ашкинази. *Указ. соч.* С.105.

⁹⁸ Чулков Г. *Демоны и современность*. С.66, 70–71.

Самоубийство: катастрофа личности

Разочарование было ключевым элементом в понимании ужасной «эпидемии» самоубийств, которая обрушилась на городскую Россию, в особенности на Петербург, после революции 1905 года и стала общественной одержимостью для журналистов, медиков, правоведов, интеллектуалов, духовенства и пишущих деятелей⁹⁹. Все сходились во мнении, что это знак особо тревожных времен и что в его основе страдающая личность. Потребность объяснить самоубийство, особенно в этот нервный, рефлексивный век, была очень большой. Городская публика и городские публицисты, писавшие для нее, ощущали отчаянную необходимость, по словам одного обозревателя (1910), «рассеять тьму», которая обволакивала эти трагические истории¹⁰⁰, придать разбитому «телу самоубийцы» какой-то связный смысл (Розанов)¹⁰¹.

Предлагались разные объяснения. Многие аналитики сосредоточились на физическом или умственном заболевании. Так, газетные репортажи объявляли некоторых самоубийц «душевнобольными», страдающими от «душевного расстройства», или просто «сумасшедшими»¹⁰². Но большинство толкователей, от медиков до газетных корреспондентов, сосредоточивались на социальных подоплеках самоубийства. Например, доктор Владимир Чехов в публичном интервью (1913), настаивал, что большинство самоубийц не были ни в коей мере ненормальными. Проблема в том, намекал он, что наша общественная жизнь ненормальна¹⁰³. Положительные отзывы на книгу Эмиля Дюркгейма 1897 года «Самоубийство», появившуюся в русском переводе в 1912 году, отразили

⁹⁹ *Обсуждение самоубийств в России в эти годы смотри также в: Morrissey S. Suicide and the Body Politic in Imperial Russia. Cambridge, Eng.: Cambridge University Press, 2006. Chaps.10–11; Idem. Suicide and Civilization in Late Imperial Russia // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas 43. 1995. S.201–217; Paperno I. Suicide as a Cultural Institution in Dostoevsky's Russia. Ithaca: Cornell University Press, 1997. P.94–104, 109–110, 121–122, 158–159.*

¹⁰⁰ Брусиловский И. Тревога // Современное слово. 1910. 11 марта. С.1.

¹⁰¹ Розанов. О самоубийствах. С.48.

¹⁰² *Петербургский листок. 1907. 12 мая. С.4; 1908. 22 ноября. С.3; 11 декабря. С.6; Газета-копейка. 1909. 21 марта. С.4; 21 мая. С.3; Петербургский листок. 1910. 7 января. С.4; 1913. 4 января. С.4; 10 мая. С.4; 6 июня. С.4.*

¹⁰³ *Причины современных самоубийств (беседа с д-ром В.В.Чеховым) // Газета-копейка. 1913. 5 декабря. С.3. См. также: Розенбах П.Я. О причинах современной нервозности и самоубийств // Новое слово. 1909. №11. С.41–42; Арнова. Самоубийство в прошлом и настоящем // Жизнь для всех. 1911. №3–4. Март–апрель. С.478; Причины современной нервозности и самоубийств // Петербургская газета. 1909. 26 апреля. С.3*

сильную склонность находить истоки самоубийства в дисфункции социального общества, особенно среди населения современного мегаполиса¹⁰⁴. Таким образом, улики, найденные на месте самоубийства, включая слова, оставленные самоубийцами в предсмертных записках, которые широко обнаруживались и обсуждались в прессе, рассматривались как свидетельства социальных «настроений и колебаний» и даже как «характеристика всего общества и тех условий, в которых оно живет»¹⁰⁵.

В центре толкований были страдания личности, вызванные бедностью, безработицей, бездомностью и голодом. В частности, самоубийство рассматривалось как доказательство естественной ценности человеческой личности в условиях, которые погубили ее. Именно поэтому понятие «позор» занимает центральное место во многих историях, связанных с самоубийством (а также во многих предсмертных записках). Позор был лейтмотивом рассказов о самоубийстве «падших женщин» (самоубийства которых были так распространены, что создали внутреннюю «эпидемию» в рамках общей эпидемии самоубийств)¹⁰⁶. Родственной темой было самоубийство женщин, которых соблазнили или изнасиловали и которые не могли «перенести стыда»¹⁰⁷.

В некоторых рассказах «позор» ассоциировался не только с чувством вины за моральное прегрешение¹⁰⁸. Так, целый ряд самоубийств демонстрировал гнев и протест символизмом самой смерти: «рабыня» «притона разврата» символически затягивала петлю на спинке кровати, а уличные проститутки демонстративно умирали на улице¹⁰⁹.

¹⁰⁴ Paperno I. *Op. cit.* P.99–104; Morrissey S. *Suicide and the Body Politic.* P.202–204; См.: Durkheim E. *Suicide: A Study in Sociology* / Trans. by J.Spaulding, G.Simpson. Glencoe, IL: Free Press, 1951 (особенно главы об эгоистическом и аномическом суициде). В 1912 году перевод был опубликован с предисловием д-ра Григория Гордона: Дюркгейм Е. *Самоубийство: социологический этюд.* СПб.: Издание Н.П.Карбанискова, 1912. См. также: Douglas J.D. *The Social Meanings of Suicide.* Princeton: Princeton University Press, 1967.

¹⁰⁵ Гордон Г. *Самоубийцы и их письма* // Новый журнал для всех. 1911. №28. Февраль. С.107.

¹⁰⁶ *Обыватель. Самоубийство* // Газета-копейка. 1909. 3 января. С.2; Жбанков Д. *Половая преступность.* С.63; Гордон Г. *Проститутки и самоубийство* // Речь. 1910. 23 апреля. С.1–2.

¹⁰⁷ *Петербургский листок.* 1913. 4 января. С.4; *Газета-копейка.* 1908. 6 ноября. С.3.

¹⁰⁸ *О самоубийствах проституток, связанных как с моральными страданиями, так и с «протестом»* см.: Гордон Г. *Проститутки и самоубийство.* С.2.

¹⁰⁹ *Омут жизни* // Газета-копейка. 1908. 2 июля. С.3; *Петербургский листок.* 1908. 29 декабря. С.4. См. также: *Драма «рабынь веселья»* // *Петербургский листок.* 1908. 16 ноября. С.7; *Обыватель. Самоубийство.* С.2.

«Стыд» был также лейтмотивом в рассказах о самоубийстве детей. Считалось, что детский стыд был результатом жестокого обращения в школе, на работе или дома. Сюда относились побои и пьянство родителей¹¹⁰ или сексуальное насилие и эксплуатация¹¹¹. Считалось, что частота детских самоубийств, которых было намного больше в России, чем в других странах, печально говорила сама за себя¹¹², указывая на то, что всякая проблема современности проникала глубоко в души самых юных¹¹³. В особенности эти рассказы подчеркивали чувствительность юной личности к оскорблениям, от которых не было избавления.

Современная цивилизация огульно обвинялась: подчеркивалось, что самоубийство повсеместно сопутствовало «развитию цивилизации»¹¹⁴, которая к началу XX века ассоциировалась с индустриальным капиталистическим обществом. Публицисты неоднократно отмечали: то, что эпидемия самоубийств была в основном городским явлением, не было простой случайностью¹¹⁵. Не было случайностью и то, что Петербург, символ и олицетворение русской современности, был эпицентром этой катастрофы. Снова и снова в десятилетие перед 1917 годом писатели всех политических и интеллектуальных мастей усматривали серьезный вред в «городской цивилизации» с ее «лихорадочными» темпами, отсутствием стабильности и благополучия, ее «нездоровой... жизнью», в особенности среди рабочих масс, и со свойственным ей «индивидуализмом». Одним словом, всем тем, что «создает удушливую атмосферу, в которой назревает болезненное и невыносимое состояние духа, приводящее человека к лишению себя жизни»¹¹⁶. Героем повествований о самоубийствах был человек, который только перебрался в город и обнаружил в «большом, шумном Петербурге» одну только нищету и «равно-

¹¹⁰ Например: *Газета-копейка*. 1908. 19 ноября. С.1; 1909. 28 мая. С.3; 19 декабря. С.3; *Петербургский листок*. 1908. 7 декабря. С.5; 19 декабря. С.5; 1909. 8 апреля. С.4; 1910. 28 апреля. С.4.

¹¹¹ Например: *Обыватель. Самоубийство*. С.2. Также см.: *Ужасы жизни // Петербургский листок*. 1909. 18 апреля. С.4.

¹¹² Гордон. *Самоубийства молодежи и ее нервно-психическая неустойчивость // Новый журнал для всех*. 1912. №9. Сентябрь. С. 105 (Он датирует начало роста детского суицида 1904 годом); П.З. *Трагедия детских душ // Газета-копейка*. 1908. 31 октября. С.3.

¹¹³ Жбанков. *Современные самоубийства*. С.52–55. См. также: А.Л. *Самоубийства учащихся // Церковный вестник*. 1909. №36. 3 сентября. С.1109.

¹¹⁴ Розенбах П.Я. *Причины современной нервозности и самоубийств*. С.3.

¹¹⁵ Например: Арнова. *Указ. соч.* С.481; Бронзов. *Самоубийство*. С.138.

¹¹⁶ Профессор Тарновский, цитированный в: Арнова. *Указ. соч.* С.482. См. также: *Газета-копейка*. 1913. 10 августа. С.3.

душе»¹¹⁷. Большой город, предупреждали журналисты, был обманчивым «миражем»¹¹⁸, прозорливым «каменным чудовищем»¹¹⁹, «бездушной» злой силой¹²⁰, уничтожающей душу и ведущей к гибели.

В самоубийстве видела зеркало, отражающее судьбу человека в жизни, что снова приводит нас к теме разочарования. Наблюдатели отмечали частоту, с которой слово *разочарование* встречалось в предсмертных записках самоубийц. Самоубийцы неоднократно говорили о «разочаровании в людях», о «разочаровании жизнью» или о «разочаровании в жизни»¹²¹. В этом широко распространенном чувстве толкователи самоубийства нашли самую «сущностную» причину¹²². Газеты даже указывали, что «разочарование» стало современным социальным понятием¹²³.

Конкретно-историческое и политическое толкование этого состояния являлось исключительно узким и упрощенным: самоубийство из-за крушения надежд, связанных с политическими и социальными изменениями в России после революции 1905 года. Такой диагноз ставил самоубийству знаменитый психиатр Владимир Бехтерев¹²⁴.

¹¹⁷ Например: *Жертва общественного равнодушия // Петербургский листок. 1908. 13 декабря. С.4; Из-за голода // Там же. 1909. 4 марта. С.4; В.Т. Привыкли // Газета-копейка. 1909. 10 мая. С.3;*

¹¹⁸ Гридина О. *Простой выход // Газета-копейка. 1910. 8 мая. С.3. См. также: Ее же. Превращение грифеля // Там же. 1911. 7 октября. С.3; Ее же. Город-обманщик // Там же. 1913. 24 декабря. С.3.*

¹¹⁹ Щигалев Н. *Жизнь или смерть? // Газета-копейка. 1912. 3 июня. С.5.*

¹²⁰ Федоров А. *В шуме жизни // Петербургский кинематограф. 1911. 12 января. С.2; Скиталец. Адская жмурка // Газета-копейка. 1910. №560. 10 февраля. С.3–4; Подзаборная смерть // Маленькая газета. 1915. 31 июля. С.3; 23 декабря. С.4.*

¹²¹ Например: *Петербургский листок. 1908. 25 декабря. С.7; 1909. 5 мая. С.5; 1910. 7 января. С.4; 1910. 17 января. С.6; 4 марта. С.6; Газета-копейка. 1912. 20 апреля. С.3; 1913. 17 февраля. С.4; Петербургский кинематограф. 1911. 12 января. С.3; Маленькая газета. 1915. 1 августа. С.3. См. также: Либерсон. Указ. соч. С.7; и как литературное эхо того, что было в газетах: Гиппиус З.Н. *Лунные муравьи // Лунные муравьи. М., 1912. С.19.**

¹²² Скептик. *Успокоение // Речь. 1910. 4 марта. С.1.*

¹²³ Например: *Жбанков Д. Итоги травматической эпидемии за ноябрь–декабрь 1909 г. // Речь. 1910. 14 января. С.2.*

¹²⁴ Ал. Кс. *Эпидемия самоубийств // Новое время. 1910. 9 марта. С.5. Другие примеры: Жбанков Д. Современные самоубийства. С.53; Его же. О самоубийствах в последние годы // Русское богатство. 1909. №4. Апрель. С.29; Причины современных самоубийств (беседа с д-ром В.В.Чеховым). С.3.*

Но большинству публицистов это объяснение не казалось вполне удовлетворительным. Наряду с ним они различали более неопределенное, но и более глубокое разочарование – нечто экзистенциальное и философское, ближе тому, что Фридрих Ницше (в размышлениях об изображении самоубийства в работах Достоевского) назвал духовной «катастрофой» современного человека, столкнувшегося с потерей основополагающих смысла и правды жизни¹²⁵. Религиозные публицисты писали об этом явлении буквально и традиционно, как о следствии «индифферентизма» и перевозбуждения из-за «условий жизни последнего времени», которые вели к неудовлетворенности жизнью и даже «отвращению» к ней¹²⁶, «нравственному разложению общества»¹²⁷, «сердечному разочарованию», стоящему на пути объединения с каким бы то ни было идеалом¹²⁸, «разъедающему скепсису» и «разочарованию», из-за которых «тяжело продолжать существование»¹²⁹. Светские публицисты видели потерю веры еще более широких масштабов, чем потеря одной только религиозной веры. По словам доктора Жбанкова, в «последние годы» мы существовали в одной из тех суровых, «беспросветных эпох», когда «вера» в других людей, в «связи» между своей жизнью и жизнями других людей «рушится», увлекая человека «в... бездну самоуничтожения»¹³⁰. Многие газетные обозреватели приходили к выводу, что эта тревожная эпоха испытывала философскую и эмоциональную потерю веры в саму жизнь¹³¹. Казалось, по словам одного журналиста, современники так «измучились», «издумались», что «пришли в тупик»¹³². По большому счету большинство самоубийств рассматривалось как «куль-

¹²⁵ См. этюд Ницше «Дневник нигилиста» и заметки Достоевского об одержимости бесами (*Nietzsche Fr. Kritische Gesamtausgabe. Berlin: De Gruyter, 1970. Vol. 8. №2. S.381–383. Обсуждалось в: Paperno I. Op. cit. P.154–157*

¹²⁶ Бронзов. Самоубийство. С.139–140.

¹²⁷ Развал духа. С.1412–1413.

¹²⁸ Церковный вестник. 1914. №5. 30 января. С.137–140 (Ответ на эссе Туберовского в журнале «Богословский вестник»).

¹²⁹ Н. Самоубийства унающихся. С.980–983. См. также: Церковный вестник. 1914. №5. 30 января. С.137–140. Примеры подобных аргументов светских авторов см.: Айхенвальд Ю. О самоубийстве // Самоубийство: сборник. С.120; Луначарский А. Самоубийство и философия // Там же. С.85; Вадим. В чем зло и причины // Газета-копейка. 1913. 20 февраля. С.4.

¹³⁰ Жбанков. Современные самоубийства. С.43–44.

¹³¹ Например: Тройное самоубийство по уговору // Петербургский листок. 1910. 4 марта. С.6; Розанов. Без цели и смысла (о самоубийствах). С.4; Вагнер В. Самоубийство и философский пессимизм // Запросы жизни. 1912. №49. С.2811–2816.

¹³² Брусиловский. Тревога. С.1.

турные самоубийства» – полные смысла жесты по поводу бессмыслицы жизни¹³³.

Все соглашались, вслед за Розановым, что на самом глубоком уровне самоубийство было «катастрофой личности»¹³⁴. О широко распространенном «подавлении личности» в повседневной современной жизни как одной из основных причин самоубийства говорил и автор передовой статьи одного церковного издания¹³⁵. По другую сторону политической палитры Анатолий Луначарский также делал упор на страдания «отчаянного» индивидуума среди всеобщей «катастрофы» и трагической природы существования¹³⁶. Самоубийства часто подавались в жанре *моралите*, в которых индивидуальная личность становилась жертвой «духа зла» современного социума¹³⁷. Газетчики хорошо осознавали привлекательность такого повествования, нередко мелодраматически озаглавливая репортажи о самоубийствах¹³⁸. В предсмертных записках, часто цитируемых прессой, также постоянно упоминалось о человеческой личности, смертельным образом «разоренной и оскорбленной»¹³⁹, о жизни во времена, когда «человек ценится дешевле мусора»¹⁴⁰, о жизни невыносимых «унижений»¹⁴¹. Так, многие самоубийцы изображались жертвами современного духа, имевшего целью удовлетворение личных желаний, где не было ни моральных, ни физических ограничений в погоне за удовольствием, где «лови момент» было ведущим девизом, где все в конечном итоге вело к «разочарованию» или «отвращению», к чувству загнанности в угол жизнью, которая стала отвратительной и бессмысленной¹⁴². Элементы мелодрамы в репортажах о самоубийствах,

¹³³ Розанов. *Без цели и смысла (о самоубийствах)*. С.4.

¹³⁴ Розанов. *О самоубийствах*. С.47–48.

¹³⁵ Н. *Самоубийства учащихся*. С.980–983.

¹³⁶ Луначарский А. Указ. соч. С.72–78, 82. – *Катастрофа означает по-русски ощущение ужасного несчастья, ведущего к «трагедии»*. – См. также: Абрамович. *Самоубийство // Самоубийство: сборник*. С.104.

¹³⁷ Вадим. *Дух зла // Газета-копейка*. 1913. 16 февраля. С.3.

¹³⁸ Например: *Трагедия оскорбленной невесты // Петербургский листок* 1909. 16 марта. С. 4; *Драмы униженных и оскорбленных // Там же*. 1913. 17 января. С.14. См. также: *Петербургский листок*. 1908. 29 декабря. С.4; *Газета-копейка*. 1909. 3 января. С.2; *Обыватель. Самоубийство*. С.2.

¹³⁹ Цит. по: *Петербургский листок*. 1910. 10 января. С.7.

¹⁴⁰ *Скиталец. Зимнее пальто // Газета-копейка*. 1911. 20 октября. С.5.

¹⁴¹ *Петербургский листок*. 1914. 22 февраля. С.4.

¹⁴² Жбанков. *Современные самоубийства*. С.29, 47–50, 53; *Его же. Половая преступность*. С.67–68; *Бронзов. Самоубийство*. С.140; *П.3. Огарки // Газета-копейка*. 1908. 20 ноября. С.3; *Обыватель. Самоубийство*. С. 2.

а также и в публичном самовыражении самоубийц в предсмертных записках были имплицитно толковательного характера: то была мелодрама, не только стилизующая пресыщение, чувственность и эмоции, но и выстроенная вокруг в высшей степени морального (даже манихейского) толкования реальности и в особенности судьбы индивидуума¹⁴³.

Парадоксальным было то, что в качестве ответа на унижение и оскорбление самоубийство могло быть истолковано в положительных, прогрессивных категориях, в качестве знака повышенного «самосознания» даже среди самых погранных – того самосознания, которое делало ежедневные унижения жизни невыносимыми¹⁴⁴. Даже проститутки это чувствовали: так, было много рассказов о том, как проститутки, сидя вместе в «душном и затхлом трактире среди гвалта и пьяного угара, отравляют себя уксусной эссенцией», потому что в них проснулось чувство осознания собственной «человечности» и «достоинства»¹⁴⁵. Казалось, что доминирующая необходимость современной культуры общества «проявлять свою личность» также рисковала возрастить чувства оскорбления и рокового отчаяния, поскольку возможности для самореализации личности ограничивались реальностью ежедневного существования¹⁴⁶.

Некоторые обозреватели вторили романтическому идеалу самоубийства как положительного и зачастую дерзкого поступка независимой личности и суверенной воли¹⁴⁷. Самоубийство, утверждали многие публицисты, могло быть «вольным и смелым» поступком своевольного разума и достоинства против окружающих абсурдности и зла¹⁴⁸, «протестом, написанным собственной кровью», провозглашавшим «я буду жить не столько, сколько можно, а сколько я хочу», даже если это и означало пойти на сознательную смерть¹⁴⁹. Но большинство обозревате-

¹⁴³ Brooks P. *The Melodramatic Imagination: Balzac, Henry James, and the Mode of Excess*. New Haven: Yale University Press, 1976; Singer B. *Melodrama and Modernity: Early Sensational Cinema and Its Contexts*. N.Y.: Columbia University Press, 2001; McReynolds L., Neuberger J., eds. *Imitations of Life: Two Centuries of Melodrama in Russia*. Durham: University of North Carolina Press, 2002.

¹⁴⁴ Жбанков. *Современные самоубийства*. С.29.

¹⁴⁵ Немирович-Данченко. *Жизнь дешево! (очерки эпидемии отчаяния) // Запросы жизни*. 1910. №10. 7 марта. С.581–583. См. также: Bernstein L. *Op. cit.* P.78.

¹⁴⁶ Жбанков. *Современные самоубийства*. С.53. См. также: А.Л. *Самоубийства учащихся*. С.1109.

¹⁴⁷ Примеры из XIX столетия и ранее см.: Morrissey S. *Suicide and the Body Politic*. P.2, 35, 49, 52–53, 75, 241; Paperno I. *Op. cit.* P.9–10, 16–17, 144–146.

¹⁴⁸ Немирович-Данченко. *Указ. соч.* С.581.

¹⁴⁹ Айхенвальд Ю. *О самоубийстве*. С.124.

лей усматривало в самоубийстве только противоположное: не суверенность, свободу воли, героическую добродетель или трансцендентность, а слабость личности и потерю воли. Большинство толкователей – психиатры, педагоги, газетные обозреватели – соглашались, что самоубийство было знаком «слабости воли, вялости, дряблости»¹⁵⁰, «умственной дегенерации», подрывающих «волю и желание»¹⁵¹, что это был «недостаток силы духа»¹⁵² встретиться лицом к лицу с «мытарствами» современной жизни¹⁵³. Одним словом, самоубийство было «личностной катастрофой», корнями уходящей в условия общественной жизни, особенно тогдашней городской жизни.

Время упадка

Уверен, что особое восприятие времени и споры о времени занимали центральное место во всех этих разговорах о разочаровании, деморализации, разложении, упадке, разврате, катастрофе и т.д. Вопрос о времени, в особенности миф о том, что цивилизация принесет прогресс, лежал в основе того, как городские публицисты понимали условия и судьбу человека и личности в условиях современности. То была история о личности человека, плывущей по бурным, тревожным течениям современности. Другими словами, то была история о разочаровании в самом времени.

Конечно, многие россияне держались за надежду (если не веру), что какое-нибудь вмешательство, будь-то реформы, революция, Бог, творческая личность, спасут разочаровавшееся, меланхоличное человечество из этого ада. Некоторые даже усматривали в разочаровании в старом новые горизонты: разорванное время оптимистично представлялось царством свободы и небывалых возможностей. Но эти оптимистично настроенные авангардисты, по их же ощущениям, шли против сильного течения. Судя по тому, что писала городская пресса, большая часть русских слабо верила в то, что их время – проводник в будущее счастье или особое измерение для своей собственной свободной, творческой деятельности. Прошлое, настоящее и будущее, казалось, снялись с причала какого бы то ни было мифа о положительном движении во време-

¹⁵⁰ *Высотский Н. Задача школы в борьбе с самоубийствами учащихся // Русская школа. 1910. №4. Апрель. С.54.*

¹⁵¹ *Барон Игрок. Указ. соч. С.3.*

¹⁵² *Гридина О. Простой выход. С.3. Также см.: Ее же. Без руля // Газета-копейка. 1910. 11 апреля. С.5–6.*

¹⁵³ *Вадим. Человеческие документы // Газета-копейка. 1913. 17 февраля. С.4.*

ни. Если время вообще двигалось, оно сопровождалось разложением и вырождением, а человек больше страдал, чем извлекал пользу из этого беспорядка. Вот где находился эпицентр «катастрофы личности» в «условиях современности». А разочарование в мифе о времени как прогрессе проявлялось не только среди интеллектуалов, но и среди широкой общестственности, если судить по тому, что засвидетельствовала пресса.

Такое восприятие и некоторую его философскую подоплеку для толкования судьбы человека в то время можно наблюдать в другом часто встречающемся и весьма звучном понятии. Этот век стал безвременьем, несвоевременным, тревожным временем, временем без времени¹⁵⁴. Словарное определение слова «безвременье» звучит следующим образом. Это время отвратительной погоды, несчастья, беды, неудачи и горя (по Далю) или это «тяжелое время, пора невзгод... эпоха общественной пассивности, застоя» (по Ушакову)¹⁵⁵. Однако то, что «безвременье» означало в период между революциями, можно проследить по контексту использования этого понятия. Например, для одного журналиста, писавшего в 1910 году, годы после 1905 года стали ужасным, трагичным, противоречивым и нервным безвременьем¹⁵⁶. Другие говорили об упадочном безвременье¹⁵⁷. Явление, которое современники описывали, как мне кажется, очень походило на то, что Ницше назвал существованием «без смысла или цели», замерзшей смертельной мукой, жизнью, питающейся своим же экскрементом, миром, который стал неподвижен¹⁵⁸. То же, возможно, имел в виду Вальтер Беньямин, описывая тогдашнюю жизнь метафорами, которые он нашел в своих исследованиях по истории: «рытьем земли на одном и том же месте», «затянувшейся

¹⁵⁴ См: Брусиловский И. Смысл жизни // Современное слово. 1910. 13 марта. С.1; Ковалевский М. Затишье // Запросы жизни. 1911. №12. 23 декабря. С.705.

¹⁵⁵ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб.: Изд. Т-ва М.О.Вольфа, 1880; Ушаков Д.Н., ред. Толковый словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1935.

¹⁵⁶ Лаврецкий В. Трагедия современной молодежи // Речь. 1910. 30 сентября. С.2.

¹⁵⁷ Слобожанин М. Из современных переживаний. Ч.4: «Я» и окружающая среда // Жизнь для всех. 1913. №7. С.1019–1021. Также Ч.3: Об эстетике новейшей формации и эстетизме вообще // Там же. №3–4. Март-апрель. С.461.

¹⁵⁸ Benjamin W. The Arcades Project / Trans. H.Eiland, K.McLaughlin. Cambridge, Mass, 1999. P.115 (D8, 1-D8, 6). Автор в основном цитирует Ницше (Nietzsche F. Will to Power) – компиляцию его заметок, опубликованных впервые в 1901 году. – См. также: Nietzsche F. The Gay Science (1882), – работу, цитируемую и обсуждаемую в: Pippin R. Nietzsche and the Melancholy of Modernity // Social Research. Vol.66. №2. Summer 1999. P.509; Hoy D.C. The Time of Our Lives: A Critical History of Temporality. Cambridge, Mass., 2009. P.82–89.

катастрофой»¹⁵⁹. Как таковой, заключил Беньямин, «"модерн" есть время ада»¹⁶⁰, порождающее упадническую философию: «жизнь бессмысленна и беспочвенна, и все стремление к счастью и покою тщетно»¹⁶¹. И снова это часто повторяющееся русское слово «разочарование» является эффективной категорией для размышлений о восприятии современниками своего времени. Как форма бесконечного траура по потерянным ценностям и надеждам или, по крайней мере, как жажда недостижимого и даже непрогнозируемого, своими мрачными знаками разочарование подчеркивает разочарованность в обещании (допускаемом культурой, на которую повлияло такое понятие века Просвещения, как прогресс) того, что течение времени есть движение вперед. Другими словами, жизнь того времени стала «катастрофой», «адам», «безвременьем» для собственного «я», для человека и личности. Конечно, многие публицисты настаивали на спасении, заключающемся в более сильной воле и человека, и коллектива. Большое количество обозревателей обращались к понятию воли как к разрешению проблем века. Был ли выход из «тупика», в который нас завели «условия современной жизни?» – спрашивал журнальный критик в 1914 году. Да, отвечал он, если научиться «творить свою волю»¹⁶². В 1914 году передовица «Петербургского листка» утверждала: «Сознание счастья или несчастья зависит исключительно от уровня наших нравственных сил»¹⁶³. Розанов в «Новом времени» также настаивал на том, что, все, что нужно, это «героическая личность»¹⁶⁴. С такими настроениями многие пришли в революцию или обратились к религии как к путям спасения, вселяющим мужество в душу человека. Или к наслаждению, к личности, выпущенной из-под контроля.

¹⁵⁹ Benjamin W. *The Arcades Project*. P.111, 113 (D5, 7, D6a, 1).

¹⁶⁰ *Ibid.* Esp. P.101–119, 544–545 (цитирования SI, 5, D10a, 4); Benjamin W. *Paris, Capitale du XIXeme siècle: Exposé* // Tiedemann R., ed. *Das Passagen-Werk*. Frankfurt am Main, 1982. 2 vols. Vol.1. P.61; *Idem.* *The Arcades Project*. P.15. – См. также обсуждение концепции Беньямина времени Модерна в: Buck-Morss S. *The Dialectics of Seeing: Walter Benjamin and the Arcades Project*. Cambridge, Mass., 1989. P.79, 95–97, 99, 103–109, 178; Miller T. *Eternity No More: Walter Benjamin on Eternal Return* // Miller T., ed. *Given World and Time: Temporalities in Context*. Budapest, 2008. Chap. 14.

¹⁶¹ Benjamin W. *The Arcades Project*. P.105 (D2, 8), 108 (D3a, 4). См. также: P.104–105 (D2, 2, D2, 5), 110 (D4a, 2).

¹⁶² Широкий. *Черты современной русской жизни* // Новый журнал для всех. 1914. №1. Январь. С.45–46.

¹⁶³ *С новым счастьем* // Петербургский листок. 1914. 1 января. С.2.

¹⁶⁴ Розанов В. *Маленький фельетон: героическая личность* // Новое время. 1909. 3 декабря. С.3; *Его же. Вопросы русского труда* // Там же. 1909. 26 марта. С.3–4.

К сожалению, другие публицисты, хотя, может, они и были правы, полагали, что спасения не было: «нет выхода»¹⁶⁵ ни путем воли, ни путем веры, ни революционным путем. В одном можно было не сомневаться: временном «аде», где миф о современном прогрессе оказался иллюзией. Всякий раз, когда старый год передавал свои права новому, газеты и журналы отводили главное место обозрениям, раздумьям и тостам, подробно обсуждавшим ход времени и бытие человека. Надежда на то, что «новое» принесет «лучшее», что время движется вперед, было недвусмысленно выражено традиционным новогодним пожеланием «С Новым Годом, с новым счастьем». Между 1906 и 1914 годами эта новогодняя формула стала совсем уж тоскливой. Журналисты жаловались на новую «подавленность общественного настроения», на «общественное унылое настроение» и часто разделяли его¹⁶⁶. Новогоднее эссе Скитальца в «Газете-копейке» за 1913 год типично. Он отмечал, что прошлогодние пожелания «нового счастья» не реализовались не только в «новое» счастье, но и вообще ни в какое счастье, ни во что, кроме «горечи и разочарования». Бросив взгляд на прошлый год, – писал он в заключение, – видим: «наша действительность – безотраднa, итоги – ничтожны, а надежды отлетели от нас». Скиталец пришел к выводу, что настало время прекратить новогодние пожелания счастья – «лучше молчать»¹⁶⁷. На самом же деле мало кто молчал.

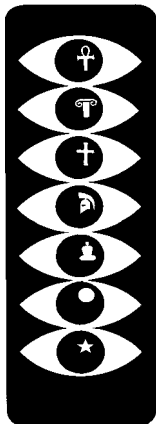
Если и можно было заметить какой бы то ни было «героизм» в личностях или настроениях городских публицистов, на мой взгляд, он исходил не из таких оптимистичных чувств, как воля и вера, а из сильного желания громко кричать, что настало время «ада».

Перевод с английского Анастасии Лахтиковой

¹⁶⁵ Энгельгардт М.А. Без выхода // Свободные мысли. 1908. №35. 7 января. С.1. – Другое использование этой фразы (часто как «нет выхода») см.: Гордон Г. Проститутки // Речь. 1910. 23 апреля. С.2; Широкий В. Черты современной русской жизни. С.45. См. также на противоположных сторонах литературного спектра: Александр Блок, поэма «Нет выхода» (1907) и Михаил Вавич, популярный певец с песней «Грусть и тоска безысходная...» (1906).

¹⁶⁶ Н.В. Итоги минувшего года // Весна. 1908. №1. 6 января. С.1; Новогодние мысли // Церковный вестник. 1908. №2. 10 января. С.43.

¹⁶⁷ Скиталец. Молчание // Газета-копейка. 1913. 1 января. С.3–4.

Андрей Юрганов

ПЕРВЫЙ ШАГ В ДЕСТАЛИНИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
93/94

The author investigates the situation in the Russian historical science after Stalin's death. The critical attitude toward the historical science was most vividly demonstrated at the supreme level conference held at the Presidium of the USSR Academy of science on March 20, 1953. The main topic expounded in speech of A.L.Sidorov, the deputy Director of the Institute of history was recognition of genius of Stalin's work and the total failure of the historical science. The greatest blow was directed not against some particular person or even a group of persons. It was directed against Leningrad department of the Institute of history. Critics were going to liquidate Leningrad department due to its uselessness. The ideological machine could not stop immediately. However the disclosing hue was changing with the course of time. The official circles settled down to a course of the historical science gradual de-Stalinization. An example of this trend was preparation of materials for the summarizing article of A.M.Pankratova, one of the principal ideologists of the time. Many ideological exigencies were gradually smoothed over at the various stages of this preparation.

Ключевые слова: десталинизация; историческая наука; идеологическая кампания; марксизм-ленинизм.

Key words: de-Stalinization; historical science; ideological campaign; Marxism-Leninism.

E-mail: lurganov@yandex.ru

20 марта 1953 года в Президиуме Академии наук состоялось совещание, на котором обсуждалось положение в исторической науке. Совещание было столь масштабным, что трудно представить более высокий уровень представительства в Академии наук. Далеко не всякая идеологическая кампания при жизни Сталина могла бы сравниться с проявленным 20 марта 1953 г. критическим настроем по отношению к исторической науке¹.

Это был апогей сталинизма... без Сталина. Но что понимать под «сталинизмом», если Сталина уже не было в живых? И почему кампания развернулась так, будто ничего не произошло?

Идеологическая машина не могла остановиться сразу, она работала по-прежнему, но в первые дни после смерти вождя партии работала с большим желанием соответствовать сталинскому духу разоблачения.

Основная тема выступления первого докладчика, и.о. директора Института истории А.Л.Сидорова, – признание гениальности работ Сталина и общего провала исторической науки.

По-прежнему задача историков – точное отражение метафизической истины, содержащейся в работах классиков марксизма, в трудах Ленина и, прежде все, Сталина. Однако всякое авторское объяснение высказываний классиков лишает их истинности – вот в чем трудность: никто не может передать полноту подлинного смысла без его искажения в ту или иную сторону:

К сожалению, многие из нашего коллектива допускают ошибки не только тогда, когда проблема не изучена и исследуется вновь, но и тогда, когда мы имеем определенные и точные высказывания классиков марксизма, и задача заключается в том, чтобы последовательно эти высказывания отразить и привести в своей научно-исследовательской работе².

Эту мысль докладчик не оставлял, доводя свой риторический пассаж до... абсурда (если иметь в виду постороннего наблюдателя, а не участника событий):

¹ Статья публикуется по материалам доклада, прочитанного на международной конференции «Роль государства в истории России», 15–18 мая 2010 г., Будапешт, и является частью научно-исследовательской работы «Историческая наука и партийно-государственная идеология в эпоху сталинизма. 1929–1953 гг.», выполняемой в рамках ФЦП «Научные и педагогические кадры инновационной России 2009–2013 гг.».

² Архив Академии наук (далее – АРАН). Ф.2. Оп.6. Д.149. Л.66.

Какие еще нужны указания, чтобы в основных наших учебниках были освещены не дворцовые перевороты, короли и полководцы, а история трудящихся масс, положение крестьян, рабочих, развитие производительных сил и производственных отношений. Нам необходимо лишь с должным вниманием отнестись к замечаниям товарищей Сталина, Кирова и Жданова на проспекты учебника...³

Эти «Замечания» вождей партии в 1934 году интерпретировались прямо противоположным образом тому, о чем с пафосом говорил Сидоров в марте 1953 года: в них как раз и видели упрек историкам школы Покровского... в односторонней приверженности истории трудящихся масс, классовой борьбе, показу социологических закономерностей, но без живых фактов истории. Страх Ошибки провоцировал иррациональное состояние, при котором естественным становился абсурд. Иными словами, контекст высказывания низводился до ничтожности, если речь шла о метафизике учения. Вместо рациональности контекста – иррациональность метафизики: это и был дух сталинизма, продолжавший существовать некоторое время после смерти Сталина.

Культ Ошибки – это закономерность уклонения от «правильного» решения в любую сторону, поскольку никому, кроме Сталина, неведома природа «правильного». В любой точке пространства события может произойти сбой, но как явление вполне имманентное.

Культ Ошибки – это напоминание любому, даже академику, что ничто и никто его не защитит, если он окажется под огнем «правильной» критики.

Наибольшей силы удар был направлен не против отдельной личности (или даже группы лиц), – это было бы слишком мелко. Удар направлялся против всего Ленинградского Отделения Института истории, который – ни много, ни мало – намеревались закрыть за ненадобностью, оставив только архив ЛОИИ:

Особенно неудовлетворительным является состав научных работников Ленинградского Отделения Института. Несмотря на отчисление за последние годы значительной группы лиц непригодных для работы в Академии, например, Лурье, Мюллер, Гейман, Болтунова и др., в Ленинградском Отделении продолжают находиться еще немало сотрудников, не дающих полно-

³ Там же. Л.67.

ценных научных работ (Копанев, Сербина, Предтеченский, Каллистов и др.) <...> Немногие работы, выпущенные в свет Ленинградским Отделением, также подверглись серьезной критике в печати и устно (работа Предтеченского и Валка). Некоторые сотрудники ЛОИ имеют слишком узкую специализацию преимущественно археографического характера и недостаточно используются для разработки актуальных больших проблем исторической науки. Две трети сотрудников являются специалистами по истории древности и феодализма <...> Все вышеизложенное ставит вопрос о целесообразности самостоятельности существования ЛОИ. Назрели условия, чтобы ликвидировать его, перевезти в Москву группу ценных работников, оставить в Ленинграде архив и при нем группу сотрудников по изданию источников⁴.

А.Л.Сидоров признал, что историческая наука в лице Института истории не выполнила «возложенных на него задач по разработке проблем исторической науки». Подобная самооценка – вполне достаточная причина, чтобы закрыть Институт истории в Москве. Однако – парадокс: только такое признание своей «несостоятельности» (в духе эпохи) и могло (на какое-то время) гарантировать существование учреждения в режиме ожидания худшей участи.

Что же предлагал Сидоров? «Глубокую перестройку», – именно такими словами он определил сущность перемен, которые сводились к резкому сужению функций исторической науки. Эти меры низводили науку *до самых простых форм* обслуживания идеологии:

В этих предложениях сформулированы... научно-теоретические задачи Института, вытекающие из гениальных трудов товарища Сталина и из решений XIX съезда КПСС. Они изложены в первом пункте постановления... Центральное место в работе Института должна занять разработка гениального наследия великих продолжателей дела Маркса и Энгельса, В.И.Ленина и И.В.Сталина, как *теоретической основы* исторической науки⁵.

Теперь Институт истории должен сосредоточиться также на написании новых учебников...

⁴ Там же. Л.74–76.

⁵ Там же. Л.76.

Один из главных идеологов исторической науки, А.М.Панкратова, 17 апреля 1953 г. выступила в московском Доме ученых с лекцией «О задачах советских историков»⁶.

В ней были обозначены новые проблемные области, которые необходимо было осваивать исторической науке в силу ее глубокой ошибочности, несостоятельности и т.д.

Ею была определена главная область, *где сосредоточивались все возможные и невозможные ошибки историков*, – это непонимание сталинского экономического учения, «закона» обязательного соответствия развития производительных сил производственным отношениям...

В течение всего 1952-го и первой половины 1953 года широко публиковались работы историков, в которых говорилось о гениальном открытии Сталина в последней его работе «Экономические проблемы социализма в СССР» (1952). В «Вопросах истории» этому «открытию» уделялось не просто «много внимания», а *все внимание* журнала, потому в каждой статье, так или иначе, шла речь об этом.

Суть «открытия» заключалась в том, что в мире существуют незыблемые законы, которые никто не может нарушить. И главный закон – это закон обязательного соответствия развития производительных сил производственным отношениям.

А.М.Панкратова говорила:

Товарищ Сталин оставил нашей партии, советскому государству, всему прогрессивному человечеству величайшее идейное наследство. Благодаря гению тов. Сталина наша партия вооружена теоретически так, как ни одна политическая партия в мире. Тов. Сталин воплотил в жизнь указания основоположников марксизма-ленинизма о том, что идеи, овладевая массами, становятся могучей материальной силой⁷.

Историкам, по мнению Панкратовой, предстояло освоить новый труд Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» (1952). Он написал его как ответ участникам экономической дискуссии, проходившей в ноябре 1951 г. Пафос этого сочинения – признание объективных законов развития, которые осуществляются независимо от воли людей, или, по крайней мере, их влияние на осуществление законов никак не больше самих объективных законов.

⁶ АРАН. Ф.697. Оп.1. Д.107.

⁷ Там же. Л.2.

А.М.Панкратова так определила происходящий сдвиг в науке в связи с последними работами Сталина:

Руководствуясь указаниями товарища Сталина, советские историки передвинули центр внимания своей исследовательской работы в область изучения истории производства, истории производства материальных благ, истории народов⁸.

Вновь возник вопрос о «теоретическом перевооружении наших историков», потому что в центре их внимания оказался «закон» обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Как использовать этот «закон» в трудах по русской истории? И что он означает для прежних объяснений, которые теперь все больше внушают сомнение?

Исключительное значение для советских историков имеет изучение в действии экономического закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Этот закон, как подчеркнул товарищ Сталин, не сразу получает полный простор вследствие сильнейшего сопротивления со стороны отживших сил общества. Во всех своих исследованиях историки должны выяснять, как назревает несоответствие, а затем противоречия и конфликт между производительными силами и производственными отношениями. Эти глубинные процессы в сфере производства находят свое конкретное отражение в борьбе классов, обострение которой приводит к революциям. В своих исследованиях, посвященных истории экономического развития, советские историки должны помнить указания товарища Сталина о различии между экономическим строем и производством. Разоблачая вульгаризаторские богдановско-троцкистские концепции Ярошенко, товарищ Сталин показал, что надо рассматривать общественное производство как целое, имеющее две неразрывные стороны⁹ – производительные силы и производственные отношения.

Диалектика в духе Сталина – это новая модель неопределенности, которую пыталась осмыслить Панкратова: с одной стороны, «нельзя смешивать и отождествлять способ производства с экономическим строем», с другой стороны, «неправильная точка зрения на экономиче-

⁸ Там же. Л.7.

⁹ Там же. Л.11–12.

ский базис сводилась к тому, что он рассматривался в отрыве от производства». Вслед за новой проблематикой для исторической науки шла и новая «диалектика» в рассмотрении истории экономики.

В диалектических предпосылках этой новой неопределенности были заложены, по мнению Панкратовой, новые возможности для периодизации русской истории, что было особенно ценно для науки, которая почти исчерпала прежние возможности, так и не придя к какому-то определенному ответу:

Не случайно наша дискуссия по вопросам периодизации, продолжающаяся в течение почти двух лет в Институте истории, на страницах журнала «Вопросы истории» и др., не привела к необходимым результатам, а, наоборот, выявила много недостатков среди историков, которые обнаружили свою теоретическую слабость <...> Несмотря на указание классиков марксизма-ленинизма, в дискуссии не было четко раскрыто действие закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил...¹⁰

А.М.Панкратову не смутило то обстоятельство, что книга Сталина вышла уже после состоявшейся дискуссии – признание научной виновности перед лицом открывшейся истины было проявлением иррационального чувства, укоренившегося за долгие годы сталинизма. Традиционная ошибочность историков теперь наполнялась новым смыслом. По мнению Панкратовой, одни ученые «предлагали... варианты периодизации, исходя из явлений надстроечного порядка, в первую очередь, из изменений государственного строя»; другие «исходили из признания непосредственного действия производительных сил без учета воздействия производственных отношений, т.е. скатывались на позиции экономического материализма».

Субъективизм – вот корень зла: историки не понимали и не понимают объективных закономерностей развития общества:

Большинство наших историков не ставят вопрос об основном экономическом законе. Когда они говорили о закономерностях, они повсеместно подчеркивали плановость, как якобы закон советского общества, они не ставили сам по себе закон планового развития в зависимость от основного экономического закона. Отсюда *неправильно* оценивалась и роль политики партии и советского государства. Это означало, что вместо объек-

¹⁰ Там же. Л.13–14.

тивных экономических закономерностей они приходили к *волюнтаристскому и субъективистскому подходу в закономерностях* (так в тексте. – А.Ю.) советского общества. Поэтому субъективизм в истории советского общества отличал огромное количество работ по вопросам истории советского общества¹¹.

В конце своей лекции она ознакомила слушателей с теми решениями, которые были приняты Президиумом АН СССР 20 марта 1953 г.

Суть их сводилась к тому, чтобы «развернуть систематическую и непримиримую борьбу со всякого рода антимарксистскими, космополитическими, буржуазно-националистическими концепциями и ошибками вульгарно-социологического и субъективистского характера»¹².

В июньском (№ 6) номере журнала «Коммунист» за 1953 год была опубликована статья А.М.Панкратовой «Насущные вопросы советской исторической науки», в которой были повторены важнейшие теоретические положения публичной лекции, произнесенной в московском Доме ученых 17 апреля 1953 г.

У этой статьи необычная подоплека. В фонде А.М.Панкратовой (Архив Академии наук) сохранился экземпляр верстки статьи, – и на первом листе статьи в верхнем левом углу поставлен типографский штамп: «верстка»¹³. Понятно, что верстка – это уже почти готовый вариант публикации. Если и вносятся какие-то замечания, то не принципиальные, иначе бы не называли текст «версткой» и не делали бы типографский набор. Что же мы видим? В верстке статьи нет ни слова о применении к русской истории сталинского «закона обязательного соответствия» производственных отношений характеру развития производительных сил.

Об этом «законе» вообще не упоминается!

Но в публикации о нем уже идет речь. Однако, в отличие от лекции, содержание сталинского «закона соответствия» в статье не определяет собой центральную идею для всего текста.

Итак, лекция – верстка – публикация – три условных этапа. В верстке отсутствует важнейший компонент, который содержится на первом и на последнем этапе. Как это могло произойти?

При всех возможных вариантах объяснения, остается очевидным факт: на этапе верстки редакционная работа велась по *целенаправленному умолчанию* о сталинском «законе соответствия». Это один из вариантов пред-

¹¹ Там же. Л.37.

¹² Там же. Л.52.

¹³ АРАН. Ф.697. Оп.1. Д.112. Л.1.

полагавшейся статьи. При окончательной доработке вернулись к тому, что предлагала в лекции Панкратова, но вернулись с аскетическим настроением, не придавая сталинскому закону глобального значения, о котором с пафосом говорили почти все историки, в том числе и Панкратова.

Велико же колебание настроений в идеологии, если в журнале «Коммунист» в готовую верстку вносятся не просто уточнения и дополнения, а огромные фрагменты (по меркам верстки!), которые в одночасье обесценивают проделанную техническую работу в типографии. После сделанных дополнений надо было снова делать набор – новую верстку. В те годы только *сверхсобые* обстоятельства, обстоятельства политические, могли привести к коренной переделке верстки статьи для журнала «Коммунист»...

На июльском (1953) Пленуме ЦК КПСС Л.М.Каганович высказал некоторые суждения, которые без контекста выглядят, по меньшей мере, странными. Во всяком случае, если они не были сказаны в порыве гневного разоблачения Л.П.Берии, то очевидно имели в виду весьма серьезные факты «подковерного» противоборства серьезных политических сил.

Л.М.Каганович довольно откровенно поведал Пленуму ЦК о деятельности Берии в первые дни после смерти Сталина:

Начал он атаку на партию с атаки на Сталина. То, что меня потрясло и поразило, это когда он на другой день после смерти Сталина, когда еще Сталин лежал в Колонном зале, фактически он устроил переворот, свергнув мертвого Сталина, он стал мутить, пакостить (здесь и далее курсив мой. – А.Ю.), то рассказывал, что Сталин и против него, Берия, шел. Он нам, группе людей, говорил: Сталин не знал, что если бы меня попробовал арестовать, то чекисты устроили бы восстание. Говорил?

Г о л о с а и з П р е з и д и у м а. Говорил.

Каганович. Это он говорил на трибуне Мавзолея. Когда он это сказал, мы сразу почувствовали, что имеем дело с подлецом, контрреволюционером, который что-то готовит. Он изображал Сталина самыми неприятными, оскорбительными словами. И все это подносилось под видом того, что нам нужно жить теперь по-новому, нам нужно то-то и то-то. Надо сказать, что кое-кого он добился. Он добился того, что в нашей печати об экономических проблемах социализма замалчивается.

Г о л о с а и з з а л а. Правильно¹⁴.

¹⁴ Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие докумен-

Смысл слов о «перевороте», о свержении мертвого Сталина, о желании Берии дискредитировать умершего вождя партии, замалчивание «экономических проблем социализма» можно понять только если считать контекстом этого высказывания историю публикации статьи Панкратовой в журнале «Коммунист». Судя по всему, Берия, через своих доверенных людей, пытался – ни много, ни мало – перехватить идеологический контроль над партийной прессой, что на языке Кагановича и означало «переворот». Не обязательно было самому Берии вмешиваться в дела журнала «Коммунист» (что не исключено, конечно, тоже), – достаточно было иметь преданных людей, чтобы развернуть в нужную ему сторону идеологическую работу партии. Но загвоздка была в том, что идеологическая работа партии – и, прежде всего, с органами печати – была доверена секретарю ЦК КПСС Н.С.Хрущеву, который никому не отдал бы просто так свои контрольные функции. Значит, вокруг статьи Панкратовой развернулась нешуточная идеологическая баталия: только при таких необычных условиях и была возможна коренная переработка верстки статьи, в которой отсутствовало всякое упоминание сталинской работы об экономических проблемах социализма.

Л.М.Каганович продолжал разоблачать Берию:

Вот его цель, он хотел подорвать основу учения Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина. Заметьте, в его речах – опубликованных и неопубликованных – вы не обнаружите слов марксизм-ленинизм. Он не знал марксизма-ленинизма... Он же открыто, особенно последнее время, шел против линии партии, когда говорил, что надо изменить учение Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина, что нужно в печати это признать. Когда говорили, что Сталин есть великий продолжатель дела Ленина, дела Маркса–Энгельса, он фыркал. Считаю, что мы сейчас должны, безусловно, узаконить Сталина в его правах быть в рядах великих учителей рабочего класса и вести за собой духовно народ. (Аплодисменты). Берия не хотел просто поправок, о которых мы говорим, грамотные люди. *Поправки можно вносить* (курсив мой. – А.Ю.), но к чему – к основам марксизма-ленинизма, а он хотел по шапке марксизм-ленинизм (так в тексте – А.Ю), ему это нужно для расчистки его путей к перерождению¹⁵.

ты. М., 1999. С.136–137.

¹⁵ Там же. С.137.

Если в публичной лекции Панкратовой (17 апреля 1953 г.) она неоднократно называла последний труд Сталина по экономическим проблемам социализма «гениальным» (как и все прочие ее коллеги!), то в опубликованной статье и в верстке подобные эпитеты убраны, оставлено только одно определение – «классический труд», но не более.

Не следует забывать, что и Г.М.Маленков в заключительной речи на июльском пленуме ЦК КПСС (7 июля 1953 г.) был настроен достаточно критично по отношению к последней сталинской работе.

Он говорил:

Или взять известное положение т. Сталина о продуктообмене, выдвинутое в работе «Экономические проблемы социализма в СССР». Уже теперь видно, что это положение выдвинуто без достаточного анализа и экономического обоснования. Оно, это положение о продуктообмене, если его не поправить, может стать препятствием на пути решения важнейшей еще на многие годы задачи всемерного развития товарооборота. Вопрос о продуктообмене, о сроках и формах перехода к продуктообмену – это большой и сложный вопрос, затрагивающий интересы миллионов людей, интересы всего нашего экономического развития¹⁶.

Как в верстке, так и в опубликованной статье Панкратовой заметно общее смягчение тональности разоблачения, снижение градуса критики. Это очевидный результат глубокой переработки текста лекции (от 17 апреля 1953 г.), положенного в основу статьи для журнала «Коммунист».

В типографском экземпляре верстки статьи были зачеркнуты следующие предложения, которые по смыслу имели обвинительный уклон:

Теоретическое отставание научных сотрудников Института истории является одной из важных причин, препятствующих выполнению его задач.

Все эти недостатки свидетельствуют о том, что исторический фронт еще слабо мобилизован на выполнение задач, поставленных перед советской наукой.

Степень овладения марксизмом-ленинизмом может и должна измеряться только одним критерием – умелым применением революционной марксистской теории в области своей научной специальности.

¹⁶ Там же. С.352.

Если в лекции Панкратовой, как автор письма в редакцию «Вопросы истории» и инициатор неудачной дискуссии о «наименьшем зле», была названа М.В.Нечкина, то в верстке и в опубликованной статье ее имя было уже снято.

Если в лекции, как, впрочем, и в материалах мартовского обсуждения деятельности Института истории в Президиуме АН СССР, основная вина возлагалась на Институт и его сотрудников, то в верстке и в опубликованной статье появился новый крен: виноват также и Президиум АН СССР. При этом ни слова не сказано о предложении А.Л.Сидорова ликвидировать Ленинградское отделение Института истории. Ни о какой «чистке кадров» – тоже ни слова.

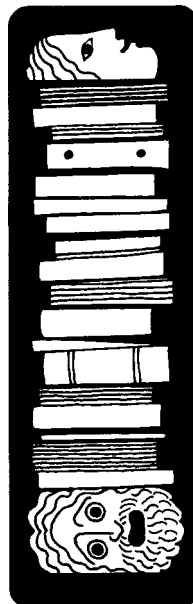
Поистине огромный потенциал обвинений разного рода, содержащихся в лекции Панкратовой, не был использован даже на малую долю процентов. И хотя публикация статьи получилась более официозная, чем верстка, но и в публикации мы видим явное нежелание разворачивать новые идеологические кампании по борьбе... с чем угодно. Это были новое общее настроение в высшем руководстве партии и одновременно первый шаг в десталинизации исторической науки.

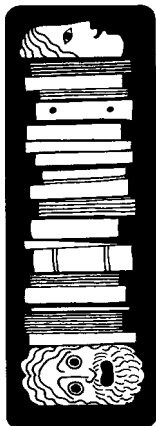
Историк в отличие от современника познает всю общественную жизнь. Он решительно не знает то, кем человек мог бы стать. Но зато знает до конца то, что тот сделал.

Что касается идей, то историк видит их последствия, он судит об учителе по ученику, о прежней доктрине с точки зрения современной науки. То, о чем создатель не мог догадаться, историк благодаря отстоянию во времени сразу замечает. В этом смысле настоящее озаряет прошлое... <...> В этом смысле историк одерживает верх не только над наблюдателем, но и над участником событий,

поскольку он располагает документами, которые по существу недоступны пережившим историю стихийно и бессознательно. Итак, в этом направлении историк преодолевает элементарные сомнения, становясь в меньшей степени ученым-дилетантом и в большей степени – ученым, меняющим цели.

Реймон Арон

Владимир Печатнов

АКТУАЛЬНЫМ АРХИВ

БОЛЬШАЯ СТРАТЕГИЯ СССР ПОСЛЕ ВОЙНЫ ГЛАЗАМИ БРИТАНСКОЙ РАЗВЕДКИ

УДК
930.2

The publication is devoted to estimates of Soviet strategic interests produced by the British intelligence toward the end of WWII. These documents from Britain's National Archives are primarily interesting because of their fairly objective and comprehensive analysis of Soviet postwar security requirements and a rather accurate forecast of future Soviet policy in pursuit of those interests. The Soviet sphere of influence as outlined in these estimates is quite close to and sometimes even exceeds the actual geopolitical requests made by Stalin by the end of WWII. This implicit recognition of legitimacy of the Soviet geopolitical desiderata contradicts the conventional thesis that the Soviet Union after the war went far beyond its legitimate security interests and thus provoked the Cold War with the West.

Ключевые слова: Вторая мировая война; советская безопасность; советская политика и интересы безопасности СССР; Сталин; границы и сферы влияния.

Key words: World War II; Soviet security; Soviet security interests and policy; Stalin; borders and spheres of influence.

E-mail: pechatnov@gmail.com

Вопрос о том, каковы были подлинные стратегические интересы и намерения советского руководства на исходе Второй мировой войны, является ключевым для анализа ее итогов и происхождения следующей – холодной – войны. Стандартная западная версия в этом вопросе сводится к тому, что Советский Союз, укрепив свои геополитические позиции в ходе войны со странами «оси», вышел далеко за пределы своих законных интересов безопасности, встал на путь территориальной экспансии и вызвал ответную реакцию Запада в виде стратегии «сдерживания». Однако границы этих законных интересов, как правило, на Западе серьезно не обсуждались и даже не обозначались, а с началом холодной войны этот вопрос уже вообще перестал ставиться – какие, дескать, законные интересы безопасности могут быть у «тоталитарного государства»? Москва, в свою очередь, также не проясняла своих потребностей безопасности, предпочитая идеологический дискурс геополитическому: «страны народной демократии», «пролетарский интернационализм» и т.д. вместо «сфер влияния» и «баланса сил». Запад также прикрывал свои геополитические интересы идеологической завесой, сотканной из другой – демократической – риторики о собственном бескорыстии. В результате обе стороны не раскрывали свои геополитические карты и цели, ведя большую стратегическую игру «втемную», а порой и сами становились жертвами своей пропаганды.

Между тем «про себя» англо-американский военно-политический истеблишмент мыслил в категориях *Realpolitik*, тщательно просчитывая не только свои, но и чужие геополитические интересы в целях разработки долгосрочной внешнеполитической стратегии. В стратегической культуре Советского Союза не было ни адекватных механизмов, ни традиции перспективного стратегического планирования даже по обеспечению своих собственных интересов безопасности за исключением чисто военных планов, которые пока остаются недоступными гражданским исследователям. В США и Великобритании многие из соответствующих документов рассекречены, что позволяет заглянуть внутрь англо-американского стратегического мышления военных лет в его малоизвестной части – представлении о советском союзнике (и одновременно – потенциальном противнике).

Наглядными примерами являются два предлагаемых читателю документа из архива британской разведки, датированные концом 1944 года. Они были разработаны в Объединенном разведывательном комитете (*Joint Intelligence Committee*) – существующем и поныне высшем

межведомственным разведывательным органе при британском кабинете, архивы которого начали рассекречиваться лишь в последние годы. Они представляют собой плод коллективного творчества лучших умов британской разведки, задавшихся целью выявить объективные стратегические интересы СССР с точки зрения его безопасности (документ №1), а затем на этой основе попытаться предсказать действия советского руководства по обеспечению этих интересов (документ №2). Если оценки советского потенциала и прогнозы политики СССР были стандартной практикой и американской разведки¹, то англичане в отличие от своих заокеанских «кузенов» подошли к этому делу более основательно, взяв на себя труд сначала трезво и комплексно оценить реальные стратегические интересы СССР, а уже потом предсказывать его политику. Иными словами, британские планировщики как бы ставили себя на место своих советских коллег, исходя из соображений геополитической и военной логики, общей для всех великих держав. При этом они стремились к максимальной объективности и вряд ли были склонны преувеличивать советские потребности в сфере безопасности.

Насколько представительными были данные оценки для тогдашнего Уайт-холла? С лета 1944 года в британских правительственных кругах шли дебаты между Форин офис и военными относительно будущей советской политики и обращения с Советским Союзом. Дипломаты во главе с Э.Иденом придерживались более оптимистической позиции в отношении перспектив сотрудничества с СССР, тогда как военные и разведчики уже начинали видеть в нем будущего геополитического соперника. Особенно острые споры разгорелись вокруг докладов, подготовленных отделом по послевоенному планированию при Комитете начальников штабов летом 1944 года, которые Иден в сердцах назвал «поиском врага»². Однако эти разногласия в основном касались толкования советских намерений. В оценке же стратегических интересов СССР и вытекавших из них приоритетов советской политики существенных различий не было; данные документы как раз и очерчивают эту зону согласия, представляя общую точку зрения военных и дипломатов. Они были подготовлены под руководством высших чинов политической, военной и экономической разведки во главе с председателем Объединенного разведывательного комитета В.Кавендишем-Бентинком (он

¹ См.: Печатнов В.О. *Каким СССР вышел из войны (в оценках американской разведки и дипломатии)* // США & Канада: экономика–политика–культура. 2005. №5.

² Folly M. *Churchill, Whitehall and the Soviet Union, 1940–1945*. N.Y., 2000. P.129.

же главный связной между Форин офис и военными ведомствами) и одобрены Комитетом начальников штабов³.

Первое, что обращает на себя внимание при знакомстве с этими документами, – это реализм в оценке стратегических уязвимостей СССР и задач по их минимизации. Думается, что если бы аналогичный документ разрабатывался в советском Генштабе, то он бы не слишком отличался от этой версии британских планировщиков. Это и понятно: геополитическая логика подчиняется общим законам, а потребности безопасности Советского Союза имели слишком очевидный и императивный характер, чтобы давать профессиональным аналитикам пищу для серьезных расхождений. Первостепенная необходимость защиты огромных границ (особенно на самом уязвимом западном направлении), ликвидация на возможно долгий период способности главных исторических врагов России – Германии и Японии – к новой агрессии, обеспечение свободного выхода в мировой океан, грандиозная задача послевоенного восстановления народного хозяйства страны – таковы были реальные стратегические приоритеты СССР, отражавшиеся в зеркале британских оценок. Для решения этих задач, резонно подчеркивали авторы, страна «будет стремиться создать такую систему безопасности за пределами своих границ, которая смогла бы, насколько это в человеческих силах, обеспечить ее мир и навсегда предотвратить угрозу ужасающих разрушений и бедствий войны, дважды испытанных ею в течение жизни одного поколения».

Британские аналитики оказались весьма точны и в прогнозе грядущих советских геополитических запросов на ключевых региональных направлениях – в Центральной и Восточной Европе, на Балтике и Черном море, Среднем и Дальнем Востоке. По ряду пунктов британские планировщики предусматривали даже более обширную сферу советского влияния, чем ту, на которую впоследствии реально претендовал Советский Союз. Москва не пошла на захват Маньчжурии и Кореи, не стала перекрывать для Запада доступ к нефтяным ресурсам Ирана, Ирака и Саудовской Аравии или добиваться нейтрального статуса для Норвегии и Турции.

С другой стороны, Кремль пошел дальше в подчинении себе стран Центральной и Восточной Европы вопреки прогнозам британских планировщиков, рассчитывавших на то, что советское влияние в этих странах ограничится внешней и военной политикой, оставив место для про-

³ *Ibid.* P.132.

никновения туда западных капиталов и идей. К причинам этих просчетов мы еще вернемся, но сначала отметим одно примечательное обстоятельство: даже столь значительное расширение сферы советского влияния не вызывало большой тревоги британской разведки, не усматривавшей в этом серьезного конфликта советских и британских стратегических интересов. Прогнозируемая на послевоенный период «стратегическая система» Советского Союза почти не пересекалась со стратегической орбитой Британской империи, а значит, сохранялась возможность сосуществования и даже сотрудничества «большой тройки» и после войны. Здесь ощущается явный отзвук идеи кооперационного раздела послевоенного мира на региональные сферы влияния, которая в тот период была весьма популярна не только в англо-американских кругах, но и среди искушенных советских дипломатов: М.М.Литвинов и И.М.Майский в своих закрытых прогнозах также надеялись на «полюбовный раздел» сфер влияния, в первую очередь – в Европе между СССР и Великобританией⁴. На практике самым ярким примером такой попытки стала знаменитая «процентная сделка», предложенная У.Черчиллем И.Сталину в октябре 1944 года – в те самые дни, когда были подготовлены публикуемые доклады.

Несущей конструкцией подобных надежд была презумпция рационального, сдержанного поведения трех великих держав-победительниц, их готовности признавать и уважать законные сферы интересов друг друга. Эта презумпция скрывается и за умеренно оптимистическим тоном данных британских документов, хотя они, естественно, концентрируются на Советском Союзе.

Его стратегические интересы тракуются как вполне естественные и необходимые, а его будущая политика по их обеспечению – как преимущественно оборонительная, ориентированная на защиту своей безопасности, а не на агрессивную экспансию. К подобной умеренности, считали авторы докладов, Москву будут склонять и внутренние задачи – необходимость послевоенного восстановления и улучшения жизни своего народа, а также внешние факторы – готовность США и Англии сотрудничать с СССР в предотвращении новой германской и японской агрессии. Учитывался и не раз продемонстрированный за годы войны рационализм сталинского руководства, его отход от большевистской идеологизации к более прагматической, национально ориентированной

⁴ Филитов А.М. В Комиссиях Наркоминдела // Вторая мировая война: актуальные проблемы. М., 1995. С.54–71.

политике. В Лондоне явно недооценили огромный мобилизационный потенциал советской системы, способность Сталина пожертвовать благосостоянием своего народа ради великодержавных интересов СССР и своего собственного режима. «Подвел» британских аналитиков и знаменитый английский здравый смысл: с чисто рациональной точки зрения насильственная советизация Центральной и Восточной Европы представлялась слишком рискованным предприятием, чреватым неспособностью «переварить» и эффективно контролировать огромные новые территории с почти стомиллионным населением. Для Сталина же надежен был только тотальный контроль.

Но дело было не только в советской политике. Запад тоже отклонился от траектории сотрудничества со своим боевым союзником. Пройдет буквально несколько месяцев после представления этих докладов, как английские (так же, как и американские) оценки советских интересов и политики станут гораздо более мрачными. Этот сдвиг лишь в малой степени объяснялся ужесточением советской политики в Польше и Румынии, а также новыми попытками Москвы проникнуть в зону стратегического влияния англичан – Средиземноморье – за счет получения мандата на бывшие итальянские колонии. Главное было в том, что некоторый рост советских геополитических appetитов в конце войны сопровождался резким сокращением англо-американской терпимости к тому, что еще вчера считалось законными стратегическими интересами СССР. С разгромом общего врага Советский Союз стал не нужен, а усиление его позиций в результате войны начало казаться угрожающим.

По сути, изменилась сама парадигма восприятия Советского Союза и его интересов. Их стали рассматривать не с точки зрения его безопасности, а через призму своих корыстных интересов. В итоге нарушенными оказались те самые внешние условия умеренного советского поведения, о которых предупреждали авторы этих докладов: англо-американцы пошли на примирение с Германией и Японией, привязали к себе стратегически важные Турцию, Иран и Норвегию, стали активно противодействовать Советскому Союзу в его европейской сфере влияния. В итоге раздел на эти сферы произошел не в форме полюбовной сделки, а через конфронтацию холодной войны. Исчезла и способность к стратегической эмпатии – умению и желанию войти в положение другой стороны, попытаться понять ее опасения и проблемы безопасности. И сегодня ее дефицит осложняет отношения Запада с новой Россией.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЕЕ БЕЗОПАСНОСТИ

Доклад подкомитета Объединенного разведывательного комитета 18 октября 1944 г.⁵

1. В этом докладе мы оцениваем стратегические интересы России на период после безоговорочной капитуляции Германии и Японии исключительно с точки зрения ее безопасности, не касаясь той политики, которую Россия может проводить после войны или мотивов этой политики. Мы также не рассматриваем действия России по обеспечению ее стратегических интересов.

2. Что касается влияния воздушной мощи на стратегию, мы исходим из того, что соотношение наступления и обороны в этой области не претерпит серьезных изменений. Соответственно мы предполагаем, что полная защита от воздушного нападения может быть обеспечена лишь за счет захвата всех тех баз, с которых может быть осуществлено такое нападение, и что глубина обороны, необходимая для дислокации ПВО, не будет радикально отличаться от сегодняшних норм. Мы также не учитывали тех форм военных действий, которые не используются в настоящее время.

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

3. Главный стратегический интерес России с точки зрения ее безопасности будет заключаться в обеспечении максимально возможной защиты от нападения со стороны другой державы или группы стран. Поскольку Россия – сухопутная страна и поддержание внешней торговли вряд ли жизненно важно для функционирования ее военной экономики, безопасность для России будет, прежде всего, означать безопасность ее границ, промышленных районов и внутренних источников сырья.

4. Внутренние источники сырья

Россия обладает большими ресурсами продовольствия и сырья, которые в долгосрочной перспективе делают ее самодостаточной во время войны, хотя в настоящее время ей необходим импорт некоторого количества жести, меди, натурального каучука и шерсти. Эти ресурсы сосредоточены по всему Союзу и за исключением Украины (важного источ-

⁵ *Russia's Strategic Interests from the Point of View of Her Security. Joint Intelligence Committee (44) 442, 18 October, 1944 // National Archives, CAB 81/125.*

ника продовольствия, железной руды и марганца) и Кавказа (где сосредоточено около 75% запасов нефти) расположены на значительном удалении от ее границ.

Хотя Украина со временем восстановит свою былую роль в качестве важного источника поставок, ее относительная ценность сократилась ввиду развития в последние годы ресурсов менее уязвимых районов страны.

5. Промышленные районы

Старые производственные мощности России всегда определялись военными и стратегическими соображениями и соответственно развивались преимущественно в удалении от ее границ, прежде всего – в Волго-Уральском и Кузбасском промышленных районах. Важными исключениями, естественно, являются Московско-Ленинградский промышленный район и Украина.

В целом, производственные мощности России в случае войны обеспечат ее потребности независимо от импорта; этот потенциал естественно возрастет в результате восстановления промышленности на Украине и завершения долгосрочных проектов развития коммуникаций и индустриализации таких районов, как Южный Кавказ, Центральная Азия и Дальний Восток.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ В РАЗНЫХ РЕГИОНАХ

Норвегия, Швеция и Крайний Север

6. В этом регионе у России будут следующие интересы, требующие защиты: шахты Петсамо (которые будут важным источником никеля) и порт Мурманск. Россия также будет заинтересована в импорте угля со Шпицбергена. В ее интересах будет обеспечение безопасности Северного морского пути – кратчайшего маршрута поставок из Западной Европы и Америки в случае блокирования Каспийского и Черного моря, как это имеет место в нынешней войне.

7. Петсамо, Мурманск, Белое море и Северный морской путь уязвимы для нападения со стороны любой враждебной державы, располагающей военно-морскими и военно-воздушными базами в Северной Норвегии. Поэтому безопасность России была бы укреплена оккупацией Северной Норвегии вплоть до Тромсо на юге или размещением своих военных баз в этом районе, но мы не думаем, что Россия сочтет эту дополнительную меру необходимой. В любом случае, Россия будет считать, что ее стратегические интересы требуют, чтобы Норвегия и Швеция не подпали под исключительное влияние другой державы или группы стран.

Финляндия и Балтика

8. Главные стратегические интересы России в Балтике – это оборона промышленного района Ленинграда, восточного морского побережья и морских коммуникаций в Балтике.

9. Защита Ленинграда была бы резко усилена оккупацией юга Финляндии, но до тех пор, пока Финляндия придерживается дружественной политики в отношении России и не связана тесно с другими державами или группой стран, Россия, видимо, будет считать защиту Ленинграда обеспеченной благодаря владению Прибалтийскими государствами и военной базой в Пурккалло, которую она получила по перемирию с Финляндией.

10. Поскольку, как отмечалось выше, сохранение морских внешнеторговых путей не столь важно для военной экономики России, мы не думаем, что Россия сочтет необходимым для своей безопасности взять на себя масштабные обязательства, связанные с получением контроля над морскими путями из Балтики. Однако она будет считать стратегически важным контролировать морские коммуникации в Восточной Балтике, а значит – поддерживать полное превосходство в Балтике на море и в воздухе. Контроль над Восточной Балтикой также даст ей возможность перекрыть доступ Германии к важным поставкам железной руды из Швеции.

Центральная Европа

11. Западной границе России может серьезно угрожать только Германия или другие государства, действующие совместно с ней. Угроза может возникнуть из комбинации государств с участием Польши, но приобрести серьезный характер она будет способна только с использованием германской территории.

12. Для исключения нового вторжения с запада Россия будет считать, что ее стратегические интересы требуют устранения угрозы германской агрессии на как можно более длительный период.

13. Хотя Польша сама по себе не может стать угрозой для России, стратегический интерес России будет состоять в обеспечении того, чтобы внешняя политика Польши основывалась на сотрудничестве с Россией и чтобы она не вступала в тесную связь с другим государством или группой государств.

14. Граница России от Балтики до Карпат плохо очерчена географически и не имеет сильных природных оборонительных рубежей. Поэтому России потребуются значительная глубина обороны, дабы не допустить того, чтобы внезапное нападение неприятеля привело к захвату Москвы

и промышленных центров и источников сырья на Украине. Глубина обороны также потребует России для развертывания противовоздушной обороны этих центров.

15. При условии, что Германия остается ослабленной, а Польша следует политике дружбы с Россией, Россия, вероятно, сочтет, что ее безопасность между Балтикой и Карпатами достаточно обеспечена границей по линии Керзона и изъятием Восточной Пруссии из-под германского контроля. Помимо политических соображений, предел продвижения русских границ на запад в этом районе может быть положен опасением того, что безопасность России может пострадать, если она включит в себя чрезмерное количество иностранного и потенциально враждебного населения, способного породить опасную «пятую колонну».

16. На протяжении от южной оконечности линии Керзона до Черного моря главной оборонительной задачей России является защита Украины от нападения через Румынию. Лучший защитный рубеж пролегал бы вдоль Карпат к Галатской впадине и по устью Дуная. Однако линии коммуникаций на юге Восточной Европы резко осложняют масштабное сухопутное нападение на Украину с этого направления, и в стратегических интересах России достаточно будет обеспечить, чтобы Румыния не стала враждебной и тем самым не послужила бы потенциальной базой для нападения. Хотя овладение нефтяными месторождениями Румынии было бы плюсом для военной экономики России, это не является для нее жизненно важным. Россия может посчитать, что в целом нет необходимости продвигать (советско-румынскую) границу далее на запад, чем граница 1940 года по реке Прут.

17. Стратегический интерес России в остальной части Балкан за исключением Черного моря и Проливов будет в основном состоять в обеспечении того, чтобы эти страны, а также Венгрия и Чехословакия следовали в русле дружественной для России политики и не создавали комбинаций, способных стать угрозой для ее безопасности, или не подпадали под исключительное политическое или экономическое влияние других государств.

Западная Европа

18. Стратегический интерес России в Западной Европе будет в основном касаться отношений между западными странами и Германией. Для нее будет крайне важно, чтобы западные государства следовали политике, направленной на предотвращение возрождения военной мощи Германии. Она будет рассматривать любую тенденцию к их примирению с Германией как потенциальную угрозу своей безопасности, что может

заставить ее пересмотреть свои минимальные потребности обороны, особенно вдоль ее западных границ. Таким же образом Россия будет относиться и к созданию оппозиционного ей Западного блока, даже если он не будет включать в себя Германию.

Черное море и Проливы

19. Для обеспечения обороны Украины от нападения с моря и защиты своего судоходства на Черном море Россия будет считать своим стратегическим интересом сохранение Черного моря в качестве русского озера и контроль над проходом через Проливы.

20. Россия не будет иметь серьезного стратегического интереса в контролировании морских путей в Средиземноморье, что в любом случае потребовало бы крупномасштабных обязательств. Поэтому мы полагаем, что стратегический интерес России ограничится преобладанием на Черном море, для чего ей потребуется получить максимально возможный контроль над Проливами. Полный контроль движения через Проливы может быть обеспечен только оккупацией значительного отрезка территории по одному из их берегов и получением военных баз, контролирующих морские пути в Эгейское море. Однако мы не считаем, что для безопасности России жизненно важно так далеко расширять свою территорию; для обеспечения ее стратегических интересов будет достаточно иметь воздушное и морское превосходство на Черном море при том условии, что Турция не будет тесно связана с другим государством или группой государств.

Средний Восток

21. Главная стратегическая потребность России на Среднем Востоке – обеспечить должную защиту нефтяных месторождений Южного Кавказа, необходимых для ее военной экономики. Этот нефтеносный район защищен от сухопутного нападения надежными естественными препятствиями и большой удаленностью от территорий, откуда такое нападение может быть успешно организовано. Коммуникации в районах, граничащих с Южным Кавказом, потребуют больших вложений, прежде чем они смогут обслуживать сухопутные силы, достаточные для того, чтобы представлять серьезную угрозу тем силам, которые Россия сможет выставить для обороны этих месторождений. Поэтому Россия не станет опасаться серьезной угрозы этому району с суши.

22. Но здесь остается угроза нападения с воздуха. Сами по себе нефтяные месторождения не особенно уязвимы для удара с воздуха, но, как русские могли убедиться на примере Плоешти, интенсивные бомбардировки со сравнительно удаленных авиабаз могут причинить серьез-

ный ущерб нефтеперерабатывающим заводам и транспортным сетям. Одним из способов усиления защиты нефтяной индустрии России было бы перемещение перерабатывающих заводов подальше от границ и подведение к ним защищенных нефтепроводов. Если Россия пойдет на такие дополнительные меры, она сможет защитить поставки нефти с Южного Кавказа в пределах своих нынешних границ. Хотя обладание нефтеносными районами Северной Персии дало бы России экономическое преимущество, оно не является для нее жизненно необходимым.

23. В стратегических интересах России будет иметь возможность перекрыть доступ к нефтяным ресурсам Персии, Ирака и Аравии любой враждебной державе.

24. Россия не станет полагать, что у нее есть основания серьезно опасаться враждебного нападения в районе между Каспием и границы с Китаем. Она будет считать стратегически желательным сохранение Афганистана в качестве независимого государства.

Дальний Восток

25. На Дальнем Востоке стратегические интересы безопасности России связаны главным образом с обороной Владивостока и Приморья. Хотя Россия имеет чрезвычайно протяженную сухопутную границу от Синьцзяна до Манчжурии, ее безопасности в послевоенный период здесь не угрожает ничто, кроме нападения с территории Манчжурии, Кореи или Японии. Но даже успешное нападение на этом направлении, способное нанести серьезный ущерб престижу России, не составит угрозы ее безопасности ввиду огромной удаленности этого района от ее стратегически и экономически важнейших центров.

26. Главным условием стратегической безопасности России на Дальнем Востоке является ликвидация способности Японии к военной агрессии на как можно более длительный период. Китай в военном отношении слаб и останется таким еще долгие годы. Это устраивает Россию, поскольку, хотя будучи готова принять Китай единым и упорядоченным, она не хотела бы видеть его сильным военным государством или находящимся под большим влиянием Америки. В таком случае единственными державами, способными угрожать безопасности России на Дальнем Востоке, будут Британская империя и США. До тех пор, пока эти страны придерживаются политики сотрудничества с Россией, а Япония остается слабой в военном отношении, у России не будет необходимости расширять свои границы на Дальнем Востоке.

27. В качестве долговременной подстраховки на случай возникновения на Дальнем Востоке враждебной для себя державы стратегическим преимуществом России будет наращивание глубины обороны Владивостока и Приморья и укрепление их связи с остальной российской территорией. Другим очевидным преимуществом будет повышение самообеспеченности Дальнего Востока на случай войны по сравнению с сегодняшним днем.

28. Владивосток и Приморье уязвимы к нападению с моря со стороны Японии или Сахалина, а к сухопутному нападению – со стороны Кореи или Манчжурии. Для устранения угрозы такого нападения в интересах России будет получение японской части Сахалина и Курильских островов. Это также снизит угрозу нефтяным промыслам на русском Сахалине. Еще одним стратегическим преимуществом для России будет предотвратить получение военных баз в Японии другими государствами.

29. Безопасность России от сухопутного нападения будет резко усилена оккупацией Манчжурии и Кореи. Это не только намного увеличит глубину обороны Владивостока и Приморья, но и прикроет линии коммуникаций с остальной территорией России. В настоящее время главной из них является Транссибирская железная дорога, которая очень уязвима для нападения со стороны Манчжурии; однако русские, по некоторым сведениям, строят другую ветку севернее Транссиба, ответвляющуюся от него в районе озера Байкал.

30. Приобретение Манчжурии и Кореи также намного укрепит безопасность России на Дальнем Востоке в экономическом отношении. В настоящее время российское население к востоку от Байкала составляет всего 5–6 миллионов человек. Эта территория испытывает недостаток продовольствия и не способна поддерживать военную промышленность, необходимую для содержания крупных вооруженных сил. Поэтому российские силы на Дальнем Востоке держатся на поставках из остальной России, доставляемых по суше или морю очень протяженными и уязвимыми маршрутами. Манчжурия и Корея имеют население около 65 миллионов человек, богаты источниками сырья, обладают способными к дальнейшему длительному развитию промышленными районами и источниками продовольствия достаточными для того, чтобы весь этот регион смог обеспечивать себя всем необходимым.

31. С Манчжурией и Кореей, всеми Курилами и Сахалином дальневосточные владения России могут образовать мощный военный и

экономический блок, способный обеспечивать себя продовольствием и поддерживать очень крупные вооруженные силы без опоры на остальную часть России. Более того, отняв у Японии ресурсы Манчжурии и Кореи, Россия лишит ее промышленных и экономических ресурсов, которые были созданы для восполнения брешей в военной экономике Японии, и заставит ее опираться на импорт из отдаленных источников. С другой стороны, включение в свой состав 65 миллионов иностранцев будет стратегически рискованным даже при том, что в прошлом эти народы не оказывали большого сопротивления иностранному доминированию.

32. Безопасность дальневосточных территорий России будет серьезно укреплена овладением южнманчжурских портов Дайрен и Порт-Артур в качестве оборонительных военно-морских баз, использованию которых Японии будет трудно воспрепятствовать. Россия может также заполучить незамерзающие порты Рашин и Сейсин в Северо-Восточной Корее в качестве потенциальных баз в Японском море.

33. Стратегический интерес России во внешней торговле своих дальневосточных провинций будет уменьшаться по мере развития этих территорий в направлении самообеспечения. В начале этого процесса России потребуется импортировать промышленное оборудование, нефть и каучук. Затем нужда в таком импорте исчезнет, поскольку эти территории по мере развития индустриализации смогут обеспечивать себя всем необходимым для своей промышленности. Следует также ожидать, что Россия сможет освободиться от необходимости импортировать каучук, которого в настоящее время ей не хватает. Хотя при любых условиях России будет выгодно поддерживать внешнюю торговлю своих дальневосточных провинций, эта торговля в долгосрочном плане не является жизненно необходимой для ее военной экономики.

34. Американские военные базы на Аляске и Алеутских островах будут вызывать озабоченность России, но эти базы слишком удалены от ее стратегически важных районов, чтобы представлять серьезную угрозу ее безопасности. Поэтому мы не считаем, что стратегические интересы России требуют оккупации или демилитаризации этих районов. Мы также полагаем, что у России не будет стратегически важных интересов безопасности на американском континенте, островах Тихого океана или в Австралии и Новой Зеландии.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ И НАМЕРЕНИЯ РОССИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЕЕ БЕЗОПАСНОСТИ⁶

**Доклад подкомитета Объединенного разведывательного комитета
18 декабря 1944 г.**

1. В этом докладе мы рассмотрим стратегические интересы России на период после безоговорочной капитуляции Германии и Японии с точки зрения ее безопасности. Мы также рассмотрим политику, которую Россия, может быть, намерена проводить для обеспечения своих интересов. В приложении мы детально проанализируем стратегические интересы и политику России в конкретных странах. Мы исходим из того, что глубина обороны, необходимая для дислокации ПВО, не будет радикально отличаться от сегодняшних норм. Мы также не учитывали тех форм военных действий, которые не используются в настоящее время.

2. Следует подчеркнуть, что любой анализ стратегических интересов и политики России является предположительным, поскольку у нас очень мало данных, позволяющих судить о том, как Россия расценивает свои стратегические интересы и какую политику она намеревается проводить. Кроме того, текущая российская политика зависит в основном от решений маршала Сталина; ему уже больше 65 лет, и невозможно предсказать, какие изменения во внутренней и внешней политике России могут произойти после его ухода с политической сцены.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

3. Послевоенная Россия будет представлять новый феномен в современной истории: сухопутная империя с большим, молодым и быстро растущим населением, располагающая почти всеми видами сырья, необходимого для военной экономики, и промышленностью, достаточной для поддержания вооруженных сил, намного превосходящих силы любой другой европейской державы. Кроме того, огромные размеры России и распределение ее природных ресурсов дают ей большое преимущество в отношении глубины обороны и рассредоточения экономически важных целей. Единственными исключениями являются нефтяные месторождения Кавказа, угольная, металлургическая и другая промышленность Украины, а также промышленные районы Москвы и Ленинграда. Но даже

⁶ *Russia's Strategic Interests and Intentions from the Point of View of Her Security. Joint Intelligence Committee (44) 467, 18 December, 1944 // National Archives, CAB 81/126.*

эти районы менее уязвимы для нападения, чем аналогичные районы любой другой европейской страны.

4. Россия уже показала, что способна эффективно использовать свои природные ресурсы для военных нужд. Хотя по уровню своего технического развития она еще уступает наиболее развитым из современных государств, она доказала свою способность развертывать и обеспечивать очень крупные силы и нанести поражение чрезвычайно мощной германской армии. Техническая и военная эффективность России, по всей видимости, будет расти; вероятно, что повышение общего уровня образования и технической подготовки повысит техническую эффективность, а развитие военной традиции на базе опыта нынешней войны приведет к росту военной эффективности.

5. Если, как мы ожидаем, после войны в России не произойдет серьезных политических потрясений, экономическое развитие страны будет продолжаться по восходящей, хотя и не такими исключительно высокими темпами, как перед этой войной. Россия будет располагать в пределах своих границ военными и экономическими ресурсами, достаточными для отражения нападения даже со стороны коалиции ведущих европейских держав. Россия, правда, может предпочесть импортировать значительные объемы нефти, но ее главной задачей будет экономия своих внутренних ресурсов, развитие промышленности и дорожного транспорта. Поскольку добыча нефти в России к 1950 году может достичь 50 млн. тонн, во время войны она сможет обойтись без этого дополнительного импорта.

6. Соответственно, Россия может с гораздо меньшим риском, чем любая другая держава, проводить политику изоляции и опираться только на свою военную мощь для защиты от агрессии. В силу особенностей географии и коммуникаций серьезная угроза безопасности России может исходить только со стороны ее западной границы между Балтикой и Карпатами; на всех остальных направлениях практически невозможно ввиду характера местности и коммуникаций развернуть силы, достаточные для того, чтобы реально угрожать русским армиям и продвинуться на многие сотни миль, чтобы достичь стратегически или экономически важных районов. Поэтому Россия может сосредоточить свою огромную мощь в основном для защиты своих западных границ.

7. Тем не менее стремление России к абсолютной безопасности будет очень сильным. Правительство России, видимо, полно решимости поднять уровень жизни своего народа до сравнимого с западными странами, и тот факт, что большая масса русских военных к концу войны на

личном опыте познакомится с гораздо более комфортными условиями жизни на Западе, будет только усиливать эту решимость. Большая часть промышленности в европейской части России разрушена; для повышения уровня жизни придется не только восстанавливать разрушенные районы, но и развивать новое промышленное и сельскохозяйственное производство. Программа такого размаха потребует долгого периода мира и будет значительно ускорена, если Россия сможет импортировать промышленное оборудование и получить большие репарационные поставки из Германии.

8. Россия, следовательно, вряд ли будет готова рисковать, и, как бы мала ни была угроза нападения на нее (особенно в первые послевоенные годы), она будет стремиться создать такую систему безопасности за пределами своих границ, которая смогла бы, насколько это в человеческих силах, обеспечить ей мир и навсегда предотвратить угрозу ужасающих разрушений и бедствий войны, дважды испытанных ею в течение жизни одного поколения.

9. С учетом этой задачи Россия, по крайней мере, попробует проводить политику сотрудничества с Британской империей и Соединенными Штатами. Она сочтет естественным, что мировые дела будут вершиться в основном этими тремя державами, и будет взирать на любую организацию безопасности как на форму великого союза, посредством которого этот триумvirат сможет решать споры меньших стран. Она не станет рассматривать всемирную организацию безопасности как подходящий орган для разрешения серьезных разногласий между тремя великими державами, поскольку конфликт между ними будет означать развал основ международной безопасности.

10. Хотя Россия будет готова присоединиться к всемирной организации безопасности, если цели последней будут соответствовать ее представлениям, она подстрахуется на случай провала этой организации путем создания системы буферных государств вдоль своих границ, тесно связанных с Россией, и за счет ликвидации на возможно более длительный период способности Германии и Японии к агрессии. В Европе Россия будет считать Финляндию, Польшу, Чехословакию, Венгрию, Румынию, Болгарию и в меньшей степени Югославию в качестве своего защитного пояса. Вероятно, она согласится с тем, что Норвегия и Греция находятся вне сферы ее влияния, если будет удовлетворена сотрудничеством с Великобританией. Она захочет преобладать в Черном море и быть в состоянии контролировать проход военных кораблей через Проливы. На Среднем Востоке она захочет контролировать Северную Пер-

сию. На Дальнем Востоке помимо приобретения Южного Сахалина и Курил она будет стремиться заполучить какую-то форму контроля над Манчжурией и Кореей, вероятно, в духе тех привилегий, которые она имела в Манчжурии до 1904 года, когда Россия владела Дайреном и Порт-Артуром и ведущими к ним коммуникациями.

11. Россия будет считать, что эти территории находятся в ее естественной сфере влияния, и не будет признавать наличие конфликта между такой системой национальной безопасности и всемирной организацией безопасности. В случае столкновения в будущем с коалицией враждебных государств первый удар нападающих должен быть встречен как можно дальше от российских границ. Такая система увеличит глубину обороны России, даст ей больше времени для мобилизации, уменьшит вероятность ведения войны на русской земле и не даст противнику заручиться поддержкой своих соседей. Россия может быть заинтересована в импорте румынской нефти и, вероятно, польского угля. Она также захочет лишить Германию возможности использовать тяжелую промышленность Силезии или импорта нефти из Румынии. Отношения России с соседними странами будут зависеть от возможности установления над ними реального контроля, их стратегического значения и степени подлинного сотрудничества с местными властями, а также от лояльности их народов. В целом, в отношениях со стратегически важными странами вдоль своих границ Россия будет стремиться примерно к таким отношениям, какие существуют между Великобританией и Египтом; иными словами, Россия позволит им такую степень независимости, при которой их политика будет служить ее стратегическим интересам.

12. Вне границ этого бастиона из связанных с собой стран Россия сделает все, чтобы обеспечить ситуацию, при которой Германия и Япония как можно дольше оставались неспособными к агрессии. Как уже отмечалось выше, серьезная угроза безопасности России может исходить только со стороны ее западной границы между Балтикой и Карпатами. Такая угроза подразумевает использование германской территории, и потому фундаментом российской послевоенной политики будет стремление сохранять Германию слабой. Россия будет выступать за экономическое разоружение, а возможно, и за политическое расчленение Германии; она сочтет важным ослабление экономических основ германской военной мощи. В качестве составной части политики контроля над Германией Россия будет ориентироваться на другие западные страны, и особенно – на Великобританию и Францию как западный сектор кольца вокруг Германии. Их решимость держать Германию ослаб-

ленной станет для нее важным мерилom искренности стремления к сотрудничеству с Россией. Любой шаг к примирению между Германией и западными державами она будет рассматривать как потенциальную угрозу своей безопасности. При таком повороте событий она может попытаться обойти эти державы и перетянуть Германию на свою сторону; в случае же угрозы присоединения Германии к потенциально враждебной коалиции Россия может начать против нее превентивную войну.

13. Хотя Япония не может представлять для России столь же серьезной угрозы, как Германия, Россия тем не менее захочет иметь гарантии, чтобы в случае войны в Европе она не столкнулась бы с угрозой японского нападения у себя в тылу. Поэтому она будет выступать за жесткую демилитаризацию Японии и контроль над ее экономикой. Россия будет надеяться, что ее будущий контроль над ресурсами Манчжурии и Кореи не только поможет ей развивать свой Дальний Восток и намного усилит ее военную мощь в этом регионе, но и затруднит для Японии создание эффективной военной экономики, т.к. отрежет ее от ресурсов данных территорий.

ВЫВОДЫ

14. В послевоенный период политика России будет направлена главным образом на обеспечение максимально возможной безопасности. Она не удовлетворится безопасностью, проистекающей из ее огромных людских и природных ресурсов, но сделает все возможное, чтобы избежать нового вторжения, как бы ни мала была такая вероятность. У России будет и другая причина стремления к безопасности: она захочет поднять уровень жизни своего народа до мало-мальски сопоставимого с западным. Для этого ей потребуется длительный период мира, необходимый для восстановления разрушенных районов и развития своей промышленности и сельского хозяйства. В первые послевоенные годы эта программа внутреннего развития получит большое ускорение, если Россия сможет импортировать промышленное оборудование.

15. Для обеспечения максимально возможной безопасности Россия будет стремиться укрепить свои стратегические границы и вовлечь приграничные страны (прежде всего – в Европе) в свою стратегическую систему. При условии, что другие великие державы будут готовы признать преобладание России в этих приграничных государствах и проводить политику, нацеленную на предотвращение возрождения военной мощи Германии и Японии, Россия сможет обеспечить максимально возможную безопасность и воздержаться от ее укрепления путем дальней-

шей территориальной экспансии. При таком варианте вообще трудно представить, что еще Россия может приобрести с помощью политики агрессии.

16. В качестве дополнительной меры безопасности Россия, по крайней мере, попробует придерживаться сотрудничества с Великобританией и Америкой в интересах мировой безопасности и особенно для устранения угрозы германской или японской агрессии. Если Россия придет к убеждению в том, что Великобритания и Америка не готовы по-настоящему сотрудничать с ней на таких условиях, она, вероятно, выдвинет свои военные рубежи на территорию пограничных европейских государств, попытается путем политических интриг посеять смуту в Греции, Среднем Востоке и Индии, а также использовать свое влияние на зарубежные коммунистические партии для разжигания сопротивления антироссийской политике. В случае возникновения непосредственной угрозы войны Россия может нанести превентивный удар по нефтяным ресурсам Среднего Востока.

17. Хотя Россия, по нашему мнению, не станет на путь агрессивной территориальной экспансии, ее подозрения в отношении британской и американской политики в сочетании с отсутствием такта в международных делах будут продолжать создавать трудности. Соответственно, отношения России с Британской империей и Соединенными Штатами будут во многом зависеть от способности каждой из сторон убедить другую в искренности своего стремления к сотрудничеству.

В.Кавендиш-Бентинк
Е.Дж.Н.Рашбрук
Дж.А.Синклер
Ф.Ф.Инглис
С.Дж.Викерс

Перевод В.Печатнова

Сегодняшний мир, с его сверхдержавами – с Америкой и Россией, – с Европой, Индией и Китаем, с Передней Азией, Южной Америкой и остальными регионами земного шара, постепенно в ходе длительного процесса, благодаря развитию техники, фактически стал единой сферой общения, которая, несмотря на борьбу и раздробленность, во все возрастающей степени настойчиво требует политического объединения, будь то насильственного в рамках деспотической мировой империи, будь то в рамках правового устройства в результате соглашения. Мы считаем возможным сказать, что до сих пор вообще не было мировой истории, а был только конгломерат локальных историй.

**Эта попытка вступить
в безграничную коммуникацию –
еще одна тайна становления
человека, и не в недоступном нам
доисторическом прошлом,
а в нас самих.**

Карл Ясперс

Натиг Алиев

**ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ
ПОЛИТИКА
И
ДИПЛОМАТИЯ
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ**

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
«НЕФТЯНОЙ СТРАТЕГИИ»**

РЕДАКЦИОННАЯ ПОЧТА

**УДК
338.2**

The article is dedicated to the energy policy and diplomacy of Azerbaijan Republic. It deals with the main elements of the national oil and gas diplomacy of the country. Implementation of Heydar Aliyev's energy strategy, also the guaranteed transportation of the country's energy resources to world markets, by means of reaching laid the firm basis of Azerbaijan's development.

Ключевые слова: энергетическая политика и дипломатия; энергетическая стратегия; «Контракт Века».

Key words: energy policy and diplomacy; energy strategy; «Contract of the Century».

E-mail: amor.baku@gmail.com

«Контракт века»

Фундаментальные принципы экономической политики Азербайджана сразу же после приобретения независимости в начале 90-х годов прошлого столетия – это переход на

рыночную экономику, создание экономической системы, основанной на частной собственности, и интеграция в мировую экономику. Одним из основных направлений экономической политики независимой страны стала энергетическая дипломатия и политика.

Основополагающим элементом энергетической политики и дипломатии является «нефтяная стратегия» Гейдара Алиева, которая была призвана стабилизировать и развить экономику страны. Благодаря «нефтяной дипломатии» стало возможным вернуть доверие иностранных компаний к Азербайджану.

Начиная с 1993 года налаживание всесторонних экономических отношений со странами южнокавказского региона, европейскими государствами и США, в частности, развитие сотрудничества в области энергетики стало приоритетным направлением внешней политики Азербайджанской республики. Президент Азербайджана Гейдар Алиев заявил, что «страна готова к взаимовыгодному сотрудничеству с любым государством, проявившим интерес к нефтяным запасам Азербайджана, с учетом одного из основополагающих принципов внешней политики – национальных интересов как Азербайджанской республики, так и зарубежных государств»¹. Гейдар Алиев стремился привлечь к освоению природных ресурсов страны как можно больше стран, включая Западную Европу, США, Японию, а также Россию, Турцию и Иран. Руководство страны знало об огромном интересе ведущих стран мира к природным ресурсам Каспия и стремилось использовать этот интерес в целях укрепления независимости государства².

Нефтяная дипломатия Азербайджана способствовала укреплению позиций страны на международной арене. Внимание ведущих стран мира было привлечено к Азербайджану. Крупные нефтяные компании, заинтересованные в контрактах по каспийской нефти, приступили к

¹ Гасанов А. *Современные международные отношения и внешняя политика Азербайджана*. Баку: Şərq-Qərb, 2007. С.809.

² Ахмедов С. *Внешняя политика Азербайджанской республики в контексте развития транснациональных компаний*. Баку: Элм, 2006. С.117–118.

переговорам с руководством страны. В результате сложных процессов были подписаны соглашения, которые предусматривали вложение крупных инвестиций. Именно благодаря «энергетической дипломатии» Азербайджан смог выйти из сложной ситуации 90-х годов. Привлечение иностранных инвесторов ускорило интеграцию Азербайджана в мировое сообщество, создало благоприятные условия для развития экономики страны.

По инициативе президента Азербайджана 20 сентября 1994 года был подписан контракт между Государственной нефтяной компанией Азербайджанской республики (ГНКАР) и консорциумом крупных зарубежных нефтяных компаний по совместной разработке шельфовых месторождений «Азери», «Чираг» и глубоководной части месторождения «Гюнешли» в азербайджанском секторе Каспийского моря и распределению добываемой нефти в соответствии с долевым участием³.

В консорциум наряду с ГНКАР вошли десять крупных компаний из шести стран – «Амоко», «Юнокал», «Пеннзоил», «Макдермот» (США), «Бритиш Петролеум», «Ремко» (Великобритания), «Лукойл» (Россия), «Статойл» (Норвегия), «ТПАО» (Турция) и «Дельта» (Саудовская Аравия). Спустя год после подписания контракта к нему присоединилась известная японская фирма «Иточу», которая приобрела долю у американского «Макдермот». По числу участников крупных компаний, представляющих ведущие страны мира, по объему капиталовложений и по своему геополитическому значению это соглашение получило название «Контракт века»⁴.

Подписание этого документа имело большую важность для Азербайджана ввиду того, что оно способствовало вложению значительных средств в новую независимую страну. Азербайджан на тот период истории не обладал ресурсами для самостоятельного развития своей нефтегазовой отрасли. Зарубежные инвестиции и новые технологии способствовали подъему энергетической сферы государства и в целом экономики страны.

Условия контракта являются благоприятными, в первую очередь, для самого Азербайджана. Он получает в общей сложности 80% всей

³ *Бакинский рабочий. 1994. 21 сентября.*

⁴ *Мехтиев А. О нефтяной стратегии Азербайджана / Информационно-аналитический Центр по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве // http://www.ia-centr.ru/archive/public_details8517.html?id=232*

добытой нефти. С учетом налогов на прибыль и стоимости долей, принадлежащих ГНКАР и правительству Азербайджана, реализация проекта может принести в государственную казну до 80 млрд. долларов. Также весь попутный газ достанется ей бесплатно, тогда как поначалу предполагалось, что его придется покупать. Выгоды от контракта очевидны для всех его участников⁵.

По контракту ведущие нефтяные компании США, России, Турции, Великобритании, Норвегии и Саудовской Аравии в течение 30 лет должны добывать из азербайджанских месторождений 511 млн. тонн нефти. Общие вложенные инвестиции уже составили 10 млрд. долларов США. За прошедшие годы с 36 ведущими компаниями 16 государств мира были заключены 26 договоров о добыче нефти и газа в Азербайджане⁶.

С начала разработки блока месторождений «Азери–Чираг–Гюнешли» в азербайджанском секторе Каспийского моря было добыто 190 млн. тонн нефти. По итогам 2009 года этот показатель по нефти составил 50 миллионов тонн, а по газу – 23,5 млрд. кубических метров. Газ Азербайджана экспортируется в Турцию, Грузию, небольшая часть в Европу⁷.

В настоящее время реализация «энергетической дипломатии» приносит стране прибыль, которая является решающим фактором экономического развития государства. Основное внимание должно быть уделено правильному и рациональному использованию «нефтедолларов» в целях максимального роста как экономики страны, так и благосостояния народа. Приоритетными направлениями в связи с этим должны стать полное обеспечение страны из внутренних источников, комплексное решение экономических проблем, рациональный вклад государственных инвестиций в мировую экономику, создание новых рабочих мест и участие страны в международном разделении труда.

По мнению российского автора С.И.Чернявского, активное использование «энергетической дипломатии» для поступательного развития страны, подъема ее экономики, повышения уровня жизни ее населения, ус-

⁵ Харитонова Н. Энергетическое измерение Азербайджана. Нефть и газ // <http://www.ia-centr.ru/expert/880/>

⁶ Гасанов А. Указ.соч. С.812.

⁷ Обнародован объем прибыльной нефти Азербайджана, добытой с блока месторождений «Азери–Чираг–Гюнешли» // <http://www.day.az/news/economy/208497.html>

пешного проведения демократических преобразований, укрепления светского и конституционного государства является одним из основных компонентов внешнеполитической концепции Азербайджанской Республики⁸.

Руководство страны активно претворяет в жизнь нефтяную стратегию, которая базируется, прежде всего, на национальных интересах Азербайджана. Суть нефтяной стратегии заключается в «конвертации» доходов от продажи углеводородного сырья в инвестиции в другие секторы народного хозяйства. Роль главного «конвертора» играет Государственный нефтяной фонд Азербайджана⁹.

Азербайджан намерен увеличить экспорт нефтепродуктов за счет переработки нефти как в самом Азербайджане, так и на новых нефтеперерабатывающих заводах (НПЗ), которые планируется построить в Турции и Грузии.

Национальная нефтяная компания намерена расширить свое присутствие в Грузии (на данный момент НПЗ Азербайджана обеспечивают около 50% потребностей Грузии в бензине, до 30% – в дизельном топливе и до 100% – в газе). Здесь функционирует азербайджано-грузинское совместное предприятие «SOCAR Energy Georgia» (доля ГНКАР – 51%), контролирующее более 50% топливного рынка Грузии¹⁰.

Нефтяная стратегия способствовала переоснащению местных предприятий современными западными технологиями, созданию более мощной и мобильной инфраструктуры. Модернизирован Бакинский завод глубоководных оснований, построены платформы и плавучие буровые установки, часть которых не имеет по своим техническим параметрам аналогов не только на Каспии, но и во всем мире. Введен в эксплуатацию новый современный нефтяной терминал в Сангачале вместимостью более 100 тыс. тонн¹¹.

Одним из ключевых партнеров для Азербайджана становится Россия. 14 октября 2009 года «Газпром» и ГНКАР подписали соглашение о покупке с 1 января 2010 года азербайджанского газа по европейской цене и поставке его по газопроводу Баку–Ново-Филия для снабжения республик Северного Кавказа. В договоре было указано лишь минимальное поро-

⁸ Чернявский С.И. *Азербайджан: Выбор курса*. М., 2003. С.135–136.

⁹ *Энергетическое измерение Азербайджана. Нефть и газ*

// <http://www.ia-centr.ru/expert/880/>

¹⁰ Там же.

¹¹ Мехмиев А. Указ. соч. http://www.ia-centr.ru/archive/public_details8517.html?id=232

вое значение объемов продаваемого газа – 0,5 млрд. куб. м. Стороны сознательно пошли на этот шаг, отмечая, что Азербайджан готов поставлять столько газа, сколько купит Россия. Позже «Газпром» и ГНКАР конкретизировали свои планы. Ожидается, что в 2010 году будет поставлено 1млрд. куб. м газа, а в 2011 году – 2 млрд. куб. м газа¹².

Еще одним важным альтернативным покупателем в ближайшее время станет Иран. 13 января 2010 г. между ГНКАР и Иранской национальной газовой экспортной компанией было подписано соглашение о поставках азербайджанского газа в Иран¹³. Азербайджан проводит активную политику диверсификации экспортных путей, чтобы снизить глубокую зависимость от одного партнера и обеспечить стабильное поступление прибыли от освоения своих природных ресурсов.

«Контракт века», который приносит в настоящее время прибыль крупным зарубежным государствам, заложил твердый фундамент для привлечения нового иностранного капитала в Азербайджан. Энергетическая дипломатия Гейдара Алиева смогла нейтрализовать усилия армянского лобби в разных странах, направленные против Азербайджана, в том числе и в армяно-азербайджанском конфликте. Этот контракт также должен оказать положительное влияние на решение Карабахского конфликта. Страны, которые вложили миллионы долларов в азербайджанские ресурсы, крайне заинтересованы в стабильности и мире в этом регионе, и они будут прилагать усилия для урегулирования отношений между Азербайджаном и Арменией.

По словам известного политолога Збигнева Бжезинского, осуществление «Контракта века» является фактором стабильности на Кавказе с геополитической и экономической точек зрения¹⁴.

Что касается энергетической стратегии России, то в книге «Энергетическая дипломатия России» С.Жизнин описывает ее примерную структуру следующим образом:

- общие цели;
- национальные энергетические интересы в международных экономических отношениях;

¹² Баку корректирует энергетический вектор // http://www.ng.ru/courier/2010-03-29/11_baku.html

¹³ Там же.

¹⁴ Нефтяная стратегия Гейдара Алиева – основа независимости Азербайджана // <http://br.az/index.php?newsid=272>

- конкретные цели и задачи внешней энергетической политики и дипломатии в привязке к регионам, странам, функциональным проблемам;
- приоритетные направления с учетом особенностей двустороннего и многостороннего межгосударственного сотрудничества;
- взаимодействие с ТНК¹⁵.

Такая структура получила признание ведущих специалистов и экспертов в энергетической сфере. Безусловно, запасы энергоресурсов России и Азербайджана несравнимы. Но, на наш взгляд, данная структура вполне может стать примерным планом официальной концепции энергетической политики и дипломатии Азербайджанской Республики.

Можно выделить два приоритетных направления дипломатии страны в области энергетики. Во-первых, это активизация участия Государственной Нефтяной Компании Азербайджанской Республики в разработке и добыче энергоресурсов не только в Каспийском регионе, но также и в других регионах мира. Во-вторых, важным направлением является продвижение азербайджанских компаний на мировые рынки и интеграция в мировую экономику.

Энергетическая дипломатия является той основой, на которую опирается Азербайджанская Республика для решения как социально-экономических проблем внутреннего развития страны, так и тех проблем, которые стоят перед ней на международной арене.

Азербайджан заложил надежную и стабильную базу своего долгосрочного экономического развития. Уже очевидны результаты проделанной работы. Стране удалось достичь впечатляющего роста ВВП (с 2005 по 2007 год этот рост был выше 20%).

За прошедший период Азербайджан зарекомендовал себя как один из стабильных и потенциально крупнейших производителей и экспортеров углеводородов. Вместе с тем Азербайджан инициировал проекты, в которых участвуют и страны южнокавказского региона. Это создает предпосылки для развития интеграции внутри региона, которая, безусловно, имеет большой потенциал.

¹⁵ Жизнин С.З. *Энергетическая дипломатия России: экономика, политика, практика / Союз нефтегазопромышленников России; Центр энергетической дипломатии и геополитики. М.: Ист Брук, 2005. С.136.*

Приоритетные направления «трубопроводной» дипломатии Азербайджана

Инфраструктура, которая обеспечивает безопасную и стабильную доставку энергоресурсов на мировые рынки, является ключевым элементом энергетической сферы страны.

Экономическая эффективность нефтедобычи определяется во многом средствами транспортировки энергоресурсов на внешние рынки, поэтому разработка и свободная транспортировка на мировые рынки богатых углеводородных запасов Азербайджана – один из приоритетов внешней политики страны.

Первый трубопровод, построенный в южнокавказском регионе еще в 1906 году, пролегал от Баку до побережья Черного моря в районе Батуми. В течение многих лет, вплоть до 1920 года, он обеспечивал отечественным и иностранным нефтепромышленникам доставку сырой нефти на мировые рынки.

В настоящее время Азербайджан осуществляет транспортировку нефти через северный маршрут – Баку–Новороссийск, западный – Баку–Супса, и через основной экспортный трубопровод – Баку–Тбилиси–Джейхан. Что касается газа, то его поставки проходят по маршруту Баку–Тбилиси–Эрзерум. Проблема доставки первичной нефти была решена за счет восстановления трубопроводов Баку–Новороссийск и Баку–Супса, которые находились до этого в плохом состоянии¹⁶.

В соответствии с «Контрактом века» первую добытую нефть из скважины Чираг-1 направили на мировые рынки через нефтепровод **Баку–Новороссийск** 12 ноября 1997 г. Данный шаг был частью нефтяной дипломатии страны, которая учитывала и российские геополитические интересы на Каспийском море. Экспорт азербайджанской нефти через территорию России по трубопроводу Баку–Новороссийск положительно повлиял на отношения с Москвой¹⁷.

Начавшиеся военные действия в Чечне нарушили работу нефтепровода, но не остановили ее. Поскольку данное направление транспортировки нефти имело для России огромное значение, было принято решение о строительстве трубопровода в обход Чечни, которое завершилось в апреле 2000 года¹⁸.

¹⁶ Əhmədov M. *Azərbaycan: yeni neft erası və bəyənəlxalq siyasət*. Bakı: Elm, 1997. S.90–91.

¹⁷ *Ibid.* S.102–103.

¹⁸ *Геополитика Каспийского региона. М.: Международные отношения, 2003. С.111.*

Однако объем нефти, которую можно было экспортировать через трубопровод Баку–Новороссийск, был недостаточным. Также в целях обеспечения энергетической безопасности республики следовало диверсифицировать пути поставки нефти на мировые рынки. Более того, нефть из данного трубопровода транспортируется через Босфор, пропускная способность которого не столь высока. Это представляет опасность и для Стамбула: авария нефтяного танкера может привести к катастрофическим последствиям.

Нефть Азербайджана в западном направлении доставляется также через трубопровод **Баку–Супса**. В марте 1996 года президенты Грузии и Азербайджана подписали три соглашения, касающиеся транспортировки каспийской нефти через Грузию, а также Договор о строительстве и эксплуатации трубопровода Баку–Супса. Договор был заключен на 30 лет без права пересмотра в течение 8 лет тарифов на прокачку нефти¹⁹.

К началу 1999 года строительство нефтепровода Баку–Супса было завершено. Маршрут трубопровода проходит от Сангачальского терминала по территории Азербайджана и Грузии до терминала в Супсе на побережье Черного моря. Трубопровод изначально предназначался для экспорта нефти в рамках проекта «Ранняя добыча», предусматривающего разработку месторождения «Чираг». Протяженность трубопровода Баку–Супса составляет 837 км, диаметр – 21 дюйм (530 мм), а пропускная способность – 115 000 баррелей в день (15 750 тонн в день). Трубопровод введен в действие 17 апреля 1999 г. При строительстве использовали элементы старого советского продуктопровода Баку–Батуми (150 км)²⁰.

Как и трубопровод Баку–Новороссийск, Баку–Супса доставляет нефть по Черному морю и далее танкерами через проливы Босфор и Дарданеллы. Как уже отмечалось выше, эти проливы перегружены транспортом, каждый день через них проходит большое количество судов и танкеров. Аварии с танкерами, наполненными нефтепродуктами, приводят к экологическим проблемам и представляют угрозу для окружающей среды. Турция неоднократно заявляла о тяжелой ситуации в зоне проливов.

Несмотря на вышесказанное, Баку–Супса сохраняет свое значение как для Азербайджана, так и для других заинтересованных сторон. В

¹⁹ <http://www.izvestia.ru/azerbaijan/article44632/>.

²⁰ Там же.

2004 году Украина официально обратилась к Азербайджану и Казахстану, призвав их поддержать проект строительства трубопровода Одесса–Броды–Гданьск как продолжение трубопровода Баку–Тбилиси–Супса²¹. Этот трубопровод может стать дополнительным выходом азербайджанских ресурсов на западные рынки.

По предварительным данным, нефтяные запасы республики оцениваются в объеме 2,2 млрд. тонн, а запасы газа – 5,5 трлн. кубометров²². В связи с этим очевидно, что существование северного и западного путей доставки не является достаточным для транспортировки больших объемов нефти. Еще в 90-х годах правительство Азербайджана знало, что нехватка экспортных мощностей будет тормозить развитие как отдельных проектов, так и всей энергетической сферы страны.

«Контракт века» предусматривал строительство основного экспортного трубопровода (ОЭТ) для доставки каспийской нефти на западные рынки. Необходимо было выбрать его маршрут.

Как в Азербайджане, так и в странах-участниках «Контракта века» широко обсуждались различные варианты транспортных путей каспийских энергоресурсов. Представители компаний, участвующих в разработке азербайджанских нефтяных месторождений, собрались в Лондоне в 1995 году для обсуждения путей доставки азербайджанской нефти, однако не смогли прийти к окончательному решению. Среди обсуждаемых вариантов была прокладка трубопровода через территорию Армении²³. Реализация такого варианта была бы выгодна и для Еревана как в экономическом, так и в политическом плане. Однако Армения не хотела менять свою позицию в отношении Нагорного Карабаха, а потому Азербайджан отказался от этого плана.

Учитывая все плюсы и минусы маршрутов, стороны остановились на проекте ОЭТ Баку–Тбилиси–Джейхан (БТД), который сегодня полностью оправдал себя. Важность и преимущество ОЭТ Баку–Тбилиси–Джейхан определяется не только геостратегическими интересами сторон, но и, что немаловажно, растущим лимитом пропускной способности Босфора. В связи с этим трубопровод БТД представляется наиболее

²¹ Агамалы Ф. Президент – Реформатор. СПб., 2010. С.242.

²² В Баку состоялась конференция министров энергетики стран, принимающих участие в Бакинском энергетическом саммите // http://www.cibcgroup.com/shah_news_ru.shtml?cgibin/show_news.pl?lang=ru&id=3795.

²³ Шорохов В. Нефть и политика Азербайджана. М., 1997. С.192.

приемлемым не только для сторон, подписавших соглашение, но и для других стран, которые используют Босфор для выхода в Средиземное море²⁴. Экономическая рентабельность ОЭТ повышается и потому, что его пропускная способность в пять раз больше, чем у других нефтепроводов (Баку–Новороссийск, Баку–Супса).

Исходя из вышесказанного, распоряжением президента Азербайджанской Республики Г.Алиева от 5 сентября 1997 г. была создана специальная рабочая группа по решению всех вопросов, возникающих в связи с созданием ОЭТ. Группа возглавила работу по переговорам, проектированию и будущему строительству этого трубопровода, который представляет собой управляющуюся из единого центра интегрированную систему доставки на международные рынки углеводородов из Азербайджанской Республики, а также их транзит из Туркменистана, Казахстана и других прикаспийских стран.

Трубопровод **Баку–Тбилиси–Джейхан** реализовался в результате больших дипломатических усилий и масштабных работ по строительству. Он имеет большое экономическое и политическое значение для Азербайджана, а кроме того, важен и для социальной сферы.

Трубопровод БТД предназначен для транспортировки каспийской нефти к турецкому порту Джейхан, расположенному на берегу Средиземного моря. Общая его протяженность – 1 768 км, из которых 443 км пролегает по территории Азербайджана, 249 км – Грузии, 1 076 км – Турции. Проектная пропускная мощность – 50 млн. тонн нефти в год, или 1 млн. баррелей в сутки²⁵. Объем реально прокачиваемой нефти составлял на 2008 год 1,2 млн. баррелей нефти ежедневно. Строительство нефтепровода обошлось в 4 млрд. долларов. Сумма общего финансового кредита составляет 2,6 млрд. долларов²⁶. Со времени сдачи трубопровода в эксплуатацию (июль 2006 г.) до 1 апреля 2010 года по БТД было прокачено уже 115,3 млн. тонн нефти «Azeri Light». В 2009 году по нефтепроводу было экспортировано 36,2 млн. тонн азербайджанской нефти²⁷.

²⁴ Мехтиев Р. *Азербайджан: вызовы глобализации*. Баку, 2004. С.308.

²⁵ Основной экспортный нефтепровод Баку–Тбилиси–Джейхан имени Гейдара Алиева. Факты и цифры // *Dirçəliş-XXI əsr*. 2006. №100–101. S.80–81.

²⁶ Электронное периодическое издание «РИАН.Ру»
<http://www.rian.ru/economy/20090417/168381928.html>.

²⁷ Информационное агентство «The First News»

В настоящее время Азербайджан является одной из стран, играющих ключевую роль в обеспечении энергетической безопасности Европы. Этот фактор способствует интеграции Азербайджана в европейское сообщество и повышает значение страны на мировой арене.

Среди энергоносителей важное место в мире после нефти занимает газ. Данный вид топлива превосходит по запасам на Земле нефть. Опыт трубопровода БТД сыграл позитивную роль и для прокладки газопровода из Баку в Эрзерум, используя который Азербайджан транспортирует газ из месторождения «Шахдениз» – как в Грузию и Турцию, так и, частично, в Европу. Нефтяная дипломатия также привела к восстановлению взаимовыгодных, дружественных и партнерских отношений с Западом.

Южно-Кавказский Трубопровод (ЮКТ) Баку–Тбилиси–Эрзерум был проложен для доставки азербайджанского газа с месторождения «Шахдениз» на рынки Европы через территорию Турции. 12 марта 2001 года в Анкаре между Азербайджаном и Турцией было подписано соглашение еще об одном масштабном проекте, которое предполагало поставки азербайджанского газа на внешний рынок.

Акционерами компании ЮКТ К^о являются: BP (технический оператор – 25,5%), Statoil (коммерческий оператор – 25,5%), Государственная Нефтяная Компания Азербайджана (ГНКАР – 10%), NICO (10%), Total (10%) и Турецкая нефтяная компания ТРАО (9%). Что касается технических характеристик трубопровода, то протяженность ЮКТ 690 км (442 км – азербайджанский участок, 248 км – грузинский), а диаметр труб составляет 42 дюйма. Максимальная пропускная способность трубопровода 20 млрд. куб. м газа в год. ЮКТ был введен в действие в мае 2006 года²⁸.

На территории Азербайджана и Грузии газопровод ЮКТ проходит параллельно нефтепроводу БТД (в 10–28 метрах). На нескольких участках использована возможность одновременной укладки труб ЮКТ и БТД, что позволило свести к минимуму воздействие на окружающую среду или подверженность природным катаклизмам²⁹.

Транспортировка природного газа с уникального, считающегося одним из крупнейших в мире газоконденсатного месторождения «Шахде-

http://www.1news.az/economy/oil_n_gas/20100413094245565.html.

²⁸ <http://www.window2baku.com/oil7.htm>.

²⁹ Там же.

низ» на Каспийском шельфе Азербайджана, на мировые рынки посредством трубопровода Баку–Тбилиси–Эрзерум доказала, что Азербайджан является одним из главных поставщиков природных энергоресурсов.

Начиная с 2002 года ЕС при поддержке США начал лоббировать проект магистрального газопровода «Nabucco» протяженностью 3,3 тыс. км из Туркмении и Азербайджана в европейские страны, прежде всего в Австрию и Германию. Проектная мощность составляет 26–32 млрд. кубометров газа в год³⁰. Предполагаемая стоимость проекта – €7,9 млрд.³¹ Для транспортировки газа из Туркмении рассматривается вариант строительства подводного газопровода из Туркменбаши в Баку. В консорциуме по строительству газопровода участвуют австрийские, турецкие, болгарские, румынские, венгерские и немецкие компании.

Первоначально проект газопровода «Nabucco», представленный в 2004 году, предполагал поставку газа с месторождений Ирана в Персидском заливе. Но в 2006 году в связи с конфликтом вокруг иранской ядерной программы было принято решение изменить проект таким образом, чтобы иметь возможность поставлять газ из Туркмении и Азербайджана.

13 июля 2009 года в турецкой столице Анкаре премьер-министры Турции, Австрии и Венгрии и министры энергетики Болгарии и Румынии подписали многостороннее соглашение о строительстве газопровода «Nabucco». Планировалось, что строительство газотранспортной системы будет завершено к 2014 году, однако на момент подписания соглашения ни одного поставщика газа для него еще не было найдено³².

4 марта 2010 г. Турция ратифицировала свое участие в проекте «Nabucco» и строительство газопровода через свою территорию. Однако к концу марта переговоры о поставках азербайджанского газа в Европу между Анкарой и Баку были приостановлены в связи с возникновением противоречий между сторонами³³.

Между тем Иран и Пакистан подписали соглашение о строительстве газопровода в восточном направлении – в Индию и Китай, который

³⁰ Россия победила в гонке газопроводов <http://vz.ru/economy/2008/2/6/143029.html>.

³¹ Стоимость проекта «Набукко» увеличена более чем в 1,5 раза – до 7,9 млрд. евро <http://www.interfax.ru/print.asp?sec=1446&id=79842>

³² <http://lenta.ru/articles/2009/07/13/nabucco>.

³³ Ссора Азербайджана и Турции поставила под угрозу проект «Nabucco» <http://lenta.ru/news/2010/03/23/nabucco>.

может отнять у европейского трубопроводного проекта «Nabucco» последние надежды на выживание. Ирано-пакистанская договоренность может окончательно сорвать планы строительства газопровода «Nabucco». В качестве ресурсной базы у «Nabucco» есть пока только 7–8 млрд. кубометров азербайджанского газа, и участники проекта очень надеются на подключение к нему Ирана. Среди других потребителей фигурирует и Россия. В октябре прошлого года ГНКАР и «Газпром» подписали контракт об экспорте газа в РФ по цене, которую президент Ильхам Алиев назвал «взаимовыгодной». На первых порах договорились о поставках 500 млн. кубометров в год, затем увеличили эту цифру вдвое. При этом Баку заявил о готовности продавать России любые требующиеся ей объемы газа из тех, что он намерен экспортировать. Пропускная способность связывающего Азербайджан и Россию газопровода составляет 7 млрд. кубометров газа в год³⁴.

Таким образом, события могут пойти по следующему сценарию. Иранский газ идет на восток – в Пакистан, а затем, по всей видимости, в Индию и Китай. Азербайджанский газ готовы без остатка раскупить Иран (в том числе для реэкспорта на восток) и Россия (в том числе для «Южного потока»). Кроме того, определенные объемы азербайджанского газа законтрактованы Турцией для внутренних нужд. Однако переговоры между Баку и Анкарой о цене на газ, который должен пойти транзитом в Европу, по-прежнему идут весьма сложно. Причем дошло до того, что Ильхам Алиев обвинил турецкую сторону в том, что она просто не дает Азербайджану экспортировать газ. Условиями же контрактов с Россией и Ираном он вполне доволен³⁵. Вывод напрашивается один: у «Nabucco» на нынешнем этапе нет шансов получить хоть сколько-нибудь азербайджанского или иранского газа.

В целом же, благодаря продуманной энергетической политике и дипломатии, Азербайджан смог выйти из глубочайшего системного и экономического кризиса 90-х годов прошлого столетия, заложив в наступившем XXI веке фундамент стабильного и динамичного развития страны, что и позволило ему превратиться в лидера на Южном Кавказе.

³⁴ Миловзоров А. *Nabucco умирает* // <http://www.utro.ru/articles/2010/03/25/882736.shtml>.

³⁵ Там же.

Наши авторы

Кургинян Сергей Ервандович

кандидат физико-математических наук, политолог,
Президент Международного общественного фонда
«Экспериментальный творческий центр», главный редактор
журнала «Россия XXI», главный режиссер театра «На
досках»

Максимычев Игорь Федорович

посланник в отставке, доктор политических наук,
главный научный сотрудник Института Европы РАН

Гриневский Олег Алексеевич

доктор исторических наук,
чрезвычайный и полномочный посол в отставке,
руководитель Центра Европа–США, институт Европы РАН,
профессор РГГУ и МГИМО-Университета МИД России

Щеглов Андрей Петрович

управляющий делами Совета православных церковных
приходов Преображенского монастыря, кандидат
философских наук, докторант ИФРАН, сектор Истории
русской философии

Стейнберг Марк

профессор факультета истории Иллинойского университета,
редактор журнала «Slavic Review», США

Юрганов Андрей Львович

доктор исторических наук, профессор, заведующий
кафедрой истории России средневековья и раннего Нового
времени РГГУ

Печатнов Владимир Олегович

доктор исторических наук, профессор, заведующий
кафедрой истории и политики стран Европы и Америки
МГИМО-Университета МИД России

Our authors

Kurginyan Sergey Ervandovich

Ph. D. in physics and mathematics, specialist in political sciences, President of the International Public Foundation «Experimental Creative Center», editor-in-chief of «Russia XXI», Chief producer of the Theatre «On the Boards»

Maksimychhev Igor' Phedorovich

D. Sci. in political sciences, the Chief researcher of the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

Grinevsky Oleg Alekseevich

D. Sci., historian, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, Director of the Center «Europe–USA», Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Professor of Russian State University for the Humanities and Moscow State Institute of International Relations (University)

Scheglov Andrey Petrovich

Ph. D., philosopher, Operating Affairs of Council of Orthodox Church Arrivals in the Preobrazhenskiy monastery

Steinberg Mark D.

Professor, University of Illinois at Urbana-Champaign (USA), Department of History, Editor, «Slavic Review»

Yurganov Andrey L'vovich

D.Sci., historian, Professor, Head of Chair of Early and Early Modern Russian History, Russian State University for Humanities

Pechatnov Vladimir Olegovich

D. Sci., historian, Professor, Head of Chair of European and American Policy of Moscow State Institute of International Relations (University)

Aliev Natig

Post-graduated of Moscow State Institute of International Relations (University)

**Международный общественный фонд
«ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ ТВОРЧЕСКИЙ ЦЕНТР»**

**представляет новую книгу
«РАДИКАЛЬНЫЙ ИСЛАМ.
ВЗГЛЯД ИЗ ИНДИИ И РОССИИ»**

под редакцией Сергея Кургиняна и Викрама Суда

Сборник «Радикальный ислам: взгляд из Индии и России» включает результаты исследований, проведенных аналитиками российского Международного общественного фонда «Экспериментальный творческий центр» (Центр Кургиняна) и индийского исследовательского центра Observer Research Foundation. Авторы рассматривают в широком политическом, экономическом и философском контексте исторические и социальные аспекты появления и развития радикальных тенденций в исламе. Предметом изучения является также деятельность радикальных исламистских группировок. Особое внимание уделяется их участию в террористических акциях, направленных против конкретных государств Южной Азии. Исследуется степень угрозы овладения радикальными исламистскими террористическими группами оружием массового уничтожения.

**Книгу можно приобрести
в магазинах Москвы, Санкт-Петербурга,
других городов России,
в интернет-магазинах,
в редакции журнала «Россия XXI»
(в редакции возможен заказ на доставку
почтой наложенным платежом).**

**Редакция: 123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22.
Тел.: (495) 691-74-79, (495) 691-50-03. E-mail: russia21@ecc.ru**

ISSN 0869–8503

Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.
© «Россия XXI» 2010.
Цена свободная.

Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
Телефон (495)691-74-79, факс (495)694-17-54
E-mail russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru>

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.

Подписано в печать 21.09.2010. Формат 60x88 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 12.5 печ. л.
Тираж 1500 экз. Заказ №
Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ».
140010 Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-кт, 403.
Тел. 554-21-86

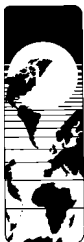
5. 2010 september-october

Theory and Practice of the Political Games

Sergey Kurginyan

System of Coordinates _____ **6**

Geopolitics and International Policy Issues

Igor' Maksimychev

The Post is Surrendered. The DDR's Last Year.
Extracts from Diaries of the Advisor-envoy
of the USSR Embassy in Berlin (the end) _____ **44**

Oleg Grinevsky

The Summit of Unrealized Possibilities _____ **64**

Mentality. Strivings for Cultural Wealth

Andrey Scheglov

Palee Sensible. The Legend
about Falling of Sataniil _____ **88**

Pages of History

Mark D. Steinberg

The Deformed and Decadent Modern
Self: Public Discourse on the Urban
Self in Russia, 1906-1916 _____ **114**

Andrey Yurganov

The First Step in de-Stalinization of
the Historical Science _____ **146**

Topical Archive

Vladimir Pechatnov

Grand Strategy of the USSR
after WWII by the Eyes
of the British Intelligence _____ **160**

Readers' Letters

Natig Aliiev

The Energy Policy and Diplomacy
of Azerbaijan Republic _____ **182**

РОССИЯ XXI